

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ № 1(72) 2018

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук): психологические науки, педагогические науки, юридические науки

СОДЕРЖАНИЕ

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Тамбовцев А. И., Долгошеин П. С.
Специфика компетентностного обучения
и подготовки миротворцев ООН к мониторингу
за деятельностью местной полиции
за деятельностью местной полиции
страны пребывания 5

Психолого-педагогические аспекты становления и развития личности

Авдиенко Г. Ю. Повышение эффективности
образовательного процесса позитивным влиянием
на социально-психологическую комфортность
обучающихся в образовательной среде вуза 12

Воспитательная, правовая и профилактическая работа

Кожевников В. В. Оценочная функция
правосознания и правовая активность личности
в правоохранительной сфере. 17

Миронова Г. Н. Мелкий коммерческий подкуп
как проявление коррупции 21

Психология правонарушающего поведения

Сухов А. Н. Социально-психологический подход
к пониманию организованной преступности. 25

Стешич Е. С. Акцентуации характера и преступное
поведение (по данным исследования личности
виновных в умышленном и неосторожном
лишении жизни) 29

Психологические аспекты напряженности и конфликтологии

Саппа Н. Н. О социальной тревожности курсантов. . 36

Психокоррекция и регуляция состояний

Бабурин С. В., Чирков А. М. Системогенез
стрессовой адаптации осужденных. 40

Забегалина С. В., Кириллова Т. В. Особенности
личностной сферы и уровень прогностических
способностей курсантов Академии ФСИН России
как факторы их адаптации. 47

Малетина Е. А. Оценка эффективности комплексной
психокоррекционной программы подготовки
осужденных к освобождению 55

Теория и методика профессионального образования

Иголевиц Н. И., Иголевиц В. А., Иванова С. И.
Развитие системы оценки профессиональных
компетенций сотрудников правоохранительных
органов. 60

Селин П. В. Современные формы сплочения
педагогического коллектива в суворовском военном
училище МВД России 68

Воронцова Ю. А., Хорошко Е. Ю. Типичные ошибки
в письменной речи сотрудников полиции. 74

Липина Е. А. Из опыта преподавания русского
жестового языка сотрудникам полиции
в системе дополнительного профессионального
образования. 79

Гнездилова Е. В. Обучение чтению
и профессиональной коммуникации
на иностранном языке в адъюнктуре
Барнаульского юридического института
МВД России 86

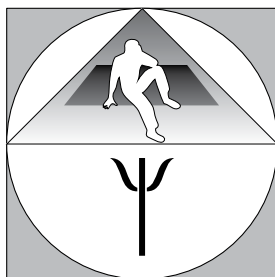
Алферова Ю. И. Особенности формирования
концептов, относящихся к профессиональной
деятельности курсантов вуза МВД,
в ситуации учебного билингвизма. 90

Психодиагностика и познание личности

Горностаев С. В. Особенности служебного
положения и деятельности как факторы
служебной лояльности 95

Информация для авторов и подписчиков. 102

Information for authors and subscribers 103

PSYCHOPEDAGOGICS IN LAW ENFORCEMENT NO. 1(72) 2018

Has been published quarterly since 1995

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: psychological sciences, pedagogical sciences, juridical sciences

---

CONTENTS

Morally-psychological and professional training and reliability

Tambovtsev A. I., Dolgoshein P. S.

The Specification of the UN Peacekeepers' Competence Education and Training for the Host Country Local Police Activity Monitoring 5

Psychological and pedagogical aspects of personality formation and development

Avdienko G. Yu. Improving the Efficiency of the Educational Process through a Positive Impact on the Socio-Psychological Comfort of Studying in Educational University Environment 12

Educative, legal and preventive work

Kozhevnikov V. V. On the Evaluative Function of the Legal Consciousness and Personal Legal Activity in Law Enforcement. 17

Mironova G. N. Minor Commercial Bribery as a Manifestation of Corruption 21

Psychology of delinquent behaviour

Sukhov A. N. Socio-Psychological Approach to Organized Crime 25

Steshich E. S. Character Accentuations and Criminal Behaviour (according to the Study of Prisoners Convicted of Intentional Killing or Reckless Killing) 29

Psychological aspects of tension and conflict resolution

Sappa N. N. To the Question of Military Cadets' Social Anxiety 36

Psycho-correction and regulation of states

Baburin S. V., Chirkov A. M. Systemogenesis of Convicts' Adaptation to Stress 40

Zabegalina S. V., Kirillova T. V. Features of the Personal Sphere and Level of Prognostic Ability of Cadets of the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service as Factors of their Adaptation 47

Maletina E. A. Estimate of Effectiveness of Complex Psycho-Correction Programme of Convicts' Support before Release 55

Theory and methods of professional education

Iogolevich N. I., Iogolevich V. A., Ivanova S. I. Developing the System of Assessment of Law Enforcement Officers' Professional Competencies 60

Selin P. V. Modern Forms of Uniting the Teaching Staff at Educational Institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs 68

Vorontsova Ju. A., Khoroshko E. Yu. Typical Mistakes in Written Speech of Police Officers. 74

Lipina Ye. A. On the Experience of Training Law Enforcement Officers in Russian Sign Language within the System of the Additional Vocational Education. 79

Gnezdilova E. V. Learning Reading Skills and Professional Communication in Foreign Language at Post-Graduate Courses of the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs 86

Alferova Yu. I. Formation of law enforcement-related concepts in situation of artificial bilingualism 90

Personality psychodiagnostics and cognition

Gornostaev S. V. Peculiarities of Official Status and Activity as Factors of Official Loyalty. 95

Information for authors and subscribers 103

Главный редактор

**Караваяв Александр Федорович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
кандидат педагогических наук, доцент (Омск, Россия)**

Редакционный совет

- В. Л. Кубышко**, кандидат педагогических наук — *председатель редакционного совета* (Москва, Россия)
- М. В. Бавсун**, доктор юридических наук, доцент — *заместитель председателя редакционного совета* (Омск, Россия)
- Т. Ю. Базаров**, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
- Н. А. Батулин**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск, Россия)
- Б. Б. Булатов**, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
- Б. А. Вяткин**, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член корреспондент РАО (Пермь, Россия)
- Г. Г. Гонсалес**, доктор педагогических наук, доцент, научный сотрудник (Гранада, Испания)
- А. В. Глазков**, доктор психологических наук, профессор (Иркутск, Россия)
- Б. Ю. Дерешко**, кандидат юридических наук, доцент (Москва, Россия)
- А. А. Ендржеевский**, начальник Управления морально-психологического обеспечения (Москва, Россия)
- Ф. К. Зиннуров**, доктор педагогических наук, профессор (Казань, Россия)
- А. Т. Иваницкий**, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Г. Караяни**, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член корреспондент РАО (Москва, Россия)
- В. М. Крук**, доктор психологических наук, профессор — *заместитель председателя редакционного совета* (Москва, Россия)
- А. Г. Маклаков**, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
- Н. А. Минжанов**, доктор педагогических наук, профессор (Караганда, Республика Казахстан)
- А. Н. Пастушеня**, доктор психологических наук, профессор (Минск, Республика Беларусь)
- Ю. Ф. Подлипняк**, доктор педагогических наук, профессор (Москва, Россия)
- В. М. Поздняков**, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
- А. А. Реан**, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (Москва, Россия)
- В. Ю. Рыбников**, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
- С. Н. Федотов**, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
- Б. А. Федулов**, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия)
- Ян Инвэнь**, доктор права (Чжэцзян, Китайская Народная Республика)

Редакционная коллегия

- И. Ф. Андрущишин**, доктор педагогических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)
- Л. Н. Антилогова**, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)
- Н. В. Астафьев**, доктор педагогических наук, профессор (Тюмень, Россия)

- Г. Д. Бабушкин**, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор (Омск, Россия) — *заместитель главного редактора*
- М. Блашкова**, доктор психологических наук, профессор (Жилина, Словакия)
- И. А. Вишняков**, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)
- В. А. Губин**, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
- Э. В. Зауторова**, доктор педагогических наук, профессор (Вологда, Россия)
- Э. Р. Исхаков**, доктор медицинских наук, профессор (Уфа, Россия)
- С. Г. Еремеев**, кандидат психологических наук, доцент (Красноярск, Россия)
- Т. М. Есаян**, кандидат юридических наук (Ереван, Республика Армения)
- А. Карпова**, доктор социальных наук, доцент, научный сотрудник (Гранада, Испания)
- Т. Н. Кильмашкина**, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
- М. П. Клейменов**, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
- И. О. Котенев**, кандидат психологических наук, профессор (Москва, Россия)
- О. М. Красноярцева**, доктор психологических наук, профессор (Томск, Россия)
- В. Б. Куликов**, доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)
- И. Б. Лебедев**, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
- М. И. Марьин**, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия) — *заместитель главного редактора*
- А. А. Нечепуренко**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
- В. Е. Петров**, кандидат психологических наук, профессор (Москва, Россия)
- О. Л. Подлипняев**, доктор педагогических наук, профессор (Иркутск, Россия)
- Н. В. Сердюк**, доктор педагогических наук, профессор (Москва, Россия)
- Г. Ч. Синченко**, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Омск, Россия)
- И. Н. Сорокотягин**, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)
- А. Н. Сухов**, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Рязань, Россия)
- П. Т. Тюрин**, доктор психологических наук, профессор (Рига, Латвийская Республика)
- В. Л. Цветков**, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия) — *заместитель главного редактора*
- Д. В. Четверяков**, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)
- Г. С. Човдырова**, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор (Москва, Россия)
- Е. В. Черный**, доктор психологических наук, профессор (Симферополь, Россия)
- Ю. А. Шаранов**, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Шаров**, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)
- Е. П. Шербаков**, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия), ответственный секретарь
- М. С. Яницкий**, доктор психологических наук, профессор (Кемерово, Россия)

Учредитель издания:

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Главный редактор А. Ф. Караваяв
Редактирование и корректура М. В. Виноградова
Компьютерная верстка А. В. Евдокимов
Компьютерная правка Н. М. Серова

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОмА МВД России.
Тел.: +7-913-971-80-28, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-36632. Выдано Роскомнадзором 18 июня 2009 г.
Выход в свет: 30.03.2018. Тираж 300 экз. Уч.-изд. л. 13,5. Усл. печ. л. 12,0. Заказ №46.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© Омская академия МВД России, 2018

Founder
Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»
Editor-in-chief

Karavaev Aleksandr Fedorovich — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Pedagogical Sciences — **chairman of the editorial council** (Moscow, Russia)

M. V. Bavsun, Doctor of Sciences (Law), Associate-Professor — **Assistant chairman of the editorial council** (Omsk, Russia)

T. Yu. Bazarov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)

N. A. Baturin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Chelyabinsk, Russia)

B. B. Bulatov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

B. A. Vyatkin, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)

G. G. González, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor, Research Staff member (Granada, Spain)

A. V. Glazkov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)

B. Yu. Dereshko, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Moscow, Russia)

A. A. Yendzheyevskiy, Chief of the Directorate of moral and psychological support management of the State Service and Personnel Department of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

F. K. Zinnurov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, (Kazan, Russia)

A. T. Ivanitskiy, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. Karayani, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

V. M. Kruk, Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chairman of the editorial council** (Moscow, Russia)

A. G. Maklakov, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)

A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)

Yu. F. Podlipnyak, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

V. M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)

A. A. Rean, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

V. Yu. Rybnikov, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. N. Fedotov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)

B. A. Fedulov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)

Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)

The Editorial Board

I. F. Andrushchishin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)

L. N. Antilogova, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)

N. V. Astafiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Tyumen, Russia)

G. D. Babushkin, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor — **Assistant chief editor** (Omsk, Russia)

M. Blashkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Žilina, Slovakia)

I. A. Vishnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)

V. A. Gubin, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, (St. Petersburg, Russia)

E. V. Zautorova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)

E. R. Iskhakov, Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Ufa, Russia)

S. G. Ereemeev, Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor (Krasnoyarsk, Russia)

T. M. Yesayan, Candidate of Sciences (Law) (Yerevan, Armenia)

A. Kárpava, Doctor of Social Sciences, Associate-Professor, Research Staff member (Granada, Spain)

T. N. Kil'mashkina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

M. P. Kleymenov, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

I. O. Kotenev, Professor, Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)

O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Tomsk, Russia)

V. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)

I. B. Lebedev, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)

M. I. Mar'in, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chief editor** (Moscow, Russia)

A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

V. Ye. Petrov, Candidate of Psychological Sciences, Associate-professor (Moscow, Russia)

O. L. Podlinyaev, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)

N. V. Serdyuk, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)

G. Ch. Sinchenko, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor (Omsk, Russia)

I. N. Sorokotyagin, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

A. N. Sukhov, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (Ryazan, Russia)

P. T. Tyurin, Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)

V. L. Tsvetkov, Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chief editor** (Moscow, Russia)

D. V. Chetveryakov, Doctor of Psychology, Candidate of Medical Sciences, Professor (Omsk, Russia)

G. S. Chovdyrova, Doctor of Psychology, Doctor of Medical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

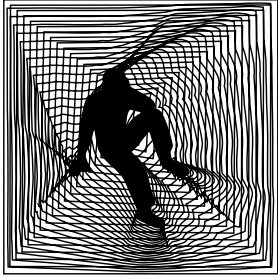
E. V. Cherniy, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol)

Yu. A. Sharanov, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. S. Sharov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)

Ye. P. Shcherbakov, Doctor of Psychology, Professor — executive secretary (Omsk, Russia)

M. S. Yanitsky, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

УДК 378 © А. И. Тамбовцев, П. С. Долгошеин, 2018

Специфика компетентностного обучения и подготовки миротворцев ООН к мониторингу за деятельностью местной полиции страны пребывания

Тамбовцев Андрей Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры ОРД в ОВД
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия. e-mail: bestcopat@mail.ru

Долгошеин Петр Сергеевич,

заместитель представителя МВД России в Финляндской Республике аппарата
представителей МВД России в иностранных государствах
Москва, Россия. e-mail: petr.dolgoshein@mail.ru

Полицейские контингенты ООН принимают участие в миротворческих миссиях, формируют правоохранительные структуры и обеспечивают мониторинг их деятельности. Для этого полицейский наблюдатель должен быть компетентным в сферах, которые он проверяет. Подготовка миротворцев ведется по международным и российским образовательным программам и методикам, эффективность которых вызывает сомнения. Цель работы — анализ особенностей формирования у миротворцев профессиональных компетенций по осуществлению мониторинга за деятельностью полиции страны пребывания. Полицейские системы мира построены по принципу функциональной специализации. Задача формирования миротворческих компетенций возлагается на программы подготовки миротворцев. Изучение Программы подготовки полицейского персонала ООН и Дополнительной профессиональной программы повышения квалификации сотрудников ОВД России и правоохранительных органов африканских государств свидетельствует об их слабой практикоориентированности. Программы преимущественно включают тематику общего характера, не отвечают запросам миротворческой деятельности, не предусматривают формирования необходимых миротворческих компетенций. Целесообразно предмиссионное обучение полицейских ООН основам предупреждения, раскрытия и расследования общеуголовных преступлений, свойственных конкретной миротворческой операции, которое придаст образовательному процессу практикоориентированный характер и оптимизирует формирование у кандидатов соответствующих профессиональных компетенций.

Ключевые слова: учебный процесс; Организация Объединенных Наций; миротворцы; миротворческие операции (миссии); центр подготовки миротворцев.

Для цитирования: Тамбовцев А. И., Долгошеин П. С. Специфика компетентностного обучения и подготовки миротворцев ООН к мониторингу за деятельностью местной полиции страны пребывания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 5–11.

Практика использования международных сил по установлению и поддержанию мира (а в контексте настоящей статьи — законности и правопорядка) наглядно свидетельствует о достигнутых Организацией Объединенных Наций и всем мировым сообществом успехах в деле миростроительства. На протяжении нескольких десятилетий международные полицейские контингенты в составе миротворческих сил ООН, включая и российских сотрудников органов внутренних дел, принимали и принимают участие в следующих миротворческих миссиях ООН:

1. Миссия ООН по делам временной администрации в Косово.
2. Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре.
3. Миссия ООН по стабилизации в Гаити.

4. Интегрированная миссия ООН в Тиморе-Лешти.
  5. Миссия ООН в Сьерра-Леоне.
  6. Миссия ООН в Либерии.
  7. Миссия ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго.
  8. Миссия ООН в Судане.
  9. Миссия ООН в Республике Южный Судан.
- В рамках предоставленных полномочий гражданские полицейские ООН осуществляют охрану общественного порядка и всестороннюю борьбу с преступностью в ее многочисленных проявлениях. Кроме того, они принимают участие в формировании правоохранительных структур, а также в организации и контроле самостоятельной правоприменительной деятельности вновь созданных силовых институтов в рамках так называемого мониторинга (наблюдения) за ними.

С учетом возросшей интенсивности миротворческой деятельности МВД России и насущной потребности в высококвалифицированных кадрах [1, с. 3] в 2000 г. в рамках международного сотрудничества по линии ООН на базе Всероссийского института повышения квалификации МВД России был создан Центр подготовки сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России для участия в миротворческих миссиях (далее — Центр).

Обучение в Центре проводится в соответствии с Дополнительной профессиональной программой повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и правоохранительных органов африканских государств-кандидатов для участия в миротворческих миссиях¹. В рамках курсов повышения квалификации Центр осуществляет интенсивное обучение и подготовку российских и зарубежных кандидатов в миротворцы к успешному прохождению ряда специальных языковых и функциональных тестов, дающих право претендентам на последующее участие в одной из миротворческих миссий. Аналогичные центры открыты и действуют в некоторых зарубежных странах.

Однако основанное на личном правоприменительном, миротворческом и педагогическом опыте авторов сравнение формируемых у кандидатов в процессе обучения профессиональных компетенций с некоторыми функциональными обязанностями миротворцев позволяет усомниться в достаточной эффективности и прагматичности используемых современных международных и российских образовательных программ и методик подготовки миротворцев.

Целью настоящей работы является анализ особенностей формирования у кандидатов в миротворцы некоторых профессиональных компетенций, востребованных в процессе осуществления мониторинга за правоприменительной деятельностью местной полиции страны пребывания, а именно:

— способность применять профессиональные навыки сотрудника полиции в повседневных и чрезвычайных ситуациях в условиях проведения миротворческих операций;

— способность осуществлять коммуникацию на иностранном (английском/французском) языке на уровне, необходимом для выполнения служебных задач в соответствии с требованиями Организации Объединенных Наций (ООН)².

Современные миротворческие миссии сочетают в себе «функции миростроительства и государственного строительства, функции в области управления, расширения государственной власти, верховенства права, обеспечения прав человека и правопорядка, полноценного осуществления исполнительной, судебной и законодательной власти» [2, с. 528–530] и нацелены на

формирование новых демократических структур власти или реорганизацию имеющихся с учетом международного опыта. Но следует признать, что в государствах или регионах, длительно находящихся в состоянии перманентных боевых действий, поствоенного гуманитарного кризиса, тотального беззакония, политической и социально-правовой дестабилизации, большинство государственных и общественно-политических структур и институтов отсутствуют или разобщены. В связи с этим базовым элементом государственной власти являются органы внутренних дел (полиция) как важнейшая правоохранительная структура, имеющая ключевое значение для организации нормальной жизнедеятельности общества и обеспечения его безопасности.

Сотрудники международной полиции ООН обязаны оказывать содействие в реформировании национальной полиции в соответствии с демократическими нормами поддержания общественного порядка, в том числе посредством проверки и сертификации ее персонала, предоставления консультаций по вопросам ее реорганизации и профессиональной подготовки, включая подготовку по гендерным вопросам, а также осуществление наблюдения (мониторинга) и наставническую работу с сотрудниками национальной полиции.

Рассматривая этот аспект и анализируя правоприменительную ситуацию в различных миссиях (в том числе личный опыт участия в миссиях ООН в Косово, Судане, Гаити), авторы констатируют, что повсеместной спецификой миротворческих миссий является крайне низкий профессиональный уровень сотрудников местной полиции, что обусловлено двумя основными причинами.

1. Низкий общий уровень образования населения в стране проведения миротворческой миссии. Длительные гражданские войны и военные действия на территории, политическая нестабильность, деградация государственных и социальных институтов, в том числе сферы образования и воспитания, лишили несколько поколений местного населения (или отдельные социальные группы) возможности получить даже начальное образование, позволяющее хотя бы читать и писать на государственном языке. По субъективным оценкам авторов, общая безграмотность полиции Южного Судана в 2009–2010 гг. достигала 15–25%, а специальное или юридическое образование имели 1–2% сотрудников местной полиции, в основном ветераны, получившие его в советский период.

2. Набор новых сотрудников в полицию без профессионального опыта и специального (а иногда и общего) образования, при фактическом отсутствии профессионального опытного звена полицейских, способных выступать в качестве наставников, обеспечивать преемственность поколений и тем самым высокий общий профессиональный уровень.

¹ *Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и правоохранительных органов африканских государств-кандидатов для участия в миротворческих миссиях.* Домодедово, 2016. 51 с.

² Там же.

Непрофессионализм и некомпетентность местных полицейских влекут всевозможные дисциплинарные проступки, например: нарушение формы одежды и графика несения службы, употребление спиртного на службе, злоупотребление служебными полномочиями, нарушение прав и свобод человека и гражданина и пр.

Следует выделить недостатки знаний, опыта, профессионализма, напрямую влияющие на состояние правопорядка и борьбу с преступностью, связанные с такими направлениями правоприменения, как патрулирование обслуживаемой территории, охрана общественного порядка, обеспечение безопасности, предупреждение и раскрытие преступлений, уголовно-правовая квалификация и расследование преступлений, конвоирование задержанных и осужденных, организация розыска пропавших без вести и пр.

В качестве негативного примера можно привести следующий случай. В 2009 г. в одной из провинций Южного Судана местным следователем было возбуждено уголовное дело по факту совершения распространенного в регионе преступления — вооруженного нападения на пастухов, их убийства и хищения более 2000 коров — с квалификацией «кража крупного рогатого скота (животных)». Следователь был убежден в правильности данной уголовно-правовой квалификации. Ни первоначальных, ни последующих мероприятий по раскрытию и расследованию запланировано и проведено не было. Описанный случай не является единичным и достаточно показательно демонстрирует профессиональный уровень местной полиции, требующий адекватной реакции полицейского наблюдателя и коррекции.

Подобный профессионально некомпетентный полицейский контингент, несомненно, нуждается в обучении, «наставничестве», консультировании, которое и должно обеспечиваться гражданскими полицейскими ООН в процессе мониторинга. Но в этом случае сам полицейский наблюдатель ООН должен не только обладать полномочиями, позволяющими осуществлять мониторинг, но и быть весьма компетентным в сферах, которые он проверяет (мониторит) и по которым дает правовые и организационно-тактические оценки и функциональные рекомендации.

Полномочия международных полицейских наблюдателей, а именно совокупность их прав и обязанностей, определяются мандатом миссии. Мандат на проведение операции ООН — это документ, закрепляющий полномочия, цели, методы реализации поставленных перед миссией задач, временные и пространственные рамки, а также численный состав миротворческой операции, пределы и субъектов применения силы в решении Совета Безопасности (в редких случаях Генеральной Ассамблеи) ООН в связи с проведением миротворческой операции. Мандат «является базовым документом, дающим представление об объеме и пределах правомочий и обязанностей, которыми могут быть наделены должностные лица ООН» [3, с. 20], он выдается миротвор-

ческой операции ООН в соответствии с главой VI или главой VII Устава ООН³.

Специфика абсолютного большинства современных миссий такова, что полицейские представители Организации Объединенных Наций «не принимают участия в конкретных акциях, предпринимаемых силами местной полиции, ограничиваясь наблюдением» [4, с. 53] за деятельностью местной полиции в рамках ее соответствия как прямому предназначению (обеспечение безопасности, охрана правопорядка и борьба с преступностью), так и общепринятым международным морально-правовым и этическим стандартам и нормам, в основном в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Можно констатировать, что в соответствии с действующими мандатами миротворческих миссий ООН современные международные полицейские наблюдатели всецело наделены правом осуществления мониторинга (наблюдения) за деятельностью местной полиции страны пребывания.

Особенность практически всех действующих миссий такова, что вновь прибывший полицейский назначается на самую распространенную низовую должность — патрульного офицера. Его должностными обязанностями являются мониторинг деятельности местных полицейских из различных подразделений и служб территориальных органов и управлений, взаимодействие с ними практически по всем направлениям деятельности. На более высоком уровне, следовательно с более высокой степенью ответственности, мониторинг осуществляется представителями подразделений стратегических консультаций (strategic advisory team, regional collocation unit).

Однако мониторинг предполагает не только наблюдение за каким-то функциональным аспектом полицейской деятельности или складывающейся ситуацией в каком-либо ее направлении, но и определение вида и характера нарушения или недостатка и формулирование конкретных рекомендаций (предложений) по их устранению или недопущению в будущем. В миротворческой практике авторов имеется случай, наглядно показывающий непрофессионализм полицейского наблюдателя, давшего следующую официальную оценку факту неправомерного содержания несовершеннолетнего правонарушителя в камере для задержанных: «Неправильно содержать несовершеннолетних в камере, так как дети — это цветы жизни и не должны содержаться в неволе». Бесспорно, что подобное вольное, неюридическое описание нарушения и обоснование его противоправности дискредитируют представителя ООН как специалиста, во-первых, уполномоченного, а во-вторых, компетентного (способного) давать юридическую оценку действиям представителя местной полиции и указания по оптимизации деятельности.

Выявленный факт нарушения (недостатка) и рекомендации по его устранению должны иметь конкретику и быть облеченными в соответствующие стилистиче-

³ Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/charter-United-nations/index.html> (дата обращения: 17.03.2017).

ские формы, свойственные служебным полицейским документам вообще и ООН в частности. Именно эти указанные компетенции гражданского полицейского ООН представляются нам нуждающимися в серьезной доработке на стадии подготовки (обучения) кандидатов в миротворцы. Поясним свою позицию.

Прежде всего, необходимо отметить особенности отбора кандидатов на участие в миротворческих миссиях в качестве гражданских полицейских ООН и объективную невозможность их изначальной профильной специализации. В соответствии с основополагающими принципами Организации Объединенных Наций селекция кандидатов в миротворцы осуществляется по таким наиболее общим критериям, как минимально допустимый возраст, стаж работы (службы) в полиции, знание языка, наличие водительского удостоверения и физическое состояние. Это, несомненно, справедливо, но абсолютно не учитывает профессиональное образование и специализацию кандидатов, что, по нашему мнению, негативно влияет на профессиональные компетенции (в частности, мониторинговые) полицейского советника ООН.

В многонациональном, поликультурном, мультиязыковом, многогранном обществе для эффективного противодействия разнообразным проявлениям преступности «современным полицейским необходимо знать иностранные языки, особенности правовых систем различных государств, основы международного права, современные методики и тактики борьбы с преступностью» [5, с. 3–4]. Это доказано многолетней мировой практикой борьбы с преступностью. «В каждой стране существует своя уникальная система отбора, расстановки и подготовки соответствующих специалистов для полиции, сложившаяся под воздействием территориальных, исторических, политических, социально-экономических факторов и особенностей национальных правовых систем» [6, с. 17], однако абсолютно все без исключения полицейские системы мира построены на определенной функциональной специализации сотрудников, исключаяющей (или существенно снижающей) возможность и необходимость знания исполнителями специфики иных, не свойственных им функциональных обязанностей. Особенно это касается вспомогательных, обеспечивающих работу полиции должностей — кадровых, тыловых, материально-технических, информационных и иных служб, не связанных с непосредственным правоприменением, обеспечением безопасности, профилактикой и раскрытием преступлений. Иными словами, кандидаты в миротворцы из числа сотрудников вышеназванных подразделений, будучи профессионалами в своей сфере деятельности, совершенно объективно могут не обладать профессиональными компетенциями представителей иных полицейских служб. Существенная разница компетенций, необходимых для различных категорий сотрудников полиции, наглядно продемонстрирована в профессиограммах (совокупности личностных, волевых, мыслительных, психофизиологических, социально-коммуникативных, образовательных,

функциональных и иных качеств, наиболее свойственных конкретной профессии), разработанных отечественными учеными [7] и полностью подтверждающих наш тезис.

Проведенный нами анализ профессиональных данных 268 полицейских из России и 197 полицейских из Зимбабве, Уганды, Руанды, Южно-Африканской и Центрально-Африканской республик, Мозамбика, Намибии, Камеруна, Ганы, Южного Судана, Египта, Замбии, Ботсваны, Конго, Кении, Анголы, Малави, Мали, Бурунди, прошедших обучение в Центре подготовки миротворцев в период с 2011 г. по 2016 г., безапелляционно свидетельствует о несопоставимо разных направлениях и уровнях профессиональной подготовки и практического опыта кандидатов.

Так, российскими полицейскими были представлены следующие службы и подразделения:

- подразделения общественной безопасности (дежурные части, ППС, кинологическая служба, участковые уполномоченные и др.) — 65 человек, 24,25%;
- вспомогательные службы (финансовые, тыловые, информационные и др.) — 36 человек, 13,43%;
- служба общественных связей — 3 человека, 1,11%;
- оперативные подразделения — 54 человека, 20,14%;
- следствие, дознание — 21 человек, 7,87%;
- ГАИ/ГИБДД — 17 человек, 6,34%;
- специальные подразделения — 13 человек, 4,85%;
- учебные заведения — 30 человек, 11,20%;
- подразделения Интерпола/международное сотрудничество — 14 человек, 5,22%;
- подразделения по работе с личным составом, кадры — 15 человек, 5,59%;
- пограничные службы — 0.

Зарубежные полицейские ведомства были представлены следующими категориями:

- подразделения общественной безопасности — 121 человек, 61,46%;
- вспомогательные службы (финансовые, тыловые, информационные и др.) — 16 человек, 8,12%;
- служба общественных связей — 3 человека, 1,52%;
- оперативные подразделения — 8 человек, 4,06%;
- следствие, дознание — 5 человек, 2,53%;
- ГАИ/ГИБДД — 4 человека, 2,03%;
- специальные подразделения — 18 человек, 9,13%;
- учебные заведения — 5 человек, 2,53%;
- подразделения Интерпола/международное сотрудничество — 4 человека, 2,03%;
- подразделения по работе с личным составом, кадры — 11 человек, 5,58%;
- пограничные службы — 2 человека, 1,01%.

Очевидно, что примерно половина и российских, и иностранных сотрудников полиции, проходивших обучение в Центре подготовки миротворцев, в своей повседневной деятельности не связаны с непосредственным обеспечением охраны общественного порядка и безопасности, раскрытием и расследованием преступлений. Более того, их функциональные обязанности, хотя и являются необходимыми и важными для функционирования правоохранительных структур, тем

не менее носят лишь вспомогательный характер. Из сказанного можно сделать объективный вывод, что сотрудники вышеперечисленных категорий, при их высокой мотивированности к профессиональной полицейской и миротворческой деятельности и соответствии всем предъявляемым критериям отбора кандидатов в миссию ООН, могут не знать основ таких важнейших направлений деятельности полиции, как:

- охрана общественного порядка;
- основы патрульно-постовой службы;
- содержание и конвоирование задержанных и арестованных;
- предупреждение, раскрытие и расследование преступлений;
- розыск преступников и лиц, пропавших без вести;
- идентификация неопознанных трупов.

В связи с этим представляется проблематичным их эффективное участие в мониторинге данных направлений деятельности местной полиции (в рамках полномочий гражданского полицейского ООН), предполагающем не только выявление недостатков и их профессиональную оценку, но и предложение рекомендаций по их устранению, по коррекции деятельности, консультирование сотрудников (в том числе руководящего звена) и т. п.

Казалось бы, устранить эту проблему (хотя бы частично) и должны программы курсов «домашней» предмиссионной подготовки кандидатов в миротворцы в специализированных центрах или курсов первоначального обучения (Induction courses), проводимых непосредственно по прибытии миротворцев в миссию. О важности и специфичности такой подготовки миротворцев ранее уже заявляли отдельные авторы [8, с. 43]. Однако изучение используемых в настоящее время Программ (стандартов) подготовки полицейского персонала ООН⁴, разработанных Департаментом по миротворческим операциям ООН и Департаментом полевой поддержки ООН, и основанной на них Дополнительной профессиональной программы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и правоохранительных органов африканских государств-кандидатов для участия в миротворческих миссиях позволяет усомниться в их прагматичности и практикоориентированности.

Во-первых, программа данного учебного курса Центра подготовки миротворцев основана на учебных материалах ООН:

- Core Pre-deployment Training Materials (CPDTM) — Основные учебные материалы, необходимые для отправки в миссию;
- Specialized Training Materials (STM) — Специализированные тренировочные материалы.

Важно отметить, что программа Центра не может выйти за рамки указанных материалов ООН. Даже при желании и готовности педагогического персонала Центра обучить кандидатов дисциплинам, востребованным

в миссиях, но не названным в материалах ООН, они не имеют такой возможности, так как ограничены тематикой, избранной ООН, и объемом занятий.

Во-вторых, основные учебные материалы охватывают важные знания общего характера, необходимые для всего миротворческого персонала, помогающие эффективно функционировать в операциях по поддержанию мира ООН (например, знание фундаментальных принципов миротворчества; системы управления операциями по поддержанию мира; прав человека, включая защиту женщин и детей в вооруженных конфликтах; кодекса поведения и дисциплины, действий по предотвращению сексуальной эксплуатации и жестокого обращения, вопросов гражданской и индивидуальной безопасности, ВИЧ / СПИД).

В то же время специализированные учебные материалы, нацеленные на формирование компетенций, необходимых для выполнения должностных обязанностей сотрудника полиции Организации Объединенных Наций в миссии, не в полной мере отвечают реальным запросам миротворческой деятельности. В течение учебного курса в Центре проводятся занятия по таким учебным дисциплинам, как:

- Основные учебные материалы, необходимые для отправки в миссию, и Специализированные тренировочные материалы-модули для полиции миротворцев ООН — 78 часов;
- Иностранный язык для полиции миротворцев ООН — 50 часов;
- Стрельба — 12 часов;
- Вождение полноприводного автомобиля — 26 часов;
- Компьютерное обучение — 16 часов;
- Медицинская подготовка — 8 часов;
- Психологическая подготовка — 8 часов.

Кроме того, обучение включает также организационно-методическое собрание и ознакомительные мероприятия — 2 часа; комплексные учения «Один день в Миссии» — 8 часов и экзамены SAAT — 16 часов.

Очевидно, что, при актуальности и важности всех разделов и изучаемых тем, в них доминируют страноведческий, культурный, организационно-правовой и языковой аспекты деятельности ООН и функционирования конкретной миссии, рекомендуемые к изучению Организацией Объединенных Наций. Излагаемый в указанных учебных программах материал содержит, несомненно, важные в «чужой», незнакомой стране сведения о структуре миссии ООН, полномочиях полицейского персонала, исторических, религиозных, культурных и прочих особенностях страны пребывания, правилах личной безопасности в повседневной жизни и во время службы, но, к сожалению, не дает знаний и не формирует профессиональных компетенций, позволяющих миротворцу осуществлять эффективный мониторинг таких специфических направлений полицейской

⁴ Standard Operating Procedure: Selection and Recruitment Procedures for United Nations Personnel at the Police Division, Peacekeeping Operations and Special Political Missions // UN DPKO/DFS, 2011.

деятельности, как обеспечение охраны общественного порядка, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, розыск пропавших без вести и др.

В контексте сказанного «важное значение для повышения профессионального потенциала участников миротворческих миссий ООН играет дополнительное обучение в ходе работы в миссии по актуальным направлениям полицейской деятельности, включая обеспечение прав человека, реформирование и реструктуризацию местной полиции, предупреждение преступлений на сексуальной почве и работу с уязвимыми группами населения» [9, с. 172]. Вышеизложенное особенно актуально для начинающих свою служебную деятельность в качестве международного полицейского наблюдателя, которая имеет неоднозначную специфику, рассмотренную нами ранее [10; 11].

Конкретизируя и расширяя данную авторскую позицию, считаем целесообразным организацию обучения полицейского персонала ООН основам предупреждения, раскрытия и расследования не только преступлений на сексуальной почве, но как минимум преступлений общеуголовного характера, а также преступлений, наиболее свойственных конкретному региону проведения миротворческой операции. Указанный постулат наиболее актуален для стран африканского континента в связи с наличием в их законодательстве института шариата и значительным отличием структуры и динамики местной преступности от российской или европейской, что также анализировалось нами ранее [12]. Согласно мнению опрошенных нами более 50 экспертов, имеющих опыт 2–7 «африканских» миссий, наиболее распространенными преступлениями для этого региона являются: разбой, грабеж, кража, угон скота, изнасилование, супружеская измена, поджог, похищение человека, причинение телесных повреждений, убийство, мошенничество. Именно эта специфика и должна найти отражение в программных документах по подготовке миротворцев для данного региона.

Признавая значимость обучения миротворцев по прибытии в миссию, авторы, тем не менее, считают, что основное обучение по всем вышеуказанным направлениям полицейской деятельности должно осуществляться в предмиссионный период. Это, безусловно, потребует определенных изменений тематики, структуры и объема курсов подготовки миротворцев, но, на наш взгляд, придаст образовательному процессу максимально практикоориентированный характер и оптимизирует формирование у кандидатов профессиональных компетенций, востребованных в миссиях и позволяющих осуществлять эффективный мониторинг правоприменительной деятельности местной полиции.

С учетом современных тенденций развития миротворческого движения и складывающейся российской и международной практики подготовки полицейских к участию в миротворческих миссиях мы разделяем мнение наших коллег, имеющих опыт миротворческой и педагогической деятельности, о том, что «в данных условиях возрастают требования к странам, представ-

ляющим полицейский персонал, в части выполнения унифицированных критериев отбора и предмиссионной подготовки кандидатов, а также к организации и проведению обучения полицейских ООН в ходе проведения миротворческой миссии» [9, с. 172]. В контексте сказанного именно правильно сформированная программа «домашней» предмиссионной подготовки кандидатов в миротворцы является залогом и основой формирования профессиональных миротворческих компетенций по мониторингу полицейской деятельности.

На основании вышеизложенного сделаем следующий вывод. Современные международные и российские программы подготовки миротворцев не в полной мере соответствуют запросам миротворческой деятельности в части мониторинга деятельности местной полиции страны пребывания. В целях формирования у кандидатов профессиональных компетенций, позволяющих осуществлять эффективный мониторинг правоприменительной деятельности, необходимо предусмотреть изучение ими основ отдельных направлений деятельности полиции, а именно: предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, охраны общественного порядка, патрулирования, защиты детей и женщин, противодействия домашнему насилию, пресечения массовых беспорядков.

Список литературы

1. Авдеева М. В. Межкультурная коммуникативная компетентность сотрудников органов внутренних дел в сфере международного сотрудничества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
2. Зверев П. Г. Особенности современных миротворческих операций ООН // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 528–530.
3. Земсков Ю. В. Международно-правовые проблемы организации и деятельности российских полицейских наблюдателей в операциях ООН по поддержанию мира : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.
4. Зверев П. Г. Проблема вмешательства миротворческих сил ООН в вооруженные конфликты и международное гуманитарное право // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3(33). С. 53–57.
5. Алексеева Т. О. Международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
6. Шушкевич И. Ч. Система подготовки кадров для правоохранительных органов зарубежных стран (теоретический и организационно-правовой аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 24 с.
7. Пряхина М. В., Душкин А. С., Мартиросова Н. В. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе компетентностного подхода : монография. СПб., 2012. 136 с.
8. Тихомиров Д. В., Демиденко И. В. Подготовка миротворцев — приоритетное направление международного сотрудничества // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2007. № 3(7). С. 43–47.
9. Тишков С. А. Организация обучения полицейского персонала в условиях миротворческих миссий ООН // Наука и практика. 2016. № 3(68). С. 170–172.
10. Тамбовцев А. И. Некоторые проблемы профессиональной подготовки сотрудников ОВД к действиям в условиях

международных полицейских операций // Инновации в образовательной деятельности: формы, методы, техника : межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2009. Вып. 7. С. 43–46.

11. Тамбовцев А. И., Зверев В. О. Особенности полицейской службы в составе международных сил в зонах локальных конфликтов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 1(40). С. 20–23.

12. Тамбовцев А. И. Особенности миссий ООН в странах Африки сквозь призму подготовки миротворцев // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3(58). С. 6–10.

Поступила 29.06.2017

The Specification of the UN Peacekeepers' Competence Education and Training for the Host Country Local Police Activity Monitoring

Tambovtsev Andrey I.,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor, head of the Department of Crime Detection in Law Enforcement Agencies, the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
St. Petersburg, Russia. e-mail: bestcopat@mail.ru

Dolgoshein Petr S.,

Alternate Representative of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Republic of Finland
St. Petersburg, Russia. e-mail: bestcopat@mail.ru

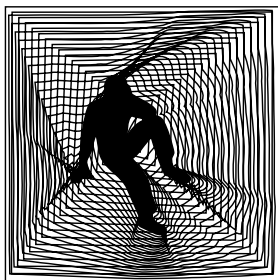
Abstract. The UN police contingents take part in peacekeeping missions, form law enforcement bodies and monitor their activity. The UN police officer should be competent in the fields he (she) checks. UN peacekeepers' training is conducted in accordance with international and Russian training programs and methods. There is some doubt in their effectiveness. The aim of the article is to analyze the peculiarities of cultivating the UN peacekeepers' professional competence to monitor the host country local police activity. The worldwide police systems are built on functional specialization base. The UN peacekeepers' training programs are charged with the task of cultivating the UN peacekeepers' professional competence. As the analysis shows the «UN Police Personnel Training Program» and «Advanced Education Additional Program of the Russian and African States Interiors Personnel» lack their practical application. Both programs contain only general information, do not respond to real UN peacekeeping needs and do not develop actual peacekeeping competences. It is reasonable to conduct the pre-mission training of the UN peacekeepers to prevent, solve and investigate general crimes related to a particular UN mission territory. It will provide a practical direction to the educational process and cultivate the necessary competences.

Keywords: educational process; United Nations; peacekeepers; UN peacekeeping operations (missions); UN peacekeepers' training centre.

Citation: Tambovtsev A. I., Dolgoshein P. S. The Specification of the UN Peacekeepers' Competence Education and Training for the Host Country Local Police Activity Monitoring. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 5–11.

References

1. Avdeeva M. V. Intercultural communicative competence of law enforcement officers in international cooperation: abstract of candidate of juridical science thesis. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.)
2. Zverev P. G. Peculiarities of recent UN peacekeeping operations. *Young scientist*. No 11. 2013. P. 528–530. (In Russ.)
3. Zemskov Yu. V. International law problems of Russian police monitors' management and performance in UN peacekeeping operations: abstract of candidate of juridical science thesis. Moscow, 2003. 23 p. (In Russ.)
4. Zverev P. G. The problem of UN peacekeeping forces intervention in armed conflicts and the international humanitarian law. *Bulletin of Kaliningrad department of Saint-Petersburg university of the Ministry of the Interior of Russia*. No 3(33). 2013. P. 53–57. (In Russ.)
5. Alekseeva T. O. International cooperation in police personnel training: author's summary for candidate of juridical science thesis. Moscow, 2003. 24 p. (In Russ.)
6. Shushkevich I. Ch. The foreign states system of law enforcement personnel training (theoretical, organizational and juridical aspects): abstract of candidate of juridical science thesis. St. Petersburg, 1998. 24 p. (In Russ.)
7. Pryakhina M. V., Dushkin A. S., Martirosova N. V. Occupational description of general kinds of activities in the Interior based on competency-based approach: monograph. St. Petersburg, 2012. 136 p. (In Russ.)
8. Tikhomirov D. V., Demidenko I. V. Peacekeepers training – priority direction of the international cooperation. *Bulletin of All-Russian advanced education institute of the Ministry of the Interior of Russia*. No. 3(7). 2007. P. 43–47. (In Russ.)
9. Tishkov S. A. Organization of the police personnel training in the UN missions. *Science and practice*. No. 3(68). 2016. P. 170–172. (In Russ.)
10. Tambovtsev A. I. Some problems of law enforcement personnel professional training for the acting during the international police operations. *Innovations in education: forms, methods, techniques: Inter-university collection of scientific works*. Omsk, 2009. Issue 7 P. 43–46. (In Russ.)
11. Tambovtsev A. I., Zverev V. O. Peculiarities of policing in the context of international forces in local military conflict zones. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(40). 2010. P. 20–30. (In Russ.)
12. Tambovtsev A. I. Peculiarities of UN missions in African countries through peacekeeping training. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No 3(58). 2014. P. 6–10. (In Russ.)

Психолого-педагогические аспекты становления и развития личности

Psychological and pedagogical aspects of personality formation and development

УДК 159.9.07 © Г. Ю. Авдиенко, 2018

Повышение эффективности образовательного процесса позитивным влиянием на социально-психологическую комфортность обучающихся в образовательной среде вуза

Авдиенко Геннадий Юрьевич,

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии
служебной деятельности Санкт-Петербургского военного института
войск национальной гвардии
Санкт-Петербург, Россия. e-mail: gen_avdienko@mail.ru

Образовательный процесс в вузе предполагает профессиональное обучение и личностное развитие обучающихся, регламентируется большим количеством нормативных и руководящих документов, строится в соответствии со сложившейся и изменяющейся педагогической системой. Вместе с тем в современном высшем и послевузовском образовании отсутствует единая система психологического сопровождения обучающихся. Обучение в вузе представляет собой взаимодействие обучающегося с образовательной средой вуза, адаптация обучающегося к которой имеет большую значимость. Выявлен психологический феномен — социально-психологическая комфортность обучающегося в образовательной среде вуза. Концепция последней совместно с концепцией личностного адаптационного потенциала, разработанной А. Г. Маклаковым, легла в основу методологических положений психологической службы. Исследованием эффективности работы психологической службы установлено, что под ее воздействием существенно изменилась успешность обучения и улучшилась субъективная оценка обучающимися образовательной среды вуза.

Ключевые слова: образовательный процесс; образовательная среда; адаптация; адаптированность; обучающийся, социально-психологическая комфортность.

Для цитирования: Авдиенко Г. Ю. Повышение эффективности образовательного процесса позитивным влиянием на социально-психологическую комфортность обучающихся в образовательной среде вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 12–16.

В настоящее время образовательный процесс определяется большинством ученых как процесс образования, воспитания и развития личности в соответствии с государственными образовательными стандартами*, в которых предусматривается преемственность основных образовательных программ, а также духовно-нравственное развитие и воспитание. Следовательно, образовательный процесс в вузе предполагает как переход от общих знаний к специальным, необходимым в будущей профессиональной деятельности, так и формирование направленности субъекта обучения на деятельность в интересах общества. В современном высшем и послевузовском образовании при широкой нормативной регламентации и сложившейся и изменяющейся педагогической системе отсутствует единая система психологического сопровождения обучающихся.

Развитие человека в значительной степени обусловлено деятельностью, которой он занимается. В свою

очередь, деятельность предполагает наличие соответствующей среды [1]. Субъективное восприятие среды деятельности изучалось многими исследователями. Так, о значимости «ролевого ожидания» в данной социальной среде для определения поведения человека рассуждали Х. Хаузен [2] и Б. Г. Ананьев [3]. По мнению К. Левина, один и тот же человек в зависимости от того, в каком состоянии он находится, одну и ту же ситуацию может воспринимать по-разному [4]. А. Г. Маклаков замечает, что человек всегда стремится заниматься тем видом деятельности, который ему нравится и вызывает у него позитивные чувства [5]. Успешность деятельности напрямую зависит от адаптации, которая связана с функциональным состоянием. Само понятие «состояние» как философская [6] и общенаучная категория [7] может рассматриваться в качестве совокупности происходящих в организме процессов, а также степени развития и целостности структур [8]. И чем выше уровень

* См., напр.: Вишнякова С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М., 1999. 538 с.; Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. М., 2005. 448 с.; Современный образовательный процесс: основные понятия и термины / авт.-сост. М. Ю. Олешков и В. М. Уваров. М., 2006. 191 с.

функционального состояния, тем выше работоспособность человека. Успешность обучения в вузе обусловлена характером адаптации к его среде. Эффективность процесса адаптации во многом определена функциональным состоянием организма, которое, в свою очередь, зависит не только от наличия физиологических резервов, но и от индивидуально-психологических особенностей личности, отвечающих за адекватную регуляцию состояний [9]. Поэтому психологические особенности личности имеют большое значение для успешного обучения в вузе. В. И. Медведев указывает, что организация личностных механизмов регуляции состояний соответствует иерархии структуры личности [10]. Это подтверждают С. Н. Федотов и Т. Е. Еременко, рассматривавшие психологические факторы успешности служебной деятельности курсантов образовательных организаций правоохранительных органов и выявившие, что успешность взаимосвязана со способностью адаптироваться [11].

Таким образом, эффективность деятельности человека зависит от того, насколько он адаптирован к среде и, соответственно, чувствует себя комфортно в ней. Идея комфортности человека в среде деятельности, а именно обучающегося в образовательной среде вуза, легла в основу научно-исследовательской работы, одним из результатов которой явилось подтверждение существования феномена социально-психологической комфортности обучающихся в образовательной среде.

Под комфортностью, как правило, понимается состояние уюта, удобства и удовлетворения, обеспеченное совокупностью положительных психологических и физиологических ощущений человека в процессе его деятельности [12]. Анализ литературных источников позволил сформулировать следующее определение социально-психологической комфортности обучающегося в образовательной среде вуза: это состояние удовлетворения, обеспеченное совокупностью положительных психологических и физиологических ощущений человека в процессе его учебной деятельности, порождаемое системой влияний социального и пространственно-предметного окружения, побуждающего к освоению профессиональной деятельности [13]. Однако комфортность не означает того, что к обучающемуся не предъявляются серьезные требования и от этого он себя чувствует комфортно. Как раз наоборот, он должен придерживаться существующих норм поведения, а также успешно осваивать предложенную учебную программу, быть удовлетворенным сложившимся порядком общения с преподавателями и взаимодействием с сокурсниками.

Выявление указанного психологического феномена позволило сформулировать концепцию социально-психологической комфортности обучающегося в образовательной среде вуза. Изложим основные ее положения.

1. Адаптированность наступает после завершения процесса адаптации обучающегося к образовательной среде вуза и выступает в качестве следующего этапа адаптации, характеризующего степень уравновешенности обучающегося с этой средой.

2. Адаптированность может оцениваться переживанием удовлетворенности, что, в свою очередь, является выражением комфортности.

3. Оценить социально-психологическую комфортность обучающегося можно через уровень развития психологических характеристик, отражающих адаптированность к образовательной среде вуза: идентичности с социальной средой вуза, мотивации к обучению, профессиональной направленности, удовлетворенности потребностями в безопасности, самооценки личности.

Высокий уровень социально-психологической комфортности говорит об удовлетворенности образовательной средой вуза, определяющей адаптированность обучающегося к условиям конкретного учебного заведения, в результате чего он пребывает в оптимальном функциональном состоянии, что позитивно влияет на эффективность учебной деятельности и личностного развития.

4. Психологические особенности личности, отвечающие за удовлетворенность обучающегося образовательной средой вуза, составляют интегральную характеристику психического состояния — социально-психологическую комфортность обучающегося в образовательной среде вуза. Показатели социально-психологической комфортности содержат информацию о соответствии между условиями образовательной среды и уровнем реализации потребностей личностного развития и профессиональной подготовки в этой среде.

5. Через социально-психологическую комфортность обучающийся выражает субъективную оценку своей адаптированности к образовательной среде вуза.

6. Социально-психологическая комфортность позволяет дифференцировать всех обучающихся по степени адаптированности, а также выявлять причины ее снижения. Именно этим определяется целесообразность использования данной интегральной психологической характеристики в процедурах психологического сопровождения обучающихся в образовательной среде вуза.

7. При выявлении низких значений психологических характеристик, составляющих социально-психологическую комфортность, целесообразно проведение мероприятий психологической помощи, направленных на поддержание уровня такой комфортности.

Совместив центральные положения психологической службы учебного заведения, разработанные А. Г. Маклаковым, с концепцией социально-психологической комфортности обучающихся в образовательной среде вуза, на факультете психологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина организовали психологическую службу, деятельность которой строилась в соответствии со следующими методологическими положениями:

1. Адаптация человека к среде вуза способствует успешному обучению и повышению качества подготовки специалиста. Данное направление реализуется посредством концепции А. Г. Маклакова и его теста «Адаптивность».

2. Успешная адаптация к образовательной среде вуза невозможна без оценки уровня адаптированности конкретного обучающегося к условиям обучения. Дан-

ная задача решается с опорой на концепцию социально-психологической комфортности и тест, разработанный Г. Ю. Авдиенко, позволяющий определить степень социально-психологической комфортности обучающегося в образовательной среде вуза (СПКС).

3. Психологическое сопровождение образовательного процесса призвано помогать в обеспечении социально-психологической комфортности обучающихся к условиям обучения в вузе и тем самым помочь в достижении необходимого уровня адаптированности.

С целью изучить изменения эффективности образовательного процесса посредством оказания позитивного влияния на социально-психологическую комфортность обучающихся были проанализированы результаты мониторинговых исследований студентов факультета психологии, а также итогов их результатов успеваемости. Психологическая служба факультета психологии была создана в 2007 г., сначала ее работа была посвящена установлению и научному обоснованию сроков и эффективности мероприятий, способствующих повышению качества образования и развитию личности студентов. Первое психодиагностическое исследование и мониторинг успешности обучения проведены осенью 2008 г. (условное обозначение — 1). В 2010 г. психологическая служба уже в полной мере осуществляла свою деятельность (условное обозначение — 2). Сравнение параметров психологических характеристик и успешности обучения студентов именно в 2008 и 2010 гг. свидетельствует об эффективности деятельности психологической службы.

Прежде всего с использованием методов математической статистики средние баллы, характеризующие успешность обучения по результатам сессий, были переведены в стандартные единицы — СТЭН (табл. 1).

С использованием методов математической статистики все выбранные студенты факультета были разделены на три группы успешности обучения: успешные, средний балл успеваемости которых вошел в диапазон 8–10 СТЭН, нормальной успешности — 4–7 СТЭН и неуспешные — 1–3 СТЭН (табл. 2).

Графически распределение студентов факультета выборки 1 и 2 по успешности обучения представлено на рис. 1.

Далее были произведены расчеты показателей социально-психологической комфортности для каждой из групп успешности (рис. 2).

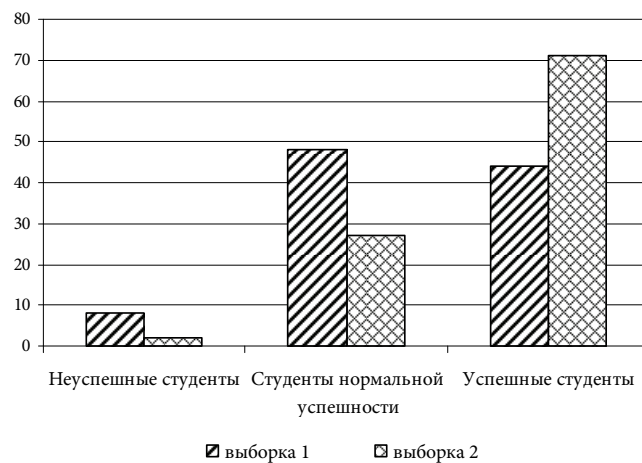

Рис. 1. Распределение студентов факультета выборок 1 и 2 по успешности обучения (Fig. 1. Distribution of students of faculty 1 and 2 samples of successful learning)

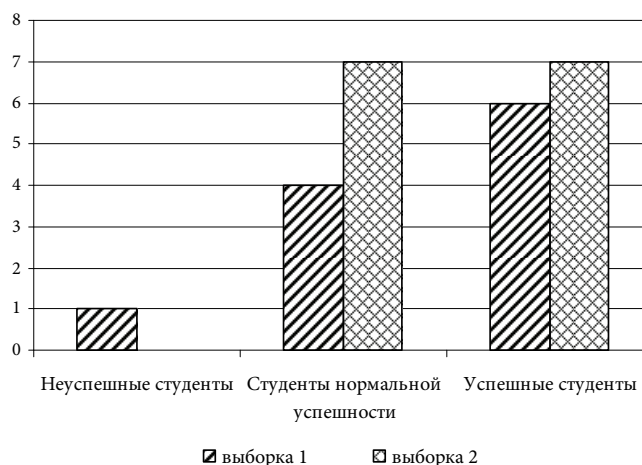

Рис. 2. Распределение групп студентов (СПКС) различной успешности обучения 1 и 2 выборок по уровню социально-психологической комфортности (Fig. 2. Distribution parameter socio-psychological comfort students (SPKS) between groups of varying success training 1 and 2 samples)

Таблица 1. Результаты перевода средних баллов, характеризующих успешность обучения по результатам сессии, в стандартные единицы измерения (СТЭН)

(Table 1. The results of transforming Cumulative Grade Point Average describing the success of the training according to the results of the session in unified measures)

СТЭН	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Средний балл	2,30	2,59	2,89	3,18	3,48	3,82	4,12	4,41	4,71	5,00

Таблица 2. Распределение студентов по успешности обучения

(Table 2. Separation of samples of students 2008–2009 and 2009–2010 years according to training success)

Учебный год	Неуспешные		Нормальной успешности		Успешные		Общая выборка	
	Количество	Доля от общей выборки, %	Количество	Доля от общей выборки, %	Количество	Доля от общей выборки, %	Количество	Доля от общей выборки, %
2008–2009	18	8	112	48	103	44	233	100
2009–2010	4	2	57	27	153	71	214	100

Распределение студентов факультета по успешности выборки 1 выявило, что параметры социально-психологической комфортности студентов разных групп успешности отличаются. Так, значения показателя комфортности у неуспешных студентов находятся в области 1 СТЭН. Ввиду малого количества аналогичной выборки 2 этот показатель не может быть подвергнут процедуре сравнения. Показатели комфортности студентов нормальной успешности для выборки 1 достигают 4 СТЭН, выборки 2 — 6 СТЭН; успешных — соответственно 6 и 7 СТЭН.

Мониторинговые исследования демонстрируют, что позитивное воздействие на социально-психологическую комфортность обучающихся привело к следующим результатам.

1. Изменились показатели, характеризующие социально-психологическую комфортность обучающихся в образовательной среде вуза у студентов выборки 2: он оказался выше, чем у студентов выборки 1. При этом значительно уменьшилось число студентов, отнесенных к группе неуспешных, и увеличилось количество успешных студентов.

2. Улучшился социально-психологический климат, что выразилось:

— в доверительных, не переходящих границ административных норм отношениях между обучающимися, администрацией факультета и профессорско-преподавательским составом;

— в здоровых взаимоотношениях, проявляющихся во взаимной поддержке, взаимоуважении, сопереживании внутри студенческих групп;

— в значительной активизации научной деятельности студентов.

3. Функционирование психологической службы, направленной на поддержку адаптации и социально-психологической комфортности обучающихся в образовательной среде, позволило значительно повысить эффективность образовательного процесса. Позитивное воздействие на социально-психологическую комфортность заключалось в решении следующих задач: оказании психологической помощи в адаптации студентов первого курса к образовательной среде вуза, обучении методам саморегуляции стрессовых состояний, психологической поддержке при снижении мотивации к обучению в вузе, оказании индивидуальной и групповой психологической помощи по запросу студенческих групп или отдельных студентов. Студенты стали чаще реализовывать свои способности на различных мероприятиях: на выставках, конкурсах, спортивных соревнованиях, в работе по профессиональной ориентации молодежи. По мнению

профессорско-преподавательского состава и сотрудников деканата, повысилась учебная активность студентов.

Таким образом, в результате проведенного исследования адаптированности обучающихся вузов был выявлен психологический феномен, характеризующий его субъективную оценку удовлетворенности образовательной средой вуза, получивший название «социально-психологическая комфортность обучающегося в образовательной среде вуза». Это интегральная психологическая характеристика, в структуру которой входят идентичность с социальной средой, мотивация к обучению, самооценка, профессиональная направленность и удовлетворение потребности в безопасности. В перспективе при организации психологической работы необходимо опираться на рассмотренную концепцию как универсальный механизм поддержания высокого уровня адаптированности обучающихся вузов различных типов.

Список литературы

1. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004. 352 с.
2. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. 408 с.
3. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб., 2001. 272 с.
4. Lewin K. A Dynamic Theory of Personality. N.-Y. London. 1935. 305 p.
5. Маклаков А. Г. Общая психология : учебник. СПб., 2000. 592 с.
6. Кемкин В. И. Категория «состояние» в научном понимании. М., 1983. 120 с.
7. Петленко В. П. Философские вопросы теории патологии. Л., 1968. 310 с.
8. Голицын Г. А. Некоторые закономерности поведения массовых систем. М., 1973. 114 с.
9. Маклаков А. Г., Чермянин С. В., Новиков В. С., Боченков А. А. Психологическое обеспечение учебного процесса вузов. СПб., 1997. 254 с.
10. Медведев В. И. Психологические реакции человека в экспериментальных условиях // Руководство по физиологии. М., 1979. С. 625–674.
11. Федотов С. Н., Еременко Т. Е. Влияние психологических факторов на успешность служебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1(64). С. 3–8.
12. Janof-Bulman R., Frieze I. H. A theoretical perspective for understanding reactions to victimization. J. Soc. Issues. 1983. V. 39.(2). P. 1–17.
13. Авдиенко Г. Ю. Концепция социально-психологической комфортности образовательной среды вуза в системе психологического обеспечения адаптации к ней учащихся : монография. СПб., 2010. 316 с.

Поступила 08.09.2017

Improving the Efficiency of the Educational Process through a Positive Impact on the Socio-Psychological Comfort of Studying in Educational University Environment

Avdienko Gennady Yu.,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor, Professor at the department of service psychology, St Petersburg Military Institute of National Guard Service St Petersburg, Russia. e-mail: gen_avdienko@mail.ru

Abstract. The educational process at a university is training of a specialist, it involves professional training and students' personal development and is regulated by a large number of regulations and guidance documents, current and changing pedagogical system. However, in today's higher and postgraduate education, there is no uniform system of psychological maintenance of trainees. Training at a university is the process of interaction between the student with educational university environment, so it seems important to consider the learner's adaptation to this environment. The author reveals a psychological phenomenon, that is the learner's socially-psychological comfort in university educational environment the concept of which along with the concept of personal adaptation potential developed by Maklakov A.G. is the basis of methodology provisions of psychological service. The study of effective psychological maintenance department basing on the concept of socially psychological comfort proved that successful learning has considerably changed and subjective assessment made by the students of their educational environment in high school has improved.

Keywords: educational process, educational environment, adaptation, adaptation training, the trainee, socio-psychological comfort.

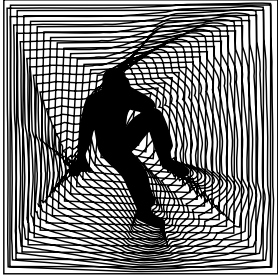

Citation: Avdienko G. Yu. Improving the Efficiency of the Educational Process through a Positive Impact on the Socio-Psychological Comfort of Studying in Educational University Environment. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 12–16.

References

1. Leontiev A. N. Activities. Consciousness. Personality. Moscow, 2004. 352 p. (In Russ.)
  2. Hekhauzen H. Motivation and work. Moscow, 1986. 408 p. (In Russ.)
  3. Ananiev B.G. On contemporary issues of human study. St. Petersburg, 2001. 272p. (In Russ.)
  4. Lewin K. A Dynamic Theory of Personality. New York; London, 1935. 305 p.
  5. Maklakov A. G. General Psychology. Tutorial. St. Petersburg, 2000. 592 p. (In Russ.)
  6. Kemkin V. I. Category of "Status" in science. Moscow, 1983. 120 p. (In Russ.)
  7. Petlenko V. P. Philosophical questions of the theory of pathology. Leningrad, 1968. 310 p. (In Russ.)
  8. Golitsin G. A. Some principles of mass systems behaviour. Moscow, 1973. P. 109–114. (In Russ.)
  9. Maklakov A. G., Chermianin S. V., Novikov V. S., Bochenkov A. A. Psychological maintenance of educational process at universities. St. Petersburg, 1997. 254 p. (In Russ.)
  10. Medvedev V. I. Human psychological reactions in experimental conditions. Guide to Physiology. Moscow, 1979. P. 625–674. (In Russ.)
  11. Fedotov S. N., Yeremenko T. E. Influence of psychological factors on the success of the cadets' performance at educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(64). 2016. P. 3–8. (In Russ.)
  12. Janof-Bulman R., Frieze I. H. A theoretical perspective for understanding reactions to victimization. *J. Soc. Issues*. 1983. V. 39. (2). P. 1–17.
  13. Avdienko G. Yu. The concept of socio-psychological comfort of educational university environment in the system of students' psychological adaptation. Monograph. St. Petersburg, 2010. 316 p. (In Russ.)
-

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ, ПРАВОВАЯ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Educative, legal and preventive work

УДК 342.7 © В. В. Кожевников, 2018

Оценочная функция правосознания и правовая активность личности в правоохранительной сфере

Кожевников Владимир Валентинович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Омского государственного
университета им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия. e-mail: kta6973@rambler.ru

Оценочная функция правосознания состоит в том, что с его помощью дается оценка конкретным жизненным обстоятельствам как юридически значимым. Этой функцией правосознания охватываются четыре типа оценок: 1) оценка позитивного права, его отдельных норм, институтов, принципов; 2) оценка правового поведения окружающих лиц; 3) оценка лицом своего собственного поведения в правовой сфере; 4) оценка деятельности правоохранительных органов. Правовая активность рассматривается, с одной стороны, как компонент правовой культуры личности, с другой — как один из факторов, влияющих на правовую активность соответствующих лиц в различных формах. Приведенные результаты социологических исследований дают представление об уровне правовой активности граждан в правоохранительной сфере, во многом обусловленной авторитетом соответствующих органов и их доверием со стороны населения.

Ключевые слова: правосознание; оценочная функция; правоохранительные органы; деятельность полиции; правовая активность; социологические исследования.

Для цитирования: Кожевников В. В. Оценочная функция правосознания и правовая активность личности в правоохранительной сфере // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 17–20.

Среди разнообразных функций индивидуального правосознания (познавательной, регулятивной, правового прогнозирования, правового моделирования и т. д.) особое место занимает оценочная, понимающаяся как «свойство правосознания, характеризующее реакцию сознания на право и выражающееся в виде эмоционального отношения: одобрения права, солидарности с его требованиями либо неприятия права (правовой нигилизм)» [1, с. 341]. На взгляд С. В. Бошно, оценочная функция правосознания состоит в том, что с его помощью дается оценка конкретным жизненным обстоятельствам как юридически значимым. Правовая оценка — это деятельность (видимо, речь идет об умственной деятельности) субъектов по установлению (отождествлению) различных жизненных ситуаций с их правовой квалификацией с точки зрения своих представлений о праве, законности, должном поведении [2, с. 300]. Уточним, что этой функцией правосознания охватываются четыре типа оценок:

- 1) оценка позитивного права, его отдельных норм, институтов, принципов;
- 2) оценка правового поведения окружающих лиц;
- 3) оценка своего собственного поведения лица в правовой сфере;
- 4) оценка деятельности правоохранительных органов.

В последнем случае речь идет в первую очередь о деятельности полиции, что обуславливается, по крайней мере, двумя обстоятельствами: многочисленностью сотрудников полиции по сравнению с иными правоохранителями, а также их более частыми контактами с населением. Полагаем, нельзя преуменьшать значимость оценочной функции, ибо ее практическая реализация позволяет выработать правовую установку личности. Правовая установка, в свою очередь, определяет ее правовую ориентацию, представляющую своеобразную внутреннюю программу действий в юридически значимой ситуации и обуславливающую тот или иной вариант правового поведения индивида.

При подготовке настоящей статьи ставились следующие задачи:

- 1) раскрыть значимость оценочной функции индивидуального правосознания, которая определяет вид правового (правомерного или неправомерного) поведения;
- 2) выявить содержание правовой активности граждан;
- 3) на основе результатов социологических исследований показать связь между оценкой деятельности полиции и правовой активностью граждан, направленной на содействие полиции.

Правовая активность рассматривается, с одной стороны, как компонент правовой культуры личности, а с другой — как один из факторов, влияющих на профессионально-правовую активность соответствующих должностных лиц и на эффективность их деятельности. А. Ф. Никитин заявляет, что «человек, у которого воспитано уважение к закону, готов не только показать пример поведения в соответствии с нормами общественной жизни, но и встать, если нужно, на защиту законности» [3, с. 20]. В свое время А. И. Экимов, определяя правовую культуру как единство правовых знаний, оценок и поведения, справедливо указывал, что «иметь правовую культуру — значит не только самому исполнять требования юридических норм, но и добиваться того, чтобы и другие субъекты следовали им», «правовая культура предполагает также оценку правомерности других лиц и действий, направленные на то, чтобы воспрепятствовать совершению ими правонарушений» [4, с. 345].

Можно в целом согласиться с позицией А. А. Фомина, выделяющего в качестве основных компонентов правовой культуры личности а) правосознание (знание и понимание права, уважительное отношение к закону); б) привычку к правомерному, законопослушному поведению; в) правовую активность, т. е. умение эффективно использовать правовые средства для достижения своих целей, реализацию субъективных прав и свобод. Применительно к последнему компоненту правовой культуры личности автор обоснованно полагает, что правовую активность следует отличать от иных видов правомерного поведения. Не всякое правомерное поведение можно считать осуществлением такой активности. Ученый полагает, что критерием разграничения в данном случае служат цель, средства ее достижения и общественно значимый результат деятельности в правовой сфере. В частности, не следует относить к правовой активности просто инициативное исполнение своих обязанностей, ибо такая инициатива является прямым служебным долгом юриста и заключается в обязанности безупречно служить закону [5, с. 144]. Ранее Н. Л. Гранат рассматривала его как один из видов правомерного поведения, наряду с привычным, конформистским (пассивным) и маргинальным, обращая внимание на то обстоятельство, что инициатива, добросовестность, дополнительные затраты времени, энергии придают правомерному поведению высшее качество, позволяющее говорить о правовой активности лица [6, с. 185].

И. В. Тепляшин высказывает точку зрения, что «наличие у граждан высокого уровня правовой активности будет способствовать совершенствованию качества правотворчества на всех уровнях — от регионального до федерального, установлению надлежащей регламентации со стороны органов власти механизма правового регулирования» [7, с. 39]. Критически оценивая данное положение, следует подчеркнуть, что ассоциировать правовую активность граждан только с качеством правотворчества нельзя, поскольку при этом неоправданно игнорируется составляющая механизма правового регулирования,

относящаяся к реализации, в том числе правоприменению. При неоднозначности взглядов ученых на феномен правовой активности следует признать, что большинством из них последняя понимается лишь в позитивном плане как систематическая, правомерная, общественно полезная и одобряемая государством и обществом деятельность субъекта в правовой сфере. Они категорически не согласны с тем, что правовая активность может быть и отрицательной, противоправной. В частности, С. Н. Кожевников, рассуждая о различных формах правовой активности (производственной, общественно-политической, познавательной и др.), отмечает, что все они «выступают как объективизация субъективной стороны в инициативных, творческих действиях, имеющих положительную общественную значимость», что «субъекты социально-правовой активности — это индивиды, организации и другие субъекты права, которым свойственна основанная на уважении к праву сознательная, правомерная деятельность, выражаемая в инициативном использовании предоставленных прав, реализации возложенных обязанностей в соответствии с общественными потребностями» [8, с. 17, 19].

На наш взгляд, правовую активность следует определять, с одной стороны, как свойство, содержательную характеристику личности, выражающуюся в готовности к активной деятельности в сфере права на основе уважительного отношения к нему, солидарности с его принципами и нормами (внутренний аспект), а с другой — как позитивную, целенаправленную, сознательную, творческую и интенсивную деятельность личности, превосходящую обычные требования к возможному и должному поведению, как предусмотренному, так и не предусмотренному нормами права, однако не запрещенному ими, направленную на укрепление демократии, законности и правопорядка (внешнее ее проявление). Из вывода о единстве внутреннего и внешнего аспектов активности следует то, что правовая активность есть отражение двух взаимосвязанных процессов: 1) восприятия права, «приобретения» необходимых для правовой жизнедеятельности системы качеств и 2) воздействия социально-го субъекта активностью на правовую среду.

Таким образом, правовая активность отображает опосредуемое правом взаимодействие среды и личности [9, с. 44–45].

Однако, к сожалению, отношение к уголовному процессу бывает и иным. Нередко граждане не проявляют интереса к деятельности правоохранительных органов; участвующие в деле лица не только не стремятся оказать содействие должностным лицам государственных органов, но и под различными предлогами уклоняются от исполнения своего гражданского долга и юридической обязанности. Более того, в ряде случаев граждане как участники уголовно-процессуальной деятельности проявляют такую активность, которая входит в противоречие с законодательством (склонение потерпевших и свидетелей к отказу от уже данных правдивых показаний, просьба потерпевших об освобождении от уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении таких

преступлений, ответственность за которые не связана с волеизъявлением потерпевших) [10, с. 65].

Обратимся к результатам социологических исследований, которые могут дать представление об уровне правовой активности граждан в правоохранительной сфере.

В ходе опроса, проведенного ВНИИ МВД России в 2011 г. в 83 регионах страны с участием 41 500 респондентов, на вопрос, почему не обратились в полицию, подвергнувшись преступному посягательству, 41% опрошенных ответили, что такое обращение отнимет время и нервы; 37 — не верили, что органы внутренних дел им помогут; 24 — из-за незначительного ущерба; 15 — пытались действовать самостоятельно; 14 — не желали быть втянутыми в следственный процесс; 10 — не хотели огласки преступления; 3 — боялись возможной мести криминальной среды или сообщников преступника; 2% — решили прибегнуть к связям в криминальной среде. На вопрос о том, следует ли гражданам помогать (оказывать поддержку) органам внутренних дел, 33% респондентов ответили, что следует помогать всегда; 32 — в большинстве случаев; 22 — в некоторых случаях; 5 — помогать не следует; 8% — затруднились ответить. При необходимости граждане готовы оказать следующие виды поддержки органам внутренних дел: 81% из них — сообщить информацию о готовящемся или совершенном преступлении; 79 — дать свидетельские показания; 54 — принять участие в охране правопорядка; 52% — оказать содействие при задержании преступника¹.

Социологические исследования общественного мнения россиян, проведенные в 2013 г. (опрос 63 160 респондентов), показали, что 36% опрошенных считают, что полиция в состоянии помочь им в обеспечении безопасности по месту жительства. Однако остается значительная доля граждан (60%), полагающих на себя и собственные ресурсы (члены семьи, родственники, друзья). Выяснилось, что в 2013 г. потерпевшие стали чаще (46%) обращаться за помощью в полицию, чем в 2012 г. (42%). Безусловно, это может свидетельствовать о повышении доверия к органам внутренних дел. Вместе с тем наблюдается некоторое снижение числа граждан, абсолютно доверяющих органам внутренних дел. По мнению 43% опрошенных, взаимопониманию полиции и населения в равной мере препятствует неподготовленность и полиции, и населения к сотрудничеству. Степень ориентированности граждан на содействие полиции в той или иной ситуации характеризуют следующие показатели: 66% респондентов готовы сообщить информацию о преступлениях; 54 — дать свидетельские показания; 18 — оказать содействие при задержании преступника; 14% — принять участие в охране правопорядка в качестве дружинника². Исследования, проведенные в 2016 г. в 85 субъектах Российской Федерации (94 тыс. опрошенных), показали, что

уровень доверия населения полиции составил около 50%, а качество ее работы более двух третей россиян оценивают как среднее или выше среднего³.

Итак, правовая активность граждан в правоохранительной сфере может рассматриваться:

1) в социально-политическом плане (внимание сосредоточивается на правовой активности), при этом ее формой выступает участие граждан в работе общественных формирований по охране правопорядка;

2) в специально-юридическом аспекте (внимание направлено на изучение правоактивного поведения свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, иных участников уголовного судопроизводства).

Проанализировав оценочную функцию индивидуального правосознания и правовой активности личности в правоохранительной сфере, сделаем следующие выводы.

1. Значимость оценочной функции индивидуального правосознания, практическая реализация которой позволяет выработать правовую установку личности, определяющую ее правовую ориентацию, т. е. своеобразную внутреннюю программу действий в юридически значимой ситуации.

2. Среди иных типов оценочной функции правосознания, таких как оценка позитивного права, его отдельных норм, институтов, принципов; оценка правового поведения окружающих лиц; оценка своего собственного поведения лица в правовой сфере, выделяется еще один — отношение населения к правоохранительным органам, прежде всего к полиции, именно он определяет уровень правовой активности граждан в содействии.

3. Правовую активность следует определять, с одной стороны, как свойство, содержательную характеристику личности, выражающуюся в готовности к активной деятельности в сфере права на основе уважительного отношения к нему, солидарности с его принципами и нормами (внутренний аспект), а с другой — как позитивную, целенаправленную, сознательную, творческую и интенсивную деятельность личности, превосходящую обычные требования к возможному и должному поведению, как предусмотренному, так и не предусмотренному нормами права, однако не запрещенному ими, направленную на укрепление демократии, законности и правопорядка (внешнее ее проявление). Причем правоактивное поведение рассматривается как вид правомерного поведения, существующий наряду с привычным, конформистским и маргинальным.

Список литературы

1. Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Червонюка. М., 2003. 544 с.

¹ Заключительный отчет о научно-исследовательской работе «Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.ojkum.ru/> (дата обращения: 24.02.2017).

² Результаты исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Проффессионал. 2014. № 1. С. 2–17.

³ ФГКУ ВНИИ МВД России во 2 и 4 квартале 2016 г. провело замеры общественного мнения. URL: [МВД РФ/public-opinion/](http://mvd-press.ru/public-opinion/) (дата обращения: 24.02.2017).

2. Бошно С. В. Теория государства и права : учебник. М., 2007. 400 с.
3. Никитин А. Ф. Что такое правовая культура? М., 1988. 109 с.
4. Экимов А. И. Социалистическое правосознание. Правовая культура // Теория государства и права : учебник / под ред. А. И. Королева, Л. С. Явича. Л., 1987. 550 с.
5. Фомин А. А. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько и А. Ю. Саломатина. СПб., 2007. С. 138–149.
6. Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. С. 180–194.
7. Тепляшин И. В. Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 37–42.
8. Кожевников С. Н. Социально-правовая активность: содержание и субъекты // Правоведение. 1981. № 3. С. 17–25.
9. Кожевников В. В. Факторы, обуславливающие правовую активность участников правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел на досудебных стадиях уголовного процесса : монография. Омск, 2003. 268 с.
10. Корнуков В. М. Уголовно-процессуальная активность граждан и пути ее повышения // Правоведение. 1987. № 5. С. 64–69.

Поступила 05.07.2017

On the Evaluative Function of the Legal Consciousness and Personal Legal Activity in Law Enforcement

Kozhevnikov Vladimir V.,

Doctor of Law, Professor, Professor on the Omsk F. M. Dostoevsky State University
Omsk, Russia. e-mail: kta6973@rambler.ru

Abstract. Evaluative function of legal consciousness is that it is used to estimate certain life circumstances as legally important. This function of legal consciousness covers four types of evaluation: 1) evaluation of positive law, its norms, institutions, principles; 2) estimate of behaviour in legal sphere of people around; 3) the person's estimate of their own behaviour in legal sphere; 4) evaluation of law enforcement agencies' work. Legal activity is considered, on the one hand, as a component of the personal legal culture, and, on the other – as one of the factors influencing legal activity of corresponding persons in different forms. The mentioned results of sociological studies provide a vision of the level of the citizens' active legal position in law enforcement largely determined by the appropriate agencies' authority and public's trust to them.

Keywords: legal consciousness; evaluative function; law enforcement agencies; police activity; legal activity; sociological research.

Citation: Kozhevnikov V. V. On the Evaluative Function of the Legal Consciousness and Personal Legal Activity in Law Enforcement. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72) 2018. P. 17–20.

References

1. Goiman-Kalinsky I. V., Ivanets G. I., Chervonyuk V. I. Basics of the general theory of law : textbook. the manual. Edit. by Chervonyuk V. I. Moscow, 2003. 544 p. (In Russ.)
2. Boshno S. V. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2007. 400 p. (In Russ.)
3. Nikitin A. F. What is legal culture? Moscow, 1988. 109 p. (In Russ.)
4. Ekimov A. I. Socialist sense of justice. Legal culture. Theory of state and law: textbook. Edit. by Korolev A. I., Yavich L. S. Leningrad, 1987. 550 p. (In Russ.)
5. Fomin A. A. Legal consciousness and legal culture. Theory of state and law: textbook. Edit. by A. V. Mal'ko A.V., Salomatin A. Yu. St. Petersburg, 2007. P. 138–149. (In Russ.)
6. Granat N. L. Legal consciousness and legal culture. Theory of state and law: textbook. Edit. by Lazarev V. V. Moscow, 1997. P. 180–194. (In Russ.)
7. Teplyashin I. V. Formation of the Russian legal statehood and legal activity of citizens. *Russian Law Journal*. No. 1. 2002. P. 37–42. (In Russ.)
8. Kozhevnikov S. N. Socio-legal activity: the contents and subjects. *Jurisprudence*. No. 3. 1981. P. 17–25. (In Russ.)
9. Kozhevnikov V. V. Factors that contribute to the legal activity of the participants of legal relations arising in the activities of law enforcement agencies during pretrial stages of the criminal process. Monograph. Omsk, 2003. 268 p. (In Russ.)
10. Kornukov V. M. The criminal procedure activity of citizens and ways of its improvement. *Jurisprudence*. No. 5. 1987. P. 64–69. (In Russ.)

Мелкий коммерческий подкуп как проявление коррупции

Миронова Галина Николаевна,

адъюнкт кафедры уголовного права Омской академии МВД России
Омск, Россия, e-mail: mgn2007@mail.ru

Коррупция как многоаспектное социальное явление рассматривается в качестве угрозы национальной безопасности государства. Она представляет угрозу корпоративной безопасности бизнеса негосударственного сектора экономики. От мелкого коммерческого подкупа (привилегированного состава коммерческого подкупа) и коммерческого подкупа с учетом его распространенности страдает именно негосударственный сектор экономики. Существуют различные подходы к пониманию коррупции. В целях борьбы с ней принимаются национальные законодательные акты, но, поскольку данное негативное социальное явление имеет общемировой характер, меры, направленные на борьбу с ним, находят отражение в международных нормативных правовых актах. В теории и практике понятия «взятничество» и «коррупция» трактуются в узком и широком смысле. Автор придерживается широкого толкования понятия «коррупция». В разные исторические периоды даются различные судебные толкования коррупционных преступлений, в доктрине уголовного права сложилось несколько подходов к обозначенным категориям. Мелкий коммерческий подкуп обладает признаками преступления коррупционной направленности. Анализ научной литературы, правоприменительных и нормативных правовых актов позволяет прийти к выводу о правильности отнесения законодателем данного рода преступлений к разряду нарушающих общественные отношения в сфере экономики, об обоснованности включения нормы о мелком коммерческом подкупе в главу 23 УК РФ, размещенную в разделе VIII «Преступления в сфере экономики».

Ключевые слова: мелкий коммерческий подкуп; взяточничество; коррупция; «опривычивание» коррупции; коррупция в узком и широком смысле; национальное и международное законодательство о противодействии коррупции.

Для цитирования: Миронова Г. Н. Мелкий коммерческий подкуп как проявление коррупции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 21–24.

Исходя из анализа научной литературы, периодической печати, результатов социологических опросов, можно заключить, что проблемой общемирового масштаба выступает такое социальное негативное явление, как коррупция. Этот феномен свойствен экономическим отношениям, складывающимся как в публичной, так и в частной сфере. Вопросы о том, носит ли тот или иной вид противоправного поведения коррупционный характер, неоднозначно решаются в научных кругах, а также правоприменителем. В связи с дополнением Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) нормой об ответственности за мелкий коммерческий подкуп необходимо изучить эту законодательную новеллу, с тем чтобы решить, является ли указанное противоправное деяние коррупционным, происходит оно именно в сфере экономики либо посягает на иные общественные отношения.

Проанализируем положения, изложенные в доктрине уголовного права и криминологии, данные социологических исследований, а также национальные и международные нормативные правовые акты и судебную практику.

Российский уголовный закон чутко реагирует на появление новых отношений в обществе, а также на утрату актуальности ранее существовавших проблем, отражая при этом в своей структуре специфику тех важных для общества аспектов, которые нуждаются в регулировании именно уголовно-правовыми средствами. Становление и развитие экономических отношений как на внутригосударственном, так и на международном уровне обусловило необходимость их регулирования и охраны.

Уголовный кодекс Российской Федерации за последнее десятилетие подвергался неоднократным изменениям. В июле 2016 г. он дополнен нормой об ответственности за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204²),

диспозиция которой закрепляет в качестве преступного коммерческий подкуп в размере, не превышающем десяти тысяч рублей.

Охарактеризуем само явление мелкого коммерческого подкупа, определив его место в системе норм уголовного права. Состав преступления мелкого коммерческого подкупа — привилегированный по отношению к основному составу коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ). Основанием выделения в отдельную статью послужили такие причины, как его распространенность; отказ от репрессии со стороны правоохранительных органов при выявлении подкупа сравнительно небольшого размера; необходимость законодательного закрепления именно мелкого подкупа с целью обозначить государственную волю, установив значимость такого размера подкупа, признав его совершение преступным, общественно опасным; необходимость дифференциации ответственности в зависимости от размера получаемого незаконного вознаграждения.

Мелкий коммерческий подкуп выступает разновидностью коррупционного проявления и находится в плоскости экономических общественных отношений. Коррупция понимается как минимум в четырех значениях: общесоциальном, политикоэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом [1, с. 2–6].

Явление коррупции (подкупа на различных уровнях социальных связей) в незначительных размерах приводит к тому, что это становится образом жизни и порой воспринимается как норма. Возникает привычка («опривычивание») коррупции [2, с. 90], именно это последствие и представляет собой, на наш взгляд, особую опасность для общества.

Возможность решить какие-либо вопросы в различных отраслях социального, бытового, экономического (предпринимательского) и иного характера за «небольшой

шую» плату формирует поведение как лица, предлагающего соответствующий предмет, так и лица, его принимающего. Такое негативное поведение обеих сторон разлагает общество, не позволяет правоуправляемым гражданам на равных условиях участвовать в конкурентной борьбе за возможность присутствовать на рынке товаров и услуг.

С целью борьбы с коррупционными нарушениями, отнесенными к разряду преступных, в России принят ряд нормативных правовых актов, направленных на искоренение коррупции как социально-правового явления, а также на максимальное нивелирование его общественно вредных последствий.

Опираясь на многочисленные труды, в которых исследуется коррупция, а также на материалы правоприменительной практики, можно констатировать, что это явление имеет глубокие исторические корни и, пока существует общество, будет одним из его негативных социальных феноменов. По мнению А. И. Кирпичникова, коррупция — хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и всех народов. Она родилась вместе с государством и может погибнуть только с ним. Коррупция развивается и существует по своим временным и национальным законам (имеется в виду не законодательство, а менталитет нации), и государство, провозглашая как лозунг борьбу с ней, заботится о том, чтобы она не исчезла, потому что использует коррупцию в интересах своего аппарата [3, с. 7].

В связи с таким прогнозом необходимо разработать меры, направленные на минимизацию негативных последствий подобного социального явления, готовить общество к его проявлениям и настраивать социум на его неприятие. Только здоровое, законопослушное, грамотное гражданское общество способно противостоять коррупции. Для борьбы с коррупционными нарушениями международными организациями приняты соответствующие акты: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г.; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.; Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г.; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.¹

В отечественном законодательстве вопросам борьбы с коррупцией посвящены отдельные законы и подзаконные акты, на уровне субъектов Федерации в их развитие принимаются соответствующие локальные акты.

В России созданы и действуют общественные объединения, деятельность которых связана с изучением и борьбой с коррупцией, например: горячая линия «Стоп, коррупция» Общественной палаты Российской Федерации; межрегиональная общественная органи-

зация «Общественный антикоррупционный комитет»; общественная организация «Национальный антикоррупционный комитет»; межрегиональная общественная организация «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти»; Торгово-промышленная палата Российской Федерации; Ассоциация адвокатов России за права человека; общероссийская общественная организация «Общественная комиссия по борьбе с коррупцией»; Российское антикоррупционное партнерство; межрегиональное общественное движение «Против коррупции»; центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р»; Фонд борьбы с коррупцией и др.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации коррупция рассматривается в качестве одного из источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности².

По данным центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р», автономной некоммерческой организации, в 2016 г. Россия заняла 131-е из 176 мест в Индексе восприятия коррупции — 2016 (ИВК — 2016), который каждый год составляет международная организация Transparency International. Россия получила 29 баллов из 100, оказавшись в одном ряду с Ираном, Казахстаном, Непалом и Украиной. По сравнению с Индексом 2015 г. положение России фактически не изменилось: она получила то же количество баллов, а снижение позиции в рейтинге (со 119-го до 131-го места) обусловлено тем, что в 2016 г. в нем учитывалось большее количество стран. Индекс восприятия коррупции (далее — ИВК) является составным, он измеряет уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. Transparency International выпускает ИВК ежегодно с 1995 г., рассчитывая его на основании данных за последние два года (2015–2016), собранных 12 независимыми организациями в ходе опросов экспертов и предпринимателей по всему миру³. При этом исследуется коррупция в управленческом аппарате государства, чиновников различных уровней.

В уголовном праве имеет место узкое и широкое понимание коррупции. Коррупция в узком смысле представляет собой «социально-правовое явление такого разложения отношений в разных сферах управления, которое выражается в подкупе — продажности лиц, использующих служебное положение и связанные с ним возможности» [4, с. 35]. Этот подход разделяют Г. Н. Борзенков, Н. А. Лопашенко, С. В. Максимов и другие исследователи [5, с. 30]. С позиции широкого подхода под коррупцией предлагается понимать не только взяточничество и иные виды подкупа, но и совокупности корыстных преступлений, связанных с использованием служебного положения виновного [6, с. 62–63].

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

³ URL: <http://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/indeks-vospriyatiya-korrupsii-2016-polozhenie-rossii-ne-izmenilos.html> (дата обращения: 02.07.2017).

Большинство представителей социума под коррупцией подразумевает дачу взятки чиновнику в целях разрешения какого-либо конфликта или ускорения решения вопроса. По данным социологического исследования, понимания коррупции в узком смысле придерживаются 46% респондентов; 25% — видят в ней злоупотребление чиновником своей властью в корыстных целях; 14% — рассматривают ее как результат слияния государства и бизнеса, 15% — оценивают с позиции порождающих ее причин [7, с. 149].

Судебное толкование описываемого явления на разных исторических этапах изменялось. Так, в XX в. судебными органами под коррупционными преступлениями понималось взяточничество⁴, на стыке XX–XXI вв. последнее было дополнено коммерческим подкупом⁵, в настоящее время к ним отнесены еще *иные* коррупционные преступления⁶.

УК РФ не содержит понятия преступлений коррупционной направленности. В соответствии с совместным указанием Генеральной прокуратуры России № 797/11 и МВД России № 2 от 13 декабря 2016 г. к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие следующие признаки: 1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ; 2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; 3) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); 4) совершение преступления только с прямым умыслом⁷.

Часто при описании явления коррупции отдельными исследователями ставится знак равенства между коррупцией и взяточничеством, между коррупцией и коррупционными проявлениями в государственном аппарате [8, с. 149–153], при этом за рамками изучения остаются коррупционные проявления в коммерческих и иных организациях. В то же время анализ правоприменительной практики свидетельствует, что лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, способны оказывать на экономику и иные сферы жизни общества не меньшее влияние, чем

должностные лица, являющиеся субъектами уголовной ответственности за взяточничество [9, с. 51].

Коррупция как многоаспектное социальное явление рассматривается в качестве угрозы национальной безопасности государства, а также угрозы корпоративной безопасности бизнеса негосударственного сектора экономики. Коммерческий подкуп, особенно его привилегированный состав (мелкий коммерческий подкуп), наиболее распространен именно в последнем.

Таким образом, результаты исследования позволили сформулировать следующие выводы.

1. В теории и практике имеются разные подходы к содержанию понятий «взяточничество» и «коррупция» — узкий и широкий. Более предпочтителен широкий подход, позволяющий к коррупционным преступлениям относить не только взяточничество, но и коммерческий подкуп, поскольку от коррупции страдают как отношения в государственном секторе, так и в негосударственном.

2. На разных исторических этапах судебное толкование коррупционных преступлений было различным, и в доктрине уголовного права существуют разные подходы к обозначенным категориям. Противоправное деяние в виде мелкого коммерческого подкупа обладает такими признаками преступления коррупционной направленности, как наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ; связь деяния с занимаемым положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); совершение преступления только с прямым умыслом.

3. Норма об уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп обоснованно помещена в главу 23 УК РФ, расположенную в разделе VIII «Преступления в сфере экономики», так как этим противоправным деянием нарушаются (ставятся под угрозу нарушения) отношения в сфере экономики. Рассматриваемое преступление имеет признаки преступления коррупционной направленности, в первую очередь посвящает на отношения в экономической сфере. Его видовым объектом выступают указанные общественные отношения.

⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1961 г. № 9 ; О судебной практике по делам о взяточничестве : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 (ред. от 22.05.2012) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 4. С. 5–9.

⁶ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013) // Там же. 2013. № 9. С. 2–10.

⁷ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13 декабря 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. 2000. № 6. С. 2–6.
2. Сидоренко Э. Л. Современные криминологические тенденции бытовой коррупции в России // Общество и право. 2017. № 2. С. 90–95.
3. Кирпичников А. И. Российская коррупция. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. 439 с.
4. Астанин В. В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 209 с.
5. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 11 «Право». 1993. № 1. С. 30–31.
6. Рарог Д. И. Альтернативный взгляд на коррупцию // Легализация доходов и коррупция в органах государствен-

ной власти: теория, практика, техника противодействия : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова, Л. Л. Фитуни. Н. Новгород, 2010. 815 с.

7. Сидоренко Э. Л. Коррупционная преступность в контексте комплексного криминологического анализа // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 1. С. 144–151.
8. Хотькина О. К., Строилов С. В. Коррупция как угроза национальной безопасности государства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 3. С. 149–153.
9. Михайлов В. И. Эволюция законодательства об ответственности за взяточничество // Уголовное право. 2016. № 5. С. 46–57.

Поступила 30.09.2017

Minor Commercial Bribery as a Manifestation of Corruption

Mironova Galina N.,

post-graduate student at the department of Criminal Law,
the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: mgn2007@mail.ru

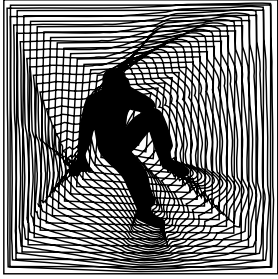
Abstract. Corruption as a multifaceted social phenomenon is considered as a threat to the national security of the state. For the non-state sector of the economy, it is a threat to the corporate security of business. It is the non-state sector of the economy that suffers from small commercial bribery (the privileged composition of commercial bribery) and commercial bribery due to its prevalence. There are different approaches to understanding corruption. In order to combat it, states adopt national legislative acts, but, taking into account the worldwide nature of this negative social phenomenon, measures aimed at combating corruption are reflected in international normative legal acts. In theory and practice, there are different approaches to the content of the concepts of «bribery» and «corruption», they are interpreted in a narrow and broad sense. The author adheres to a broad interpretation of the concept of «corruption». In the historical perspective, the judicial interpretation of corruption crimes is given differently, there are different approaches to the designated categories proposed in the doctrine of criminal law. Minor commercial bribery has signs of a crime of corruption. The analysis of the scientific literature, law enforcement and regulatory legal acts makes it possible to come to the conclusion about the correct classifying of this type of crime by the legislator as the crime violating social relations in the economic sphere and reasonable securing of such a crime as minor commercial bribery in chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation, section 8 «Crimes in the economic sphere».

Keywords: minor commercial bribery; bribery; corruption; «getting accustomed» to corruption; corruption in a narrow and broad sense; national and international legislation on combating corruption.

Citation: Mironova G. N. Minor Commercial Bribery as a Manifestation of Corruption. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 21–24.

References

1. Gaukhman L. Corruption and corruption crime. *Legality*. No. 6. 2000. P. 2–6. (In Russ.)
2. Sidorenko E. L. Modern criminological trends of household corruption in Russia. *Society and Law*. No. 2. 2017. P. 90–95. (In Russ.)
3. Kirpichnikov A. I. Russian corruption. St. Petersburg, 2004. 439 p. (In Russ.)
4. Astanin V. V. Corruption and fighting it in Russia in the second half of the 16th -20th centuries. Extended abstract of candidate of sciences thesis. Moscow, 2001. 209 p. (In Russ.)
5. Borzenkov G. N. Criminal-legal measures to combat corruption. *Bulletin of the Moscow State University. Ser. 11. Law*. No. 1. 1993. 30–31 p. (In Russ.)
6. Rarog D. I. An alternative view of corruption. Legalization of incomes and corruption in public authorities: theory, practice, counteraction techniques. Ed. by Baranov V. M., Fitouni L. L. Nizhny Novgorod, 2010. 815 p. (In Russ.)
7. Sidorenko E. L. Corruption crime in the context of complex criminological analysis. *Library of Criminal Law and Criminology*. No. 1. 2017. P. 144–151. (In Russ.)
8. Khotkina O. K., Stroilov S. V. Corruption as a threat to the national security. *Library of criminal law and criminology*. No. 3. 2017. P. 149–153. (In Russ.)
9. Mikhailov V. I. Evolution of legislation on liability for bribery. *Criminal law*. No. 5. 2016. P. 46–57. (In Russ.)

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОНАРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Psychology of delinquent behaviour

УДК 159 © А. Н. Сухов, 2018

Социально-психологический подход к пониманию организованной преступности

Сухов Анатолий Николаевич,

доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего образования,
заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы
Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина
Рязань, Россия. e-mail: a.suhov@rsu.edu.ru

Социально-психологический анализ признаков, структуры, механизма и функций организованной преступности позволяет сформулировать понятие данного явления. В основе организованной преступности лежит криминальная модель достижения успеха, которая, в свою очередь, неосуществима без создания законспирированной преступной организации. Автором раскрываются основные этапы становления организованной преступности в различных регионах мира и рассматривается хронология формирования организованной преступности в России. С точки зрения социальной психологии в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений, и в первую очередь в рамках организованной преступности, выступает криминогенное общение. В настоящее время есть все основания говорить о психологических портретах типичных представителей организованной преступности. Социальная психология позволяет сформулировать адекватное понимание природы организованной преступности на основе анализа ее признаков, структуры и механизма.

Ключевые слова: социально-психологический анализ; организованная преступная группа; общность; криминальная организация и модель достижения успеха; механизм; криминогенное общение; дисфункции; транснациональный, национальный и региональный уровни; коррупция.

Для цитирования: Сухов А. Н. Социально-психологический подход к пониманию организованной преступности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 25–28.

Организованная преступность вызывает серьезные опасения в обществе. В последние годы регистрируется значительное число преступлений, совершенных организованными преступными формированиями. Изменилась качественная характеристика организованной преступности: она пронизывает практически все сферы жизнедеятельности государства и общества, ее представители проникают в органы государственной власти и местного самоуправления. Проблемы борьбы с организованной преступностью неоднократно обсуждались на самом высоком государственном уровне, было издано несколько указов Президента Российской Федерации о мерах по борьбе с организованной преступностью, подготовлены проекты федеральных законов «О борьбе с организованной преступностью» и «О борьбе с коррупцией», однако многие важные вопросы в полной мере не исследованы. Нуждаются в дальнейшем осмыслении социально-психологические подходы к пониманию организованной преступности, повышению эффективности выявления, пресечения, раскрытия и расследования деятельности организованных преступных сообществ.

Существует множество различных определений организованной преступности. Прежде всего, это противо-

законная деятельность ее членов, состоящая в поставках незаконных товаров и оказании незаконных услуг, включая игорный бизнес, проституцию, ростовщичество, наркотики, рэкет и др. Это результат преступного сговора, направленного на получение сверхприбылей за счет общества любыми способами и средствами, как законными, так и незаконными. Основная цель организованной преступности — перманентное получение максимальной прибыли путем незаконного производства товаров и услуг с использованием насилия под прикрытием коррумпированных властных структур [1; 2, с. 26; 3, с. 43; 4, с. 67; 5]. При этом ни одна формулировка не охватывает всех видов организованной преступности, их экономических, региональных и этнических различий.

С. М. Бевза выделяет обязательные и факультативные признаки организованной преступности. К числу первых он относит устойчивость преступных организаций, распределение ролей, иерархическую структуру и пр. [6], вторых — отстраненность руководителя от конкретной преступной деятельности и т. д.

Структура организованной преступности включает в себя несколько фундаментальных характеристик: 1) цель; численный состав; группы, входящие в организа-

цию; положение организации среди других группировок и т. д.; 2) наличие коррумпированных представителей властных и правоохранительных учреждений и служб, СМИ; подконтрольного бизнеса и территории.

Истории организованной преступности посвятили свою работу Ф. Мессик и Б. Голдбланд [7]. Мафия наибольшее распространение получила в Италии, она зародилась еще в древности и сначала называлась почетным обществом. Члены общества — братья — подчинялись избранному из своей среды капо (босс, крестный отец). Каждый капо подбирал себе советников, подручных, солдат, помогавших ему вершить правосудие и выполнять принимаемые решения. Когда кто-либо из братьев попадал в затруднительное положение, общество старалось его поддержать. Позднее общество переросло в Национальный преступный синдикат, который именовали «Синдикат», «Товарищество», «Коза Ностра», «Ндрагетта», «Каморра», «Сакра Корона Юнити» и т. д. Основная сфера преступной деятельности итальянской мафии — контрабанда наркотиков, оружия и алкоголя, игорный, мусорный и строительный бизнес, рэкет, отмывание денег и контроль над проституцией. Со временем структура организации, руководство ею, сферы влияния приобрели международный характер. Мафия стала оказывать воздействие на международную политику, финансировать революции, заняла ключевые позиции в промышленности и коммерции. Затем в США она претерпела трансформацию [7].

Известный ученый Г. Й. Шнайдер развитие организованной преступности в России делит на несколько периодов. Первый связывает с существованием «воров в законе» (1920-е), характеризуя их деятельность как корыстную преступность. Вторым составляют 1960-80-е гг., когда появляются первые преступные синдикаты. Современному периоду свойственна синдикализованная (мафиозная) преступность.

В 1980-е гг. большая часть населения вступила в отношения клиентелизма в целях получения дефицитных товаров и услуг. Расхищение государственной собственности, подпольный бартер «черного рынка», удовлетворение потребностей за счет теневой экономики стали нормой¹.

Российская организованная преступность не имеет общепринятого названия, в отличие от итальянской, американской и восточной мафии. Впрочем, нередко ее именуют «русской мафией».

Предлагаем выделять несколько этапов развития организованной преступности [8; 9; 10]:

I этап — возникновение «цеховиков» и «теневиков»;

II этап — объединение «блатных» и «теневиков» (1970-е гг., г. Кисловодск);

III этап — легализация преступности в бизнесе с одновременной легализацией капитала со стороны партийной номенклатуры и комсомольских вождей (конец 1980 — начало 1990-х гг.);

IV этап — легализация криминального бизнеса в различных сферах (1990-е гг.).

Организованные преступные структуры брали на себя функции охраны и покровительства коммерческих предприятий (так называемое «крышевание»), облагая их существенными поборами. «Крышевание», а также торговля нелегальными товарами и услугами (оружие, наркотики, устранение конкурентов и др.) стали способом накопления первоначального капитала, который затем переводился в формы легального бизнеса.

Организованная преступность может носить характер:

— политико-социальный, когда основной целью преступного сообщества является не столько прямая материальная выгода, сколько поддержка или разрушение существующей социально-политической системы;

— групповой, в его основе — специфический престиж, который дает принадлежность к организации;

— корыстный, цель состоит в извлечении материальной выгоды (грабеж, кражи, рэкет, мошенничество и др.);

— преступного синдиката, такое сообщество можно назвать мафиозным, так как оно использует метод мафии.

Анализ показал, что в целом легализация организованной преступности происходит на основе таких механизмов, как:

1. Достижение успеха преступным путем в рамках преступной организации.

2. Выборы с использованием незаконных предвыборных технологий, вплоть до убийства.

3. Коррупция — покупка мест в партийных объединениях для прохождения в Государственную Думу и Совет Федерации, а также должностей.

4. Накопление капитала незаконным путем: уход от налогов, создание «серых схем», мошенничество.

5. Клановые связи, сращивание.

6. Кадровая политика, т. е. назначение на должности лиц, на которых имеется компромат (это обстоятельство позволяет ими манипулировать), и т. п.

С переходом к рыночным отношениям возможности организованной преступности резко возросли, стало проще отмывать средства «теневой» экономики, внедрять своих представителей в экономические, а затем и властные структуры [11].

С точки зрения социальной психологии в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений выступает криминогенное общение [12], под которым понимается особый вид общения, использующийся для подготовки, конспирации и совершения преступлений.

Анализ криминогенного общения позволил выделить его специфические функции: коммуникативно-атрибутивную, перцептивно-диагностическую, интерактивную, организующую [13].

1. В коммуникативно-атрибутивную функцию входят прием и передача сообщений, необходимых для подготовки, совершения и конспирации преступлений.

Для этих целей используются специальные вербальные (устные и письменные) средства общения, а также невербальные (визуальные, акустические и др.).

¹ Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 125.

Рассматриваемая функция выражается в следующем:

— конспирации приготовления и совершения преступлений (обозначение целей, распределение ролей, принятие решения о способах, месте и времени криминальных действий и переговоров); использовании технических средств (экранирования), а также других способов прикрытия и легендирования, кодирования текста и определения каналов передачи сообщений;

— перехвате, прослушивании сообщений и обнаружении записывающей и передающей аппаратуры;

— контригре (дезинформации) в случае обнаружения утечки информации;

— несанкционированном доступе в информационные сети.

2. *Перцептивно-диагностическая функция* состоит в обнаружении наружного наблюдения; выявлении агентов, внедренных в преступные группы, для чего члены преступных групп в необходимых случаях обучаются в специальных вузах.

3. *Интерактивная функция* способствует социализации личности и группы с помощью заражения, внушения, подражания, угроз, шантажа и т. п.; осуществлению мошенничества посредством манипулятивных приемов и технологий; совершению психологического насилия.

4. *Организирующая функция* криминогенного общения, его основная функция — организационная, в которую входят подготовка, планирование, совершенствование и маскировка преступления.

Таким образом, наиболее универсальным механизмом функционирования организованной преступности является криминогенное общение.

В настоящее время учеными составлены *психологические портреты* типичных представителей организованной преступности, среди которых считаем необходимым выделять [11]:

1) лидеров организованной преступности, ее элиту (в прошлом это были «воры в законе», «вперед смотрящие», например, Япончик, дед Хасан). Следует отметить, что ситуация изменилась, трансформация коснулась в первую очередь традиционной элиты уголовного мира, не только придав ей внешний респектабельный вид, но и обеспечив легализацию путем перехода во властные структуры;

2) советников, заместителей лидеров, по различным направлениям как преступной, так и финансовой, экономической и производственной деятельности. Организованная преступность не может обойтись без научного и методического сопровождения, т. е. без привлечения ученых, экспертов, аналитиков, профессионалов из правоохранительных органов, силовых структур, научных и образовательных учреждений [9];

3) руководителей среднего звена: «капитанов», «капо», т. е. бригадиров;

4) исполнителей-солдат, пехоту, торпед, боевиков (киллеры, контрабандисты и т. д.);

5) перламутровых преступников (например, Б. А. Березовский), способных в силу своего личностного потенциала и одновременно неморальности добиться высокого положения как на госслужбе, так и в теневой преступной деятельности.

В настоящее время имеется обширный материал на представителей низшего уровня организованной преступности, в отличие от лидеров криминального мира.

В последние годы появился термин «криминальная карьера», который обозначает продвижение по ступеням криминальной иерархии² [12; 13].

В структуру организованной преступности обязательно входят коррумпированные представители власти, правоохранительных органов и т. п. Это так называемая «крыша», т. е. прикрытия организованной преступности. Криминальная карьера этих лиц носит двойственный характер: с одной стороны, человек может быть министром, с другой — возглавлять преступный синдикат. Параллелизм, двойственность — главная отличительная черта организованной преступности.

Относительно общеуголовного мира предпочтительнее вести речь о криминальном профессионализме [13].

На уровне группы механизм преступления не всегда зависит от личности. Как известно, соучастие возникает как на добровольной, так и на принудительной основе, с помощью шантажа, слухов, насилия, мошенничества и т. п. [13].

Покажем более детально специализацию криминальной деятельности групп, входящих в структуру организованной преступности, на примере такой, как «решаль». Как правило, указанные группы состоят из отставных силовиков, предпринимателей, парламентариев и чиновников, предлагающих уникальные возможности от продажи должности ректора и главы федерального казенного учреждения до «правильной» проверки Счетной палаты и выделения редких участков земли³.

На уровне организаций механизм преступности включает в себя [10; 14–16]: криминогенное общение; коррупционные отношения; предвыборные технологии; пропаганду криминальных ценностей через СМИ, социальные сети; изолированные, легализованные способы рэкета через СМИ путем выплаты «оброка» за обязательную рекламу; кадровую политику путем расставания на должности скомпрометировавших себя лиц; мошенничество; манипулятивные приемы; научное и методическое сопровождение преступности (привлечение ученых, экспертов, аналитиков, профессионалов из правоохранительных органов; выпуск специальных учебных пособий); последствия неэффективного исполнения уголовного наказания, когда вместо ресоциализации происходит вторичная асоциализация путем повышения криминальной квалификации в местах лишения свободы и др. В результате возникают дисфункции государственных, экономических и общественных

² Майер В. А. Краткая воровская энциклопедия. М., 2005. С. 50; *Портреты* знаменитых преступников. М., 2006. 150 с.; Сифакис К. Энциклопедия мафии. Екатеринбург, 2005. 616 с.

³ Новая газета. 2017. 1 февр.

институтов, что с неизбежностью приводит к их криминализации и созданию благоприятных условий для деятельности организованной преступности [16].

Таким образом, организованная преступность обладает огромными неконтролируемыми финансовыми возможностями, сюда вовлечена часть населения, представляющая собой альтернативное общество со своей экономикой. Она располагает собственным внутренним управлением и системой противодействия государству в интересах получения сверхприбылей за счет ограбления государства и общества, существенно влияет на морально-психологические и социально-экономические процессы в обществе, разрушая его.

В дальнейшем на основе социальной психологии необходимо продолжить анализ природы организованной преступности на основе ее признаков, структуры, механизмов функционирования и разработки наиболее эффективных способов разобщения.

Список литературы

1. Беликов В. В., Кумень Е. С. Деятельность преступных сообществ как угроза безопасности России // *Безопасность*. 1996. № 7–12(35). С. 71–77.
2. Ванюшкин С. В. Методические вопросы борьбы с коррупцией и организованной преступностью // *Преступность и законодательство. Преступность и правовое регулирование борьбы с ней*. М., 1997. С. 169–178.

3. Лунев В. В. Организованная преступность в России: осознание, истоки, тенденции // *Государство и право*. 1996. № 4. С. 96–109.
4. Эндерсон Э. Организованная преступность, мафия и правительство // *ЭКО*. 1994. № 3. С. 160–173.
5. Сухов А. Н. Успех, карьера и развитие : монография. М., 2017. 172 с.
6. Бевза С. М. Организованная преступность. М., 1993. 148 с.
7. Мессик Ф., Голдбланд Б. Бандитизм и мафия // *Иностранная литература*. 1992. № 11–12. С. 229–281.
8. Сухов А. Н. Организованная преступность: исторический аспект // *Человеческий капитал*. 2017. № 2. С. 11–13.
9. Сухов А. Н. Историко-психологический анализ реформирования и модернизации России : учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М., 2017. 280 с.
10. *Социальная психология : учеб. пособие / ред. А. Н. Сухов*. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2017. 367 с.
11. Сухов А. Н. Психология криминогенного общения в среде осужденных : дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1991. 358 с.
12. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990. 176 с.
13. Сухов А. Н. Социальная психология организованной преступности : монография. М., 2017. 288 с.
14. Долин Б., Полубинский В. Власть и коммерция: Закону вопреки // *Народный депутат*. 1993. № 10. С. 50–51.
15. Лунев В. В. Коррупция, ученная и фактическая // *Государство и право*. 1996. № 8. С. 78–91.
16. Сухов А. Н. Организованная преступность и коррупция // *Российский следователь*. 2015. № 14. С. 18–21.

Поступила 26.09.2017

Socio-Psychological Approach to Organized Crime

Sukhov Anatoly N.,

Honoured Worker of Higher Education, Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Social Psychology and Social Work,
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
Ryazan, Russia. e-mail: a.suhov@rsu.edu.ru

Abstract. Socio-psychological analysis of features, mechanism and functions of organized crime allows the author to formulate adequate comprehension of the nature of organized crime. The primary stages of organized crime development in different regions and chronology of forming organized crime in Russia are revealed. From social psychology view criminogenic communication is considered to be the main mechanism of preparing and committing crimes related to organized crime. It is noted that at present there is every reason to talk about psychological portraits of typical representatives of organized crime.

Keywords: socio-psychological analysis; organized criminal group; community; criminal organization and model of success; mechanism; criminogenic communication; disfunctions; transnational; national and regional level; corruption.

Citation: Sukhov A. N. Socio-Psychological Approach to Organized Crime. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 25–28.

References

1. Belikov V. V., Kumen E. S. Activities of criminal organizations as a threat to Russia's security. *Security*. No. 7-12(35). 1996. P. 71–77. (In Russ.)
2. Vanyushkin S. V. Methodological issues to combat corruption and organized crime. *Crime and Legislation*. Moscow, 1996. P. 169–178.
3. Lunev V. V. Organized crime in Russia: awareness, origin, trends. *State and Law*. No. 4. 1996. P. 96–109. (In Russ.)
4. Anderson E. Organized crime, the mafia and the government. *ECO*. No. 3. 1994. P. 160–173. (In Russ.)
5. Sukhov A. N. Success, career and development. Monograph. Moscow, 2017. 172 p. (In Russ.)
6. Bevza S. M. Organized crime. Moscow, 1993. 148 p. (In Russ.)
7. Messik F., Goldbland B. Banditism and mafia. *Foreign Literature*. No. 11-12. 1992. P. 229–281. (In Russ.)
8. Sukhov A. N. Organized crime: historical aspect. *Human capital*. No. 2. 2017. P. 11–13. (In Russ.)
9. Sukhov A. N. Historically psychological analysis of reformation and modernization of Russia. Moscow, 2017. 280 p. (In Russ.)
10. Social psychology. Moscow, 2017. 367 p. (In Russ.)
11. Sukhov A. N. Psychology of criminogenic communication among convicts. Doctor of Psychology thesis. Leningrad, 1991. 358 p. (In Russ.)
12. Gurov A. I. Professional crime. Past and present. Moscow, 1990. 176 p. (In Russ.)
13. Sukhov A. N. Social psychology of organized crime. Monograph. Moscow, 2017. 288 p. (In Russ.)
14. Dolin B., Polubinsky V. Power and commerce: against the law. *Narodny deputat*. No. 2. 1993. P. 50–51. (In Russ.)
15. Lunev V. V. Corruption, recorded and actual. *State and law*. No. 8 1996. P. 78–91. (In Russ.)
16. Sukhov A. N. Organized crime and corruption. *Russian investigator*. No. 14. 2015. P. 18–21. (In Russ.)

Акцентуации характера и преступное поведение

(по данным исследования личности виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни)

Стешич Елена Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России
Ростов-на-Дону, Россия. e-mail: esteshich@mail.ru

Избыточно выраженные черты характера (акцентуации) в сочетании с социальной направленностью личности и мотивацией поведения играют важную роль в механизме преступления. Исследование показало, что акцентуации чаще встречаются у осужденных, чем у законопослушных граждан (минимальное значение соответственно 42,0 и 36,6%), при этом для осужденных характерно проявление акцентуаций смешанного типа, значительно затрудняющих адаптацию человека в социуме. Результаты исследования возможно учитывать при прогнозировании индивидуального преступного поведения, а также в ходе разработки базовых программ индивидуальной работы с осужденными различных категорий. В частности, следует обратить внимание на то, что некоторые осужденные за лишение жизни по неосторожности, так же как и виновные в умышленном лишении жизни, требуют коррекции криминально значимых личностных свойств (импульсивность, высокий уровень агрессивности, дефекты в эмоциональной сфере, низкий самоконтроль, преобладающее зависимое поведение, неблагоприятно сложившийся стереотип поведения).

Ключевые слова: умысел; неосторожность; убийство; акцентуация характера; стереотип поведения; агрессивность; самоконтроль.

Для цитирования: Стешич Е. С. Акцентуации характера и преступное поведение (по данным исследования личности виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 29–35.

Личность делают уникальной «западающие», или акцентуированные, качества. Они требуют проявления во вне. Подобно тому, как орган выполняет свою функцию, так и акцентуированная черта в плане реализации является ведущей. Если, отвечая на ключевой вопрос психологии, почему люди делают, то, что они делают, принять во внимание типы смысловой регуляции поведения человека Д. Леонтьева, то можно сказать, что акцентуированные личности ведут себя по «логике характера» [1, с. 155].

Изучение акцентуаций имеет важное криминологическое значение, в том числе для прогнозирования преступного поведения [2, с. 139]. Считается, что акцентуации характера коррелируют с видом совершенного преступления. Например, указывается, что неосторожные преступления больше связаны с интеллектуальными дефектами; насильственные совершают агрессивные лица безудержного, взрывного типа; среди убийц больше всего психопатов, хронических алкоголиков, лиц, склонных к аффективным вспышкам [3, с. 168–169, 190–191, 215–216], а импульсивность поведения свойственна всем лицам с акцентуациями характера [4, с. 310].

Целью нашего исследования является сравнение личностных особенностей осужденных, виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни.

Используемые экспериментальные данные были получены в ходе эмпирического криминолого-психологического исследования, проведенного на базе исправительных учреждений ФСИН России по Воронежской области, а также взяты из единой базы экспериментальных данных осужденных (2014–2015 гг.).

Центром сбора указанной психодиагностической информации является межрегиональная психологическая лаборатория УФСИН России по Ярославской области. Исходные данные были обработаны с использованием автоматизированного рабочего места психолога

«Psychometric expert». Система позволяет организовать как практическую, так и научно-исследовательскую деятельность с возможностью проведения сравнительных репрезентативных (эмпирических) исследований по изучению личности осужденных.

Отбор в экспериментальные группы осуществлялся путем простой случайной выборки. В результате были сформированы шесть групп лиц, отбывающих наказание за убийство без квалифицирующих обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ) — группа 1 (400 чел.); убийство с квалифицирующими признаками (ч. 2 ст. 105 УК РФ) — группа 2 (200 чел.); причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) — группа 3 (330 чел.); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 4 ст. 111 УК РФ), — группа 4 (550 чел.); нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (двух или более лиц) (чч. 3, 5 ст. 264 УК РФ), — группа 5 (530 чел.); нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (чч. 4, 6 ст. 264 УК РФ), — группа 6 (410 чел.).

В контрольную группу 7 вошли граждане, в правонарушающем поведении до этапа тестирования не замеченные, — социальные и медицинские работники, желающие поступить на службу в УИС (280 чел.)

В качестве экспериментального материала были использованы данные обследования по личностному опроснику Г. Шмишека, предназначенного для диагностики типа акцентуаций характера [5]. Общее число обследованных составило 2700 человек.

Исследование индивидуальных черт, имеющих тенденцию к переходу в патологическое состояние, — ак-

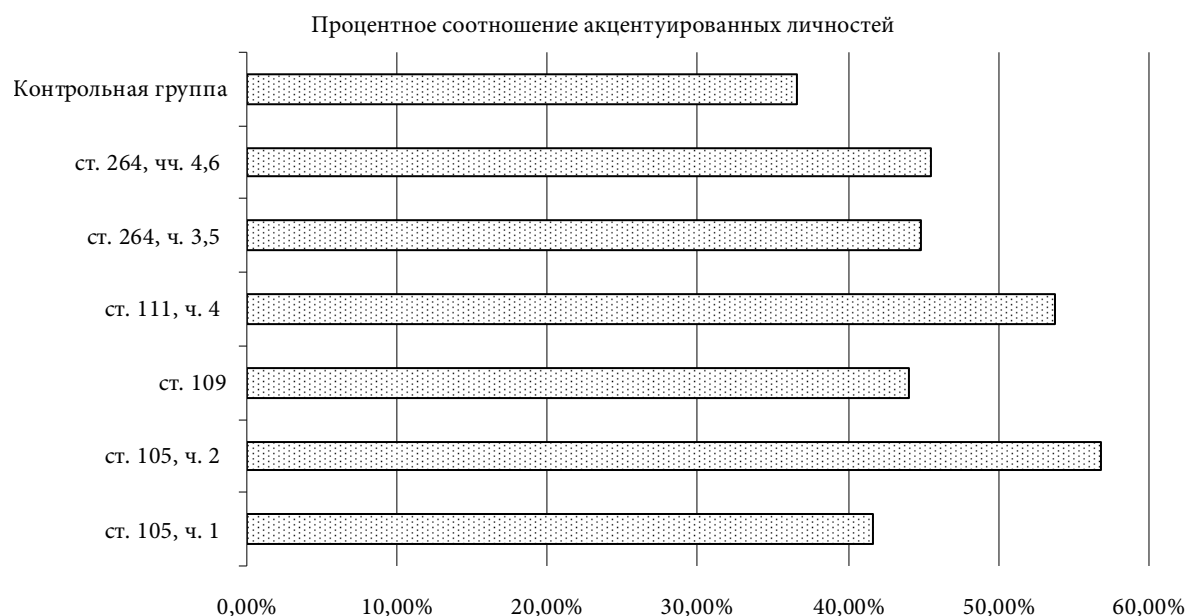

Рис. 1. Результаты исследования по методике Г. Шмишека (Fig. 1. The results of cluster analysis using the H.Shmishek technique)

центуаций характера — на первом этапе заключалось в определении числа акцентуированных личностей среди всех респондентов. В процессе анализа результатов нами было принято во внимание, что жесткой границы между нормой и акцентуацией характера не существует [6, с. 77]. Согласно методике Г. Шмишека диапазон баллов свыше 12 является признаком акцентуации, свыше 15 — диапазоном тенденции к акцентуации, свыше 19 баллов — диапазон акцентуированных черт и типов характера. О сложности характера, а следовательно, и серьезных проблемах в социальной коммуникации может свидетельствовать профиль личности, в котором большинство значений акцентуированных черт характера оказалось на уровне или выше 18 баллов, а также когда отдельные черты достигли отметки 22 и выше баллов [5, с. 28] (рис. 1).

В реальной жизни любое качество человеческого характера, если оно выражено умеренно, является позитивным, если избыточно — негативным, особенно когда оно не уравновешивается иным качеством личности. Избыточно выраженные черты характера, связанные с трудностями самоконтроля, фрустрацией, агрессивным возбуждением, тревожностью и, как следствие, повышенной конфликтностью, могут настолько сильно проявляться, что общение такого человека с окружающими людьми резко затрудняется и становится возможным только в том случае, если окружающие во всем уступают ему или прибегают к особым мерам пресечения его поведения [7, с. 41, 53].

Удельный вес респондентов с «заостренной» личностной чертой характера во всех группах осужденных составил не менее 42%. Наибольшее число акцентуантов (56,8%) выявлено в группе осужденных за квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ) и в группе осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ), — 53%. Среди законопослушных граждан только у каждого третьего определяется акцентуация характера (36,6%), что значительно меньше, чем в группах преступников.

Полученный результат в целом ожидаем. Несмотря на то что акцентуации как крайние варианты нормы сами по себе некриминогенны (более того, акцентуированные личности нередко весьма талантливы), а психологические особенности преступников, в частности убийц, могут не выходить за пределы нормы, тем не менее многократно установлено, что они несут потенциал социальной дезадаптации. Акцентуации, по мнению исследователей, часто сочетаются с отклоняющимся поведением, поскольку обнаруживают уязвимость определенного рода психогенных воздействий при влиянии ситуации, а таких людей отличает импульсивность поведения [8, с. 288–318; 4, с. 310] (рис. 2).

Сравнение акцентуаций осужденных за «простое» и квалифицированное убийство показало, что каждый третий осужденный обладает выраженной акцентуацией по *гипертимному* типу (30%). Такие личности обычно характеризуются как социально активные, с ярко выраженным стремлением к лидерству, изобретательностью, деловитостью, высоким жизненным тонусом. Имея немало положительных качеств в сочетании с низкой нормативностью поведения, они склонны не придавать должного значения нормам, правилам, что повышает вероятность конфликтов, связанных с аморальным или противоправным поведением. Протестные реакции почти всегда сопровождаются гневом и агрессивностью в отношении окружающих.

В исследуемых группах достаточно большой удельный вес (от 21 до 26%) респондентов с выраженной *эмотивной* акцентуацией, характеризующихся глубокими переживаниями в области тонких чувств, тревожностью, боязливостью, впечатлительностью, эмпатийностью и гуманностью. Эмоции подобные личности носят в себе, не стремясь их показывать окружающим. Поскольку в основе эмотивности лежит повышенная лабильность нервных процессов, то человек отличается частой сменой настроения, а его мнение, как правило, зависит от референтной группы [7, с. 43; 9, с. 30].

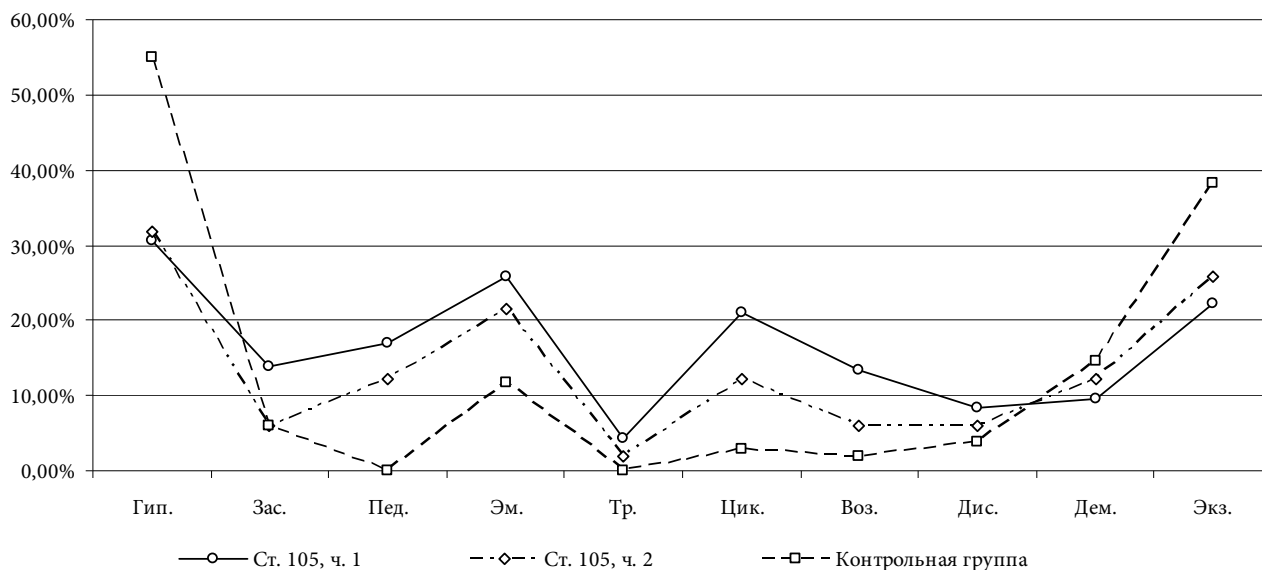

Рис. 2. Типы акцентуаций характера лиц, осужденных за убийство (ст. 105 УК РФ) (Fig. 2. Types of accentuations of persons convicted of murdering (art. 105 Criminal code of the Russian Federation): Гип. — гипертимный (hypertensive), Зас. — застревающий (stuck), Пед. — педантичный (pedantic), Эм. — эмотивный (emotive), Тр. — тревожный (anxious), Цик. — циклотимный (cyclotimous), Воз. — возбудимый (excitable), Дис. — дистимный (dysthymic), Дем. — демонстративный (demonstrative), Экз. — экзальтированный (exalted)

Эмотивность как одна из выраженных черт убийц неоднократно подтверждена исследованиями (по методикам ММИЛ, Шмишека). Отмечается, что у убийц, в отличие от законопослушных граждан, она носит интрапунитивный характер: чувствительность и ранимость выражается не в сопереживании, а обращена на себя, на «охрану» своей личности. Именно поэтому в эмоциональной сфере преступников долго сохраняются пережитые впечатления, которые окрашивают уже другие события, не имеющие связи с реальными негативными ситуациями. Как следствие, искажается восприятие самой реальности, которой приписываются несвойственные черты [10, с. 125].

Нередко эмотивный тип акцентуации характеризует обостренным чувством долга. Однако, как показало исследование по методике Кэттелла, наиболее выраженной чертой у респондентов, осужденных за «простое» убийство, выступает низкая моральная нормативность поведения, что естественным образом связано со сниженным чувством долга [11, с. 77–85]. Это подтверждает своеобразие проявления эмотивного типа акцентуации у преступников. Протестные реакции, характерные для данного типа личности, связаны с перекладыванием вины за неудачи на внешние обстоятельства, поэтому преступники редко признают свою вину, считая себя жертвой стечения обстоятельств.

Результаты исследования типов акцентуаций характера отбывающих наказание, осужденных по ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, продемонстрировали совпадение количества акцентуантов в группах преступников по большинству типов (рис. 3).

Как видно, наибольшее число акцентуированных личностей среди осужденных по ч. 4 ст. 111 УК РФ относится к эмотивному типу (33,7%). Чуть больше четверти (25,8%) респондентов обладает выраженной акцентуацией по экзальтированному типу, который характери-

зуется лабильностью эмоциональных состояний, порывистостью и легкостью возникновения сильных эмоций; 23,3 и 22,9% респондентов из этой группы испытуемых отличаются акцентуированностью по гипертимному и циклотимному типам соответственно.

Интересным оказалось близкое процентное соотношение акцентуированных респондентов среди приговоренных групп осужденных (за исключением гипертимного и эмотивного типов). В целом можно сказать, что среди убийц (ст. 105 УК РФ) больше активных, энергичных личностей, склонных к лидерству, а среди тех, кто осужден за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ), больше эмоциональных и впечатлительных людей.

Среди осужденных по ст. 109 УК РФ наиболее представленными типами акцентуации являются циклотимный (33,8%), гипертимный (31,7%), эмотивный (28,3%) и экзальтированный (28,3%) (рис. 4).

Таким образом, акцентуантам в группе осужденных за причинение смерти по неосторожности свойственна изменчивость эмоциональных состояний: как быстрая у экзальтированного типа, так и цикличная, более продолжительная по времени (от приподнятого настроения, выраженной энергичности по гипертимному типу до сниженного настроения по дистимному типу), чувствительность, впечатлительность у эмотивного типа, которая, как было выяснено, носит интрапунитивный характер и направлена прежде всего на заботу о себе, своем состоянии и переживаниях.

Акцентуации характера осужденных по чч. 3, 5 ст. 264 УК РФ представлены на рис. 5.

Респонденты в данной группе проявляют акцентуированность по эмотивному (34,6%), гипертимному (31,3%) и экзальтированному типам (26,7%).

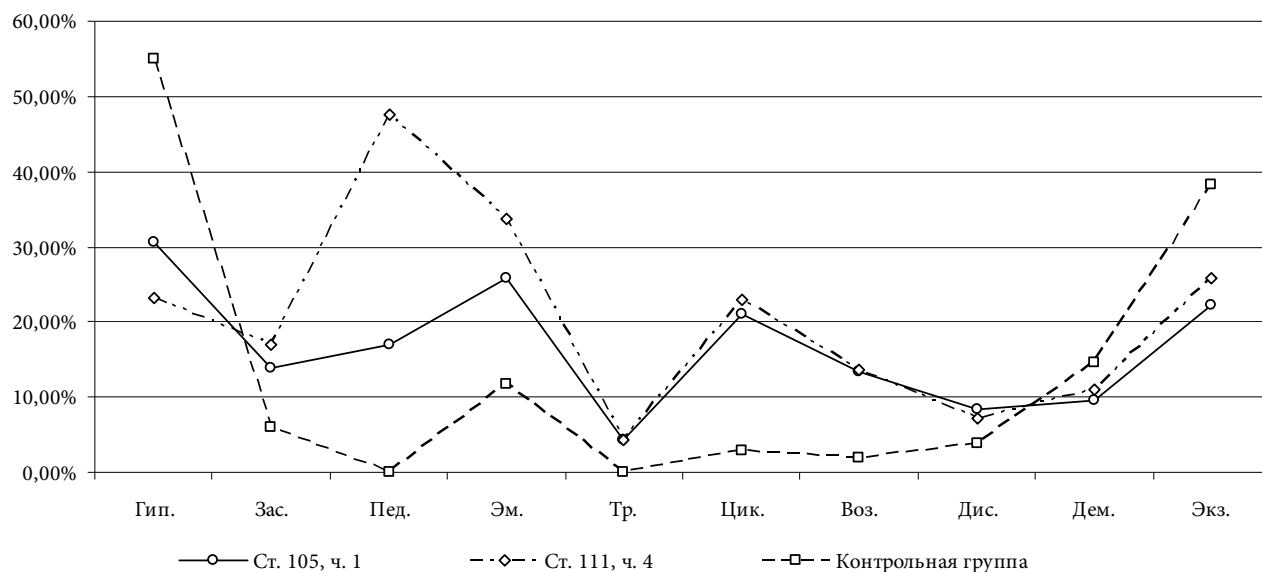

Рис. 3. Типы акцентуаций характера осужденных за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть (ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ) (Fig. 3. Types accentuations convicted of murder and deliberate infliction of serious harm to health caused by negligence death (p. 1 art. 105, p. 4 art. 111 Criminal code of the Russian Federation))

Кластерный анализ выборки осужденных, обследованных по методике Г. Шмишека, отбывающих наказание за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения (чч. 4, 6 ст. 264 УК РФ), позволили выделить три примерно равные группы (рис. 6).

Следует отметить, что все профили имеют относительное понижение параметра тревожности, т. е. последний как акцентуация характера у лиц, виновных в аварии с тяжкими последствиями, не проявляется (сумма баллов не превышает 12). Даже осужденные подгруппы 2, имеющие в целом относительно низкий уровень акцентуированности, имеют низкий уровень тревожности на фоне застревания и гипертимности. Эту категорию лиц можно определить как эгоцентричную, когда высокая концентра-

ция на тех или иных значимых для них аспектах жизнедеятельности сужает внимание ко всему остальному.

Из общей выборки выделяется и группа гиперактивных (подгруппа 3), эмотивных и экзальтированных личностей с низким уровнем тревожности, способных демонстрировать крайнюю неосторожность и непредусмотрительность в поступках.

Полученный нами результат отличается от данных исследования, проведенного в 1990-е гг. Ю. М. Антоном, В. П. Голубевым, В. Е. Квашисом, Ю. Н. Кудряковым. Они обнаружили, что профиль личности неосторожного преступника характеризует ведущая тенденция — фиксация тревоги и ограничительное поведение (пик по шкале 7, тест ММИЛ), которая проявляется в неуверенности в себе, склонности к волнениям при стрессе, избыточном самоконтроле и постоянном чувстве вины. Исследова-

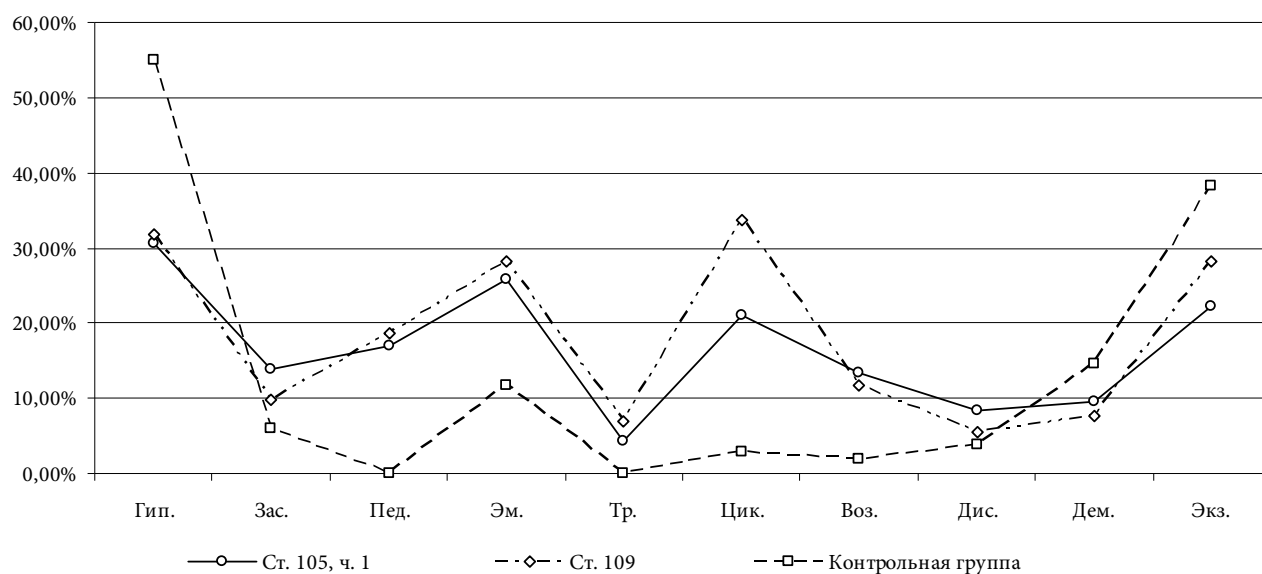

Рис. 4. Типы акцентуаций характера осужденных за убийство и причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 105, ст. 109 УК РФ) (Fig. 4. Types of accentuations convicted of murder and causing death by imprudence (p. 1 art. 105, 109 Criminal code of the Russian Federation))

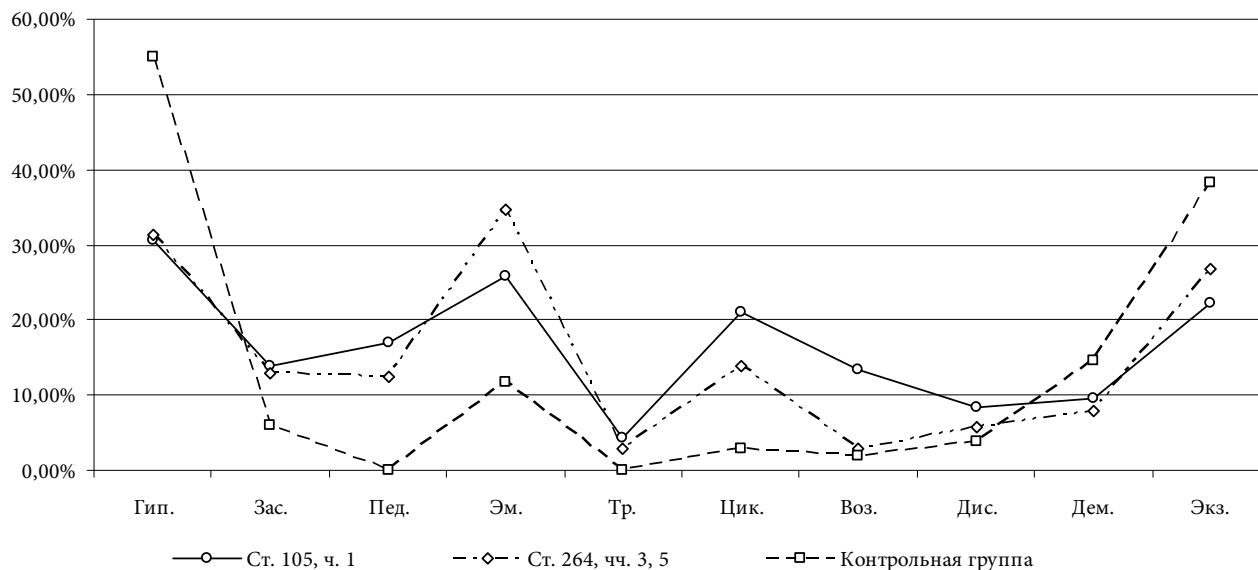

Рис. 5. Типы акцентуаций характера осужденных за убийство и нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее смерть человека (ч. 1 ст. 105, чч. 3, 5 ст. 264 УК РФ) (Fig. 5. Types of accentuations of persons convicted of murder and a traffic crime that resulted in death (p. 1 art. 105, p. 3, 5 art. 264 Criminal code of the Russian Federation))

тели отмечают, что среди неосторожных преступников встречаются разные типы личности, но психологическое качество тревожности является фундаментальным и ведущим, это именно личностная черта, а не состояние [12, с. 66–68; 13, с. 240; 14, с. 326–329].

Различные результаты исследований могут быть обусловлены в первую очередь особенностью выборки осужденных и применяемых методик. Немаловажен и фактор времени. Развитие общества в течение последней четверти века, безусловно, отразилось не только на количественном, но и на качественном составе населения. В связи с этим можно предположить, что трансформировались и психологические особенности преступников.

Проверить нашу гипотезу можно посредством методологического инструментария теории поколений, кото-

рая является одним из новейших и потому малоизученных направлений в социальной психологии. Согласно названной теории люди, родившиеся в один период времени, испытывают на себе одинаковое влияние политических, экономических, социальных и культурных реалий. Поэтому принадлежность к определенному поколению, под которым понимается «социальная группа людей, объединенная общей культурно-исторической ситуацией развития, схожими общими чертами и типом ментальности» [15, с. 39], как считают исследователи, формирует у своих представителей общие личностные черты, стереотипные реакции на жизненные события, формы контактов, систему ценностей, интересов и потребностей. В настоящее время в психологии выделены следующие группы поколений: беби-бумеры (1945–1964 г. р.),

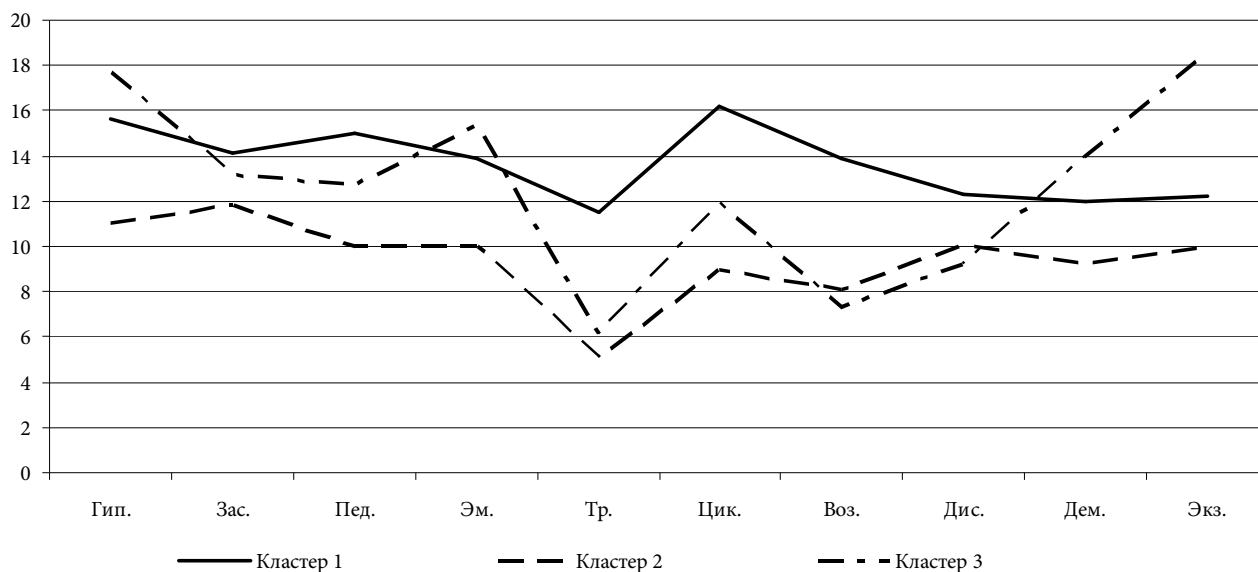

Рис. 6. Кластерный анализ акцентуаций характера по методике Г. Шмишека (чч. 4, 6 ст. 264 УК РФ) (Fig. 6. Cluster analysis of accentuations using the H. Shmishek technique (p. 4, 6 art. 264 Criminal code of the Russian Federation))

X (1965–1980 г. р.) и Y (1981–2000 г. р.). Для поколения беби-бумеров, например, базовыми ценностями являются оптимизм и вовлеченность, для поколения X — скептицизм и неформальные развлечения, а для Y — реализм, конфиденциальность, социальность и экстремальные развлечения. В частности, стремление к экстремальному времяпрепровождению мотивируется потребностью в получении сильных эмоций. В целом из рассматриваемой теории следует, что поколение Y объединяет высокая склонность к риску [15, с. 37–50].

Данный факт дает основание предположить, что неосторожные преступления, которые принято связывать с научно-техническим прогрессом и увеличением техногенных рисков, возможно, даже в большей мере обусловлены тяготением к рискованным решениям и поступкам самого человека. Если эти желания не подкрепляются прочной нравственной основой, уважением и принятием права, то создается почва для правонарушающего поведения [16, с. 228–230; 17, с. 110–115; 18, с. 10–16].

Изучение личности осужденных по ст. 105, ч. 4 ст. 111, ст. ст. 109, 264 УК РФ показало, что они *значимо отличаются* от законопослушных граждан, при этом в некоторых чертах между собой проявляют сходство. Например, виновные в причинении смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) в сравнении с осужденными за «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) несколько более общительны, обладают большей социальной смелостью, менее жестки и суровы по отношению к людям. Они лучше адаптируются к новым условиям социальной среды и воспринимают социум как менее угрожающий. Между тем они, так же как и осужденные за умышленное убийство, предрасположены к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации, обладают неразвитым супер-эго, проявляющимся в несогласии с принятыми социальными нормами, ориентации на собственные желания, беспринципности, низком уровне осознания своей ответственности перед другими. Таким образом, *социальная дезадаптированность и оказание агрессивных действий в ситуациях, которые реальную угрозу могут и не представлять, являются общими чертами осужденных за причинение смерти по неосторожности и убийство. При взаимодействии с криминогенной ситуацией эти черты личности являются немаловажным фактором преступлений* [11, с. 77–85].

Совершившие умышленные и неосторожные преступления, связанные с убийством, приобретают ряд общих как социальных, так и психологических детерминант, не отмечаемых ранее. Данное обстоятельство является дополнительным признаком новой криминологической ситуации, выраженной, в частности, в изменении особенностей личности неосторожного преступника.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Избыточно выраженные черты характера (акцентуации) были выявлены у всех испытуемых, при этом у осужденных они встречаются значительно чаще. Наибольший удельный вес акцентуантов в группе осужденных за квалифицированное убийство (56,8%). Среди законопослушных граждан только у каждого третьего

определяется акцентуация характера (36,6%), что значительно меньше, чем в любой группе осужденных, для которых минимальное значение составило 42%.

2. Число акцентуированных личностей в каждой группе превышает объем выборки, что свидетельствует о значительном удельном весе смешанных типов. Сочетание признаков противоположных форм реагирования (например, повышенная тревожность при повышенной агрессивности, гипертимность и гипотимность) еще сильнее затрудняет адаптацию человека в социуме. В связи с этим обнаруженное в ходе исследования выраженное проявление так называемого «мозаичного» (смешанного) паттерна в группах осужденных (в сравнении с законопослушными гражданами) вполне закономерно [7, с. 52–53].

3. В группах осужденных за убийство наибольшее число лиц акцентуированы по гипертимному типу (по ч. 1 ст. 105 УК РФ — 30,7%, по ч. 2 ст. 105 УК РФ — 31,9%); среди осужденных по ч. 4 ст. 111 УК РФ — по эмотивному типу (33,7%), среди причинивших смерть по неосторожности (ст. 109 УК РФ) — по циклотимному (33,8%), среди виновных в дорожно-транспортных происшествиях с тяжкими последствиями — по эмотивному (34,6%), среди совершивших дорожно-транспортные происшествия в состоянии опьянения — по гипертимному типу (39,7%).

Во всех группах осужденных гипертимный тип реагирования имеет значительный удельный вес. Однако его проявление у преступников и законопослушных граждан (в контрольной группе удельный вес гипертимной акцентуации составил 54,9%) разнородно. Так, полюсу положительных черт этой акцентуации: энергичности, жажды деятельности, оптимизму, инициативности — противопоставлены негативные. Именно последние всегда сопровождают преступное поведение: легкомыслие, недостаточно серьезное отношение к своим обязанностям, завышенная самооценка, перекладывание вины в неудачах на окружающих, склонность к алкоголизму, наркомании, конфликтам, воровству [7, с. 53; 4, с. 236]. Это подтверждает особенности проявления одного и того же типа акцентуаций характера у осужденных и законопослушных граждан.

Выделенные особенности полезно учитывать при прогнозировании индивидуального преступного поведения, а также в ходе разработки базовых программ индивидуальной работы с осужденными различных категорий. В частности, следует обратить внимание на то, что некоторые осужденные за лишение жизни по неосторожности, так же как и виновные в умышленном лишении жизни, требуют коррекции криминально значимых личностных свойств (импульсивность, высокий уровень агрессивности, дефекты в эмоциональной сфере, низкий самоконтроль, преобладающее зависимое поведение, неблагоприятно сложившийся стереотип поведения).

Список литературы

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М., 2003. 488 с.
2. Лунев В. В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. 383 с.
3. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология: учебник / под ред. С. Н. Пономарева. Рязань, 2001. 536 с.

4. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. М., 2005. 640 с.
5. Алексеева Е. А., Выбойщик И. В., Паршукова Л. П. Акцентуация характера : учеб. пособие. Челябинск, 2002. 47 с.
6. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д, 2000. 544 с.
7. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики : монография. СПб., 2005. 624 с.
8. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков // Психология индивидуальных различий / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М., 1982. С. 288–318.
9. Кириллова М. К. Психология преступного поведения : учеб. пособие. Ижевск, 2012. 53 с.
10. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. 172 с.
11. Стешич Е. С. Сравнение личностных особенностей умышленных и неосторожных убийц // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1(38). С. 77–85.
12. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. 454 с.
13. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование : монография. М., 2010. 368 с.
14. Коробеев А. И. Транспортные преступления : учеб. пособие. СПб., 2003. 406 с.
15. Пищик В. И. Личностные черты и ментальность поколений // Вопросы. Гипотезы. Ответы: наука XXI века. Краснодар, 2014. С. 37–50.
16. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография. Омск, 2014. 248 с.
17. Бавсун М. В. Влияние трансформации государственной идеологии на эффективность противодействия преступности // Уголовная политика и культура противодействия преступности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016. С. 110–115.
18. Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы // Общество и право. 2017. № 3(61). С. 10–16.

Поступила 19.11.2017

Character Accentuations and Criminal Behaviour (according to the Study of Prisoners Convicted of Intentional Killing or Reckless Killing)

Steshich Elena S.,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor, the Rostov Law Institute of the Russian MIA
Rostov-on-Don, Russia. e-mail: esteshich@mail.ru

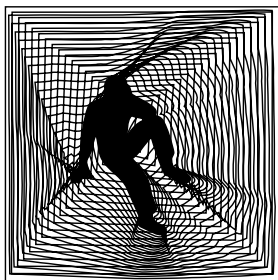
Abstract. Excessively expressed character traits (accentuations) in combination with the social orientation of the individual and the motivation of behaviour play an important role in the mechanism of the crime. The study showed that accentuations are more common for convicts than law-abiding citizens (the minimum value is 42% and 36.6% respectively), while convicts are characterized by manifestation of accentuations of a mixed type that significantly hamper human adaptation in the society. The results of the research can be taken into account when predicting individual criminal behaviour and when developing basic programs for individual work with convicts of various categories. In particular, it should be noted that some convicts guilty of reckless killing as well as those guilty of intentional killing, require correction of crime-related personal properties (impulsiveness, high level of aggressiveness, emotional defects, low self-control, prevailing dependent behaviour, unfavourable behavioural stereotype).

Keywords: intent; recklessness; killing; accentuation of character; stereotype of behaviour; aggressiveness; self-control.

Citation: Steshich E. S. Character Accentuations and Criminal Behaviour (according to the Study of Prisoners Convicted of Intentional Killing or Reckless Killing). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No 1(72). 2018. P. 29–35.

References

1. Leontiev D. A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of the semantic reality. Moscow, 2003. 488 p. (In Russ.)
2. Luneev V. V. Motivation of criminal behaviour. Moscow, 1991. 383 p. (In Russ.)
3. Ushatkov A. I., Kazak B. B. Penitentiary psychology. Ryazan, 2001. 536 p. (In Russ.)
4. Enikeev M. I. Legal psychology. Including the basics of general and social psychology. Moscow, 2005. 640 p. (In Russ.)
5. Alekseeva E. A., Vyboishchik I. V., Parshukova L. P. Character accentuation. Chelyabinsk, 2002. 47 p. (In Russ.)
6. Leonhard K. Accentuated persons. Rostov-on-Don, 2000. 544 p.
7. Sobchik L. N. Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics: Monograph. St. Petersburg, 2005. 624 p. (In Russ.)
8. Lichko A. E. Psychopathies and character accentuations in adolescents. Psychology of individual differences. Moscow, 1982. P. 288–318.
9. Kirillova M. K. Psychology of criminal behaviour. Izhevsk, 2012. 53 p. (In Russ.)
10. Antonyan Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. Psychology of the criminal and crime investigation. Moscow, 1996. 172 p. (In Russ.)
11. Steshich E. S. Comparison of personal characteristics of intentional and reckless killers. *Applied legal psychology*. No. 1(38). 2017. P. 77–85. (In Russ.)
12. Antonyan Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. Psychology of crime and punishment. Moscow, 2000. 454 p. (In Russ.)
13. Antonyan Yu. M., Eminov V. E. Personality of the criminal. Criminological and psychological research. Monograph. Moscow, 2010. 368 p. (In Russ.)
14. Korobeev A. I. Transport crimes. St. Petersburg, 2003. 406 p.
15. Pishchik V. I. Personal traits and the mentality of generations. Questions. Hypotheses. Answers: the science of the 21st century. Krasnodar, 2014. P. 37–50. (In Russ.)
16. Bavsun M. V. Criminal law influence: ideology, goals and means of implementation. Monograph. Omsk, 2014. 248 p. (In Russ.)
17. Bavsun M. V. Influence of the transformation of the state ideology on the effectiveness of crime counteraction. *Criminal Policy and the Culture of Counteraction to Crime* : Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2016. P. 110–115. (In Russ.)
18. Simonenko A. V., Griбанov E. V. Criminal policy and culture of counteraction to criminality in Russia: state and prospects. *Society and Law*. No. 3(61). 2017. P. 10–16. (In Russ.)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Psychological aspects of tension and conflict resolution

УДК 159.9 © Н. Н. Саппа, 2018

О социальной тревожности курсантов

Саппа Николай Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор Белгородского государственного университета
Белгород, Россия. email: smokvi@mail.ru

Рассматривается социальная тревожность курсантов как продукт условий их учебной деятельности. Особенности, исторически сложившиеся в ведомственном учебном заведении, обуславливают социальную тревожность как неотъемлемую часть образовательного процесса. Прежде всего, это административно-командный стиль взаимоотношений с курсантами, жесткая регламентация образовательного процесса, опирающегося на субъект-объектные отношения, некоторая пространственная ограниченность жизнедеятельности курсантов и небольшое разнообразие социальных связей. На основании эмпирических данных, приведенных в литературе, показано, что высокий уровень социальной тревожности связан с переживанием курсантами эмоционального дискомфорта в жестко регламентированных условиях их жизнедеятельности. Однако внедряемые для снижения уровня тревожности курсантов тренинги помогают им лишь приспособиться к административно-командному стилю взаимоотношений, который доминирует в ведомственных учебных заведениях. Создание в вузе благоприятного для учебы психологического климата состоит в формировании устойчивых корпоративных отношений и в развитии корпоративной культуры.

Ключевые слова: психологический климат; социальная тревожность; курсанты; учебный процесс; административно-командная система; специфика ведомственного учебного заведения.

Для цитирования: Саппа Н. Н. О социальной тревожности курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 36–39.

Одной из важнейших задач менеджмента организации является создание корпоративных отношений, способствующих ее эффективной деятельности, — делового и бесконфликтного психологического климата. Под психологическим климатом трудового коллектива обычно понимают социально обусловленную, относительно устойчивую систему отношений его членов к коллективу как к целому. Социально-психологический климат всегда строится на межличностных отношениях, поэтому является показателем их состояния [1]. Разумеется, важна и эмоциональная окраска сложившихся устойчивых социально-психологических отношений. Деловой и бесконфликтный психологический климат в коллективе обеспечивает в нем комфортную среду совместной работы или учебы и их высокое качество. Заметим, что одно из условий комфортной (и высокопроизводительной) деятельности заключается в ее стабильности и связанном с этим отсутствием опасений (тревожности) в нарушении комфорта. Рассмотрим феномен социальной тревожности применительно к деятельности ведомственных высших учебных заведений.

Так, В. Л. Цветков и другие ученые [2] исследовали проблемы социальной тревожности как фактора эмоциональной нестабильности в процессе обучения курсантов. Было достаточно убедительно экспериментально показано, что тревога — неотъемлемая часть образовательного процесса. Поэтому тревога не может по-

ниматься исключительно как негативное состояние. Под социальной тревогой авторами имеется в виду эмоциональное переживание курсантами стрессовых ситуаций, обусловленных образовательным процессом в вузе.

На наш взгляд, наиболее психологически напряженной частью данного процесса является система контроля знаний обучающихся — оценка их выступлений на семинарах, зачетах и экзаменах. Она, действительно, может вызывать тревожность у тех, кто не уверен в глубине своих знаний или в справедливости экзаменаторов. Крайний случай предвзятости экзаменатора — «педагогический садизм» — описан знаменитым психиатром Н. В. Краинским [3] как разновидность флагаелляции [4, с. 208]. Один из его пациентов, инспектор учебного округа К., имел славу необычайно строгого и жесткого экзаменатора, и его бессмысленная строгость на экзаменах была причиной 18 самоубийств учащихся. Разумеется, здесь речь идет о психическом отклонении [5, с. 154]. Как показывают личные наблюдения, для курсантов сейчас экзаменационная сессия не представляет столь непреодолимого препятствия.

Организация процесса обучения будущих офицеров имеет свою специфику. В связи с этим интерес вызывают особенности психологического климата ведомственных учебных заведений и влияние на образовательный процесс социальной тревожности курсантов.

В широком смысле понятие социальной тревожности, как отмечают И. В. Никитина и А. Б. Холмогорова, включает в себя ряд явлений: «... от наиболее мягкой формы — застенчивости, до такого серьезного расстройства, как социальная фобия» [6, с. 80]. Таким образом, застенчивость (робость) и социальная фобия (особенно ее обобщенный тип) — это сходные конструкции, но не одно и то же. Человек может быть чрезвычайно застенчивым, но не иметь диагноза социальной фобии [7, с. 598]. Социальная тревожность, безусловно, негативное состояние, и в узком смысле она трактуется как «беспокойство и страх, которые проявляются во взаимодействии и общении с людьми» [8, с. 344]. При этом ощущение безопасности, отсутствие необходимости от кого-либо защищаться, т. е. степень удовлетворенности потребности в безопасности, как было установлено эмпирическим исследованием, представляет один из ведущих факторов комфортности обучающихся в образовательной среде вуза [9, с. 97]. В то же время уровень тревожности специалисты относят к психологическим факторам, влияющим на успешность обучения. Связанные с тревожностью сильные переживания (страх, беспокойство, радость, возбуждение, раздражение, ностальгия) мешают курсантам сосредоточиться на учебном процессе [10].

Тревожность обычно понимается как свойство личности, однако имеющиеся эмпирические данные указывают на возникновение тревожности как продукта условий, сложившихся в трудовой или учебной деятельности субъекта. В связи с этим нами [11] и другими авторами [12] отмечалось, что особая специфика ведомственного учебного заведения требует от курсантов большой выдержки и нервно-психической устойчивости. Такими особенностями образовательной среды вуза для курсантов являются:

— преимущественно административно-командный стиль взаимоотношений офицеров — командиров курсантских подразделений и преподавателей с курсантами;

— доминирование внешне заданных управленческих и организационных основ, которые предусматривают жесткую регламентацию образовательного процесса;

— относительная пространственная ограниченность жизнедеятельности и небольшое разнообразие социальных связей курсантов;

— высокая интенсивность и часто формализованный характер социального взаимодействия в курсантском коллективе.

Административно-командная система, бесспорно, стержень образовательной среды ведомственного учебного заведения. Поэтому для целенаправленного воздействия на сознание и поведение курсантов их командиры из убеждения и принуждения, двух универсальных методов управления, чаще всего выбирают последнее, как более простое в использовании. Принуждение обусловлено жесткой регламентацией жизнедеятельности курсантов в учебном заведении, в то же время обучающимися оно часто воспринимается как ограничение

их прав и возможностей. Курсанты, оценивая решения командиров, не всегда считают их справедливыми, к сожалению, в некоторых ситуациях их выводы объективны. Система контроля знаний в учебном процессе может эпизодически вызывать опасение и тревожность у курсантов, не вполне уверенных в своих знаниях. Но в состоянии постоянной социальной тревожности курсантов чаще всего приводят повседневные опасения и страх, обусловленные непредсказуемостью командиров в оценке их поступков и возможностью незаслуженного или слишком сурового наказания.

Социальная тревожность свойственна обучающимся любого учебного заведения с постоянным пребыванием в нем и тоталитарным контролем их жизнедеятельности. Позволим себе привести цитату из воспоминаний Н. С. Кохановской (Соханской) об обучении в Харьковском институте благородных девиц, а именно о психологическом состоянии при появлении начальницы Института: «Страх был всеобщий, совершенно панический — необъяснимый. Было ли это знание, что судьба всех, в институте живущих, и даже прикосновенных сюда, зависит от Авд. Гр. (Авдотья Григорьевна Литинская, начальница Института. — Н. С.), от одного взгляда ея? Поражала ли эта торжественность, недоступность, грозно-царское величие ея приемов? Только не было лица в институте, начиная от дам и учителей до последнего истопника, которое бы, заслыша ея звучные шаги и (Боже сохрани!) голос, не вздрогнуло бы и не поискало глазами места, куда бы скрыться. Но что еще увеличивало страх, это жесткость, иногда даже громогласная грубость речей и несправедливость, тяжелая неправда» [13, с. 23].

Исследователями было установлено, что чем сильнее учащиеся ощущают в учебном заведении угрозу себе и свою беспомощность, тем у них ярче такие девиантные проявления, как регрессивное поведение, межличностная конфликтность, агрессия. Проведенное на базе общеобразовательной школы и кадетского корпуса в Москве сравнительное эмпирическое исследование влияния условий обучения на агрессивность подростков показало, что у кадетов преобладает физическая агрессия, у них, в сравнении со школьниками, более выражены раздражение, подозрительность и вербальная агрессия. В ситуациях межличностного взаимодействия для них характерно применение физической силы, словесных угроз, а школьникам присуще проявление негативных чувств на уровне вербальных средств. Последние не воспринимают окружающий мир враждебно, не склонны к неадекватному проявлению агрессии. Подростки-кадеты обладают более высокой агрессивностью, однако, как указывают исследователи, «корректировать подобные тенденции необходимо в более раннем возрасте, так как методики, применяемые к школьникам, непригодны в работе с кадетами из-за особенностей их воспитания» [14, с. 3]. Возьмем на себя смелость предположить, что повышенная агрессивность кадетов в первую очередь есть следствие их воспитания административно-командными методами.

Подобные методы порождают не только трудности с внедрением в образовательный процесс субъект-субъектных отношений, но и наличие различных стрессогенных факторов в курсантской жизни, находящейся в значительной степени под контролем командиров. Эмоциональный дискомфорт в жестко регламентированных условиях жизнедеятельности, ожидание неблагоприятного и предчувствие грозящей опасности формируют высокий уровень социальной тревожности. Для его снижения и улучшения психологического состояния курсантов в учебном заведении специалистами разрабатываются и внедряются соответствующие психологические тренинги [12; 15], преподаватели стремятся к гуманизации образовательного процесса [16]. Однако, не изменяя внешних условий протекания учебного процесса, эти меры помогают курсантам только приспособиться к административно-командному стилю взаимоотношений, который доминирует в ведомственных учебных заведениях. На наш взгляд, создание благоприятного учебно-психологического климата состоит в формировании устойчивых корпоративных отношений в вузе и в развитии корпоративной культуры в работе администрации и преподавателей.

Список литературы

1. Черепкова Н. В., Чугункин С. А. Социально-психологический климат как неотъемлемая часть трудового процесса в коллективе // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2011. № 1. С. 45–48.
2. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., Ануфриева Д. А., Старостин С. Н. Социальная тревожность курсантов в контексте психологической защиты // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 4(67). С. 63–66.
3. Краинский Н. В. Педагогический садизм. Вильна: тип. «Промень», [1913]. 11 с. (Прил. к протоколу заседания Императорского медицинского общества от 12 июня 1912 г. за № 7).
4. Старшенбаум Г. В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей. М., 2006. 288 с.

5. Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993. 424 с.
6. Никитина И. В., Холмогорова А. Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. № 1. С. 80–85.
7. Chavira D. A., Stein M. B., Malcarne V. L. Scrutinizing the relationship between shyness and social phobia. *J. Anxiety Dis.* 2002. Vol. 16. P. 585–598.
8. Бендас Т. Гендерная психология : учеб. пособие. СПб., 2006. 431 с.
9. Маклаков А. Г., Авдиенко Г. Ю. Социально-психологическая комфортность для обучающегося в образовательной среде вуза и методы ее диагностики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1(60). С. 94–99.
10. Емельяненко А. А., Петровская М. В. Успешность учебной деятельности курсантов военных вузов и некоторые ее детерминанты. URL: <https://www.fundamental-research.ru/article/view?id=35279> (дата обращения: 09.02.2017).
11. Савва Н. Н. Межличностные конфликты в курсантской среде и их преодоление // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2(65). С. 44–47.
12. Бабурин С. В., Зауторова Э. В. К вопросу о влиянии стресса на учебную деятельность курсантов первого курса ведомственного вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1(60). С. 47–49.
13. Соханская (Кохановская) Н. С. Автобиография. М., 1896. 193 с.
14. Абрамова А. А., Кузнецова С. О. Влияние условий обучения на проявление агрессивности у подростков // Тюменский медицинский журнал. 2012. №1. С. 3–6.
15. Шафиева Э. И., Ахмедова Э. П. Роль психопрофилактических мероприятий в подготовке офицеров к военной службе. URL: <http://www.km.ru/referats/EBDA81EAA1834C18830CD34A756BC447> (дата обращения: 10.02.2017).
16. Островский С. Н., Кищенко Е. В. Индивидуальный подход при обучении курсантов РВВДКУ. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/01/3197> (дата обращения: 10.02.2017).

Поступила 10.02.2017

To the Question of Military Cadets' Social Anxiety

Sappa Nikolay N.,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Belgorod State University
Belgorod, Russia. email: smokvi@mail.ru.

Abstract. The paper considers the cadets' social anxiety as a result of their educational environment. The focus is made on the historically developed peculiarities of the departmental educational institution, which cause social anxiety as an integral part of the educational process. These primarily include the administrative-command style of relationships with cadets, the rigid regulation of the educational process based on subject-object relations, a relative space limitation of cadets' activities and a small variety of their social connections. Basing on the empirical data given in the literature it is shown that a high level of social anxiety is related to the cadets' experience of emotional discomfort in the strictly regulated conditions of their life activity. However, the implemented trainings aimed to reduce the cadets' anxiety level only help them to adapt to the administrative-command style of relationships that dominates in departmental educational institutions. According to the author, the creation in a university of a favourable psychological climate for studies implies formation of stable corporate relations and development of a corporate culture.

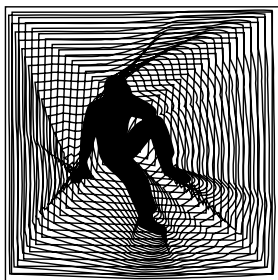
Keywords: psychological climate; social anxiety; cadets; educational process; administrative-command system; specifics of a departmental educational institution.

Citation: Sappa N. N. To the Question of Military Cadets' Social Anxiety. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 36–39.

References

1. Cherepkova N. V., Chugunkin S. A. Socio-psychological climate as an integral part of the work process in a team. *Bulletin of medical Internet conferences*. No. 1. 2011. P. 45–48. (In Russ.)

2. Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A., Anufrieva D. A., Starostin S. N. Cadets' social anxiety in the context of psychological defence. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 4(67). 2016. P. 63–66. (In Russ.)
3. Krainskiy N. V. Pedagogical sadism. Vilna, 1913. 11 p. (In Russ.)
4. Starshenbaum G. V. Addictology. Psychology and psychotherapy of addictions. Moscow, 2006. 288 p. (In Russ.)
5. Etkind A. Eros of the impossible: The history of psychoanalysis in Russia. St. Petersburg, 1993. 424 p. (In Russ.)
6. Nikitina I. V., Kholmogorova A. B. Social anxiety: the content of the concept and the main directions of study. *Social and clinical Psychiatry*. No. 1. 2010. P. 80–85. (In Russ.)
7. Chavira D. A., Stein M. B., Malcarne V. L. Scrutinizing the relationship between shyness and social phobia. *J. Anxiety Dis.* 2002. Vol. 16. P. 585–598.
8. Bendas T. Gender psychology. St. Petersburg, 2006. 431 p. (In Russ.)
9. Maklakov A. G., Avdienko G. Yu. Socio-psychological comfort for the student in the educational environment of the university and methods for its diagnosis. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(60). 2015. P. 94–99. (In Russ.)
10. Yemelyanenko A. A., Petrovskaya M. V. The success of educational activity of military higher schools cadets and some of its determinants. URL: <https://www.fundamental-research.ru/en/article/view?id=35279> (Retrieved Date Accessed: 09/02/2017).
11. Sappa N. N. Interpersonal conflicts in the cadet's environment and their overcoming. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 2(65). 2016. P. 44–47. (In Russ.)
12. Baburin S. V., Zautorova E. V. On the issue of the stress impact on the educational activity of the first-year cadets of a departmental university. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(60). 2015. P. 47–49. (In Russ.)
13. Sokhanskaya (Kokhanovskaya) N. S. Autobiography. Moscow, 1896. 193 p. (A separate print from the «Russian Review» in 1896). (In Russ.)
14. Abramova A. A., Kuznetsova S. O. Influence of learning conditions on the aggressiveness in adolescents. *Tyumen Medical Journal*. No. 1. 2012. P. 3–6. (In Russ.)
15. Shafieva E. I., Akhmedova E. P. The role of psycho-preventive measures in the officers training for military service. URL: <http://www.km.ru/referats/EBDA81EAA1834C18830CD34A756BC447> (Retrieved Date Accessed: 10.02.2017).
16. Ostrovsky S. N., Kishchenko E. V. Individual approach to the training of cadets of the General V. F. Margelov Ryazan Higher Airborne twice Red Banner Order of Suvorov Command School (RVVDKU). URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/01/3197> (Retrieved Date Accessed: 10/02/2017).

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Psycho-correction and regulation of states

УДК 159.9 © С. В. Бабурин, А. М. Чирков, 2018

Системогенез стрессовой адаптации осужденных

Бабурин Сергей Витальевич,

кандидат психологических наук, доцент, начальник Владимирского юридического института ФСИН России
Владимир, Россия. e-mail: ono-vipe@mail.ru

Чирков Алексей Модестович,

доктор медицинских наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России
Вологда, Россия. e-mail: ono-vipe@mail.ru

Статья посвящена проблеме генеза процесса адаптации осужденных в ракурсе полипарадигмального анализа ее стрессовой природы. Рассмотрение динамики формирования системы «адаптация — реадаптация» осужденных с позиции теории функциональных систем П. К. Анохина позволяет устранить противоречия междисциплинарного характера и приблизиться к построению синкретичной модели поведения не только отдельного субъекта, но и сообщества осужденных. Деятельность целостной функциональной системы (ФС) «адаптация — реадаптация» на разных уровнях организации ее частных подсистем (совладающего поведения и др.) может выполнять положительную функцию и сопровождаться полноценной ресоциализацией осужденных. Проведенный на стыке межсистемного подхода и гуманитарных знаний о духовной сфере человека анализ роли психологических механизмов, участвующих в деятельности ФС «адаптация — реадаптация», и структуры данной подсистемы в виде ресурсов совладающего поведения свидетельствует, что наивысшим образованием психологического уровня личностных ресурсов является духовность — духовный эпигуровень метапсихологических резервных возможностей человека, или духовный слой сознания, по В. П. Зинченко. Духовный ресурс выступает главным регулятором деятельности ФС «адаптации — реадаптации», осуществляя актуализацию ресурсов нижележащих уровней разного типа, что обеспечивает координацию, запуск и управление компонентами всех субуровней структуры адаптационных резервов. Ресоциализация осужденных может быть достигнута посредством психопедагогических подходов, направленных на позитивную трансформацию свойств, черт и интенциональности их субъективного мира, обеспечивающих духовное развитие личности, что представляет главную цель всей пенитенциарной практики.

Ключевые слова: адаптация; реадаптация; ресоциализация; функциональные системы; системогенез; пенитенциарный стресс; совладающее поведение; психические ресурсы; дезадаптация; личностные расстройства; миксты; духовность; исправительные учреждения; осужденные.

Для цитирования: Бабурин С. В., Чирков А. М. Системогенез стрессовой адаптации осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 40–46.

Анализ деятельности институтов исполнения и отбывания наказания, несмотря на проводимую реформу уголовно-исполнительного законодательства, направленную на гуманизацию деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС), свидетельствует не только о ее кризисном состоянии, но и об утрате существовавших ранее институтов ресоциализации осужденных, реадаптации и постпенитенциарной адаптации. Сохранение средовой пенитенциарной психотравматизации и других негативных факторов во многих исправительных учреждениях (далее — ИУ) приводит к потере чувства самоуважения у осужденных, нарушению социальной приспособляемости, институционализированной апатии и зависимости, снижая в целом возможность успешной реадаптации и выработки правопослушного поведения на свободе. Сущность проблемы заключается в том, что широко транслируемые в пенитенциарной литературе подходы

к проблеме адаптации осужденных к нахождению в ИУ крайне противоречивы. В работах многих известных авторов (Ю. М. Антонян, О. А. Васильченко, А. Д. Глоточкин, А. И. Мокрецов, О. А. Малышева, А. С. Новоселова, В. Ф. Пирожков, В. М. Поздняков, В. Я. Семке, С. И. Гусев и Г. Я. Снигирева, А. И. Ушатикив, Б. Б. Казак и др.) декларируется необходимость, а также возможность достижения позитивной социально-психологической адаптации лиц, отбывающих наказание, а в других исследованиях убедительно обосновывается положение о противоестественности подобного процесса, имеющего явную дезадаптивную направленность, характерную для стагнирующих и деградирующих сред [1; 2; 3; 4].

Вместе с тем именно от решения проблемы адаптации осужденных к условиям неволи и выбора стратегии исправления наказанием зависит успешность их ресоциализации. При этом, несмотря на богатый материал, полу-

ченный при изучении различных сторон процесса адаптации личности к условиям неволи, до сих пор вне познания остаются основополагающие вопросы, связанные как с его природой, динамикой, направленностью, так и с методологией и подходами к исследованию психических состояний осужденных в целом. Следовательно, основополагающая для пенитенциарной психопедагогики и практики проблема адаптации до сих пор остается нерешенной и, являясь главной проблемой УИС, требует углубленного изучения. Выбор адекватного методологического аппарата анализа сложной, многомерной и динамичной системы процесса адаптации в этой связи — наиболее важная задача, требующая незамедлительного решения и принятия действенных мер, направленных как на позитивную социализацию и трансформацию внутреннего мира осужденных, так и на улучшение санитарно-гигиенических условий и сохранение их здоровья [5, с. 95].

Известно, что процесс адаптации подозреваемых, обвиняемых и осужденных к нахождению в ИУ характеризуется высокой степенью специфичности и зависит от успешности преодоления негативного влияния средовых стрессоров. Считается, что процесс приспособления к ИУ представляет форму «вынужденной адаптации», идущей по «аллопластическому» пути, и не отвечает критериям положительной социальной и психологической адаптации. Основным стрессором при этом признается синдром социальной депривации, представляющий противоположное и неадекватное по психологической сущности психическое состояние человека. Сегодня процесс адаптации принято рассматривать в виде целостной системы «адаптация — реадаптация» [6]. Отечественная пенитенциарная психология традиционно относилась различные патопсихические состояния осужденных, находящихся в условиях неволи, к нарушениям адаптации. Позднее их стали анализировать в виде проявлений особой разновидности психологического стресса, именуемого «пенитенциарным стрессом» (далее — ПС) [7; 8]. Психодинамика адаптационных перестроек у осужденных в условиях ПС имеет «неравновесный» характер, и психические состояния в большинстве случаев отражают дезадаптивную направленность, что связано с предшествующим травматическим опытом и с исходной психопатологией осужденных, попадающих в места лишения свободы [2, с. 73; 3; 4].

При анализе проблемы адаптации существует множество разночтений в зависимости от используемых подходов, терминологии, выбранных критериев ее оценки и т. д. Это часто приводит к упрощенному и одностороннему толкованию сущности этого процесса (явления, состояния, копинга). Наиболее часто ошибка заключается в изучении личностной или социально-психологической адаптации к условиям отбывания наказания в качестве самостоятельных функциональных систем (далее — ФС) вне стрессового контекста их возникновения. Причем собственно адаптация (приспособление), т. е. процесс выработки соответствующего режиму ИУ поведения осужденных, рассматривается чуть ли не в качестве целеполагания деятельности указанных ФС. Принятие подобной установки с позиций аналитического аппарата теории функцио-

нальных систем (далее — ТФС) П. К. Анохина нарушает смысл и телеологические (целевые) базовые принципы бытия человека, нивелируя главную цель УИС — ресоциализацию осужденных. Такой подход становится основным фактором несостоятельности и рассогласования деятельности функционирования ФС «адаптация — реадаптация». Использование принципов ТФС позволяет выявить узловые вопросы функционирования многих сложных ФС и, в частности, преодолеть ряд ошибок и затруднений при анализе цели, эффективности и результата деятельности ФС «адаптация — реадаптация». Синтез ТФС с принципами естественных и гуманитарных наук дает возможность к тому же устранить разночтения междисциплинарного характера и приблизиться к построению синкретичной модели поведения не только субъекта, но и сообщества осужденных на разных уровнях анализа ФС — биологическом, психологическом и др. Так, рассмотрение деятельности ФС «адаптация — реадаптация» осужденных на основе ТФС с позиций реактивной парадигмы стресса объясняет многие закономерности ее развития. Формирование этой ФС может иметь адекватный характер, т. е. выполнять положительную функцию, направленную на полноценную ресоциализацию осужденных, либо негативный характер, т. е. дисфункциональный по своей сущности. Финалом де стабилизации деятельности ФС выступают деформация личности осужденного в виде психической дезадаптации и, как правило, рецидив преступления. Например, согласно ТФС функционирование представленной выше «бесцелевой» ФС адаптации, проводимой в формате притягивания нормативного поведения осужденных в ИУ, неизбежно сопровождается ее стагнацией и распадом [9].

Такой негативный сценарий объясняется просчетом (ошибкой) в выборе конечного результата деятельности, поскольку неверно заданная цель противоречит поставленным УИС задачам, что создает конфликт с опорными механизмами ФС «адаптация — реадаптация» осужденных. Следует также отметить, что и совокупную деятельность отдельных учреждений УИС в целом можно рассматривать в качестве особых самостоятельных ФС. Они также могут иметь негативный характер деятельности и относиться к системам без положительного результата действия, в том случае если под ресоциализацией понимается выбор внешнего правопослушного поведения осужденных, а не глубокая трансформация внутреннего мира и развитие их личностного потенциала. В связи с этим согласно выдвинутому К. В. Судаковым положениям о деятельности Законов Мироздания возникает противоречие между ожидаемым и необходимым развитием психических функций у осужденных и существующей практикой их жизнедеятельности в ИУ. Это приводит к дезинтеграции работы всех звеньев той или иной ФС ИУ, что сопровождается нарастанием противоправного поведения на основе дальнейшей дезадаптации осужденных. Дефекты ресоциализации осужденных в случаях негативной направленности деятельности самой ФС ИУ способствуют, в свою очередь, формированию процессов психической дезадаптации сотрудников ИУ в виде психологического выгорания и других синдромов стрессовой психопатологии [10, с. 6–11;

11, с. 21–42]. Несмотря на упрощенность анализа сложной кибернетической модели деятельности ИУ в виде ФС «адаптация — реадаптация», подобный подход наглядно объясняет следствие неадекватной деятельности системы исправления осужденных, при которой не достигается их полноценной ресоциализации. Негативный результат деятельности указанной ФС (минус-эффект), получаемый на «выходе» системы, является пусковым (плюс-сигнал) в формировании новой ФС. Это означает, как правило, повторное правонарушение и попадание в ИУ. Успешная ресоциализация — положительный результат деятельности ФС «адаптация — реадаптация» (плюс-эффект), получаемый на «выходе» функционирования системы, санкционирует роспуск системы (минус-сигнал), т. е. отсутствие правонарушений.

Следовательно, под ФС «адаптация — реадаптация» следует понимать не приспособление осужденного к пребыванию в ИУ, а целенаправленный процесс преодоления стрессовых состояний на основе внутренней трансформации его личности, результатом которой должна стать успешная ресоциализация. Иначе системогенез данной ФС субъекта включает не только механизмы преодоления пенитенциарного стресса (приспособления к ИУ), но и процессы внутреннего преобразования внутреннего мира, направленные на получение положительного результата деятельности в виде ресоциализации личности. Системогенез изучаемой ФС имеет следующие варианты развития: 1. ПС → успешная (позитивная) адаптация → реадаптация → ресоциализация личности (положительный результат). 2. ПС → неуспешная (парциальная — неполная) адаптация → дефекты реадаптации (стресс) → неполная ресоциализация личности (плюс, минус результат). 3. ПС → негативная адаптация → психическая дезадаптация → негативная реадаптация → отсутствие ресоциализации (минус результат, рецидив преступления). В связи с этим задачей УИС является создание необходимых условий для развития первого варианта генеза развития ФС «адаптация — реадаптация» с положительным результатом ее деятельности, приводящим к духовному преображению личности осужденного. К сожалению, более чем в двух третях случаев пенитенциарная практика встречает второй и третий варианты системогенеза указанной ФС. Их негативные исходы: рецидивность преступлений, усугубление имеющихся психических личностных и стрессовых расстройств, пролиферация пенитенциарно-стрессовых состояний и смешение их с личностной психопатологией в виде психических микстов, призонизация, карцеризация и полная духовная деградация личности [12].

Центральное место в обеспечении полноценного процесса адаптации отводится психологическим механизмам использования психических и других резервов личности. Согласно ресурсной теории совладающего со стрессом поведения человека они имеют многомерную организацию, включающую, наряду с психологическими, психическими и соматическими резервами, ряд обуславливающих факторов (социально-личностных, регулятивных, культурных и т. д.) [13]. Поэтому адекватность результата системогенеза ФС «адаптация — реадаптация» на пути ресоциали-

зации осужденного обоснована динамикой и балансом расходования, истощения или сохранения имеющихся резервов субъекта. Их наличие и адекватное расходование обеспечивают реадаптацию и ресоциализацию, а дефицитность и истощение — дезадаптацию и другие формы психической и социальной патологии. С позиции теории системной иерархии и ТФС ресурсную модель совладающего поведения человека можно представить в виде ресурсной подсистемы анализируемой ФС со своей структурно-функциональной организацией, имеющей вертикальную архитектуру построения с расположением тех или иных резервов на соответствующих уровнях структуры. Функционал иерархии этой подсистемы отвечает за упорядоченность многоступенчатого «комплектования» и использования резервов по степени их важности и доступности. Одним из принципов деятельности такой многоуровневой иерархической структуры является подчинение нижележащих компонентов уровней и субуровней резервов компонентам вышележащих уровней. Находящийся в основании модели ресурсов нижний соматический уровень имеет собственную топографическую вертикаль, идущую вверх от субмолекулярного до межсистемного субуровней. Этот уровень представляет фундамент вышележащего промежуточного — психического — уровня, обладающего своей иерархией субуровней (восприятия, мышления, памяти, эмоций и т. д.). Он «подчиняется» верхнему — психологическому — уровню, образующему свои субуровни, включающие различные личностные образования, свойства и константы, отвечающие критерию психологических ресурсов. Обладая автономной иерархией, уровень психологических резервов обеспечивает множество защитных функций личности — приспособления, умений и стратегий преодоления, т. е. выносливости и жизнеспособности в стрессовых ситуациях.

Это имеет особое значение, поскольку считается, что психологические ресурсы личности, с одной стороны, отражают особенности интер- и интрасубъективных, экзистенциальных и других психологических функций, обуславливающих преодоление стресса, а с другой — составляют основу общего адаптационного потенциала, объединяющего саморегуляцию, контроль поведения, психологические защиты и стратегии совладания. Выделяют метапсихологические ресурсы, к которым относят психодинамические (темпераментальные) ресурсы (свойства) устойчивости (ценностно-смысловые и др.), ресурсы когнитивного субуровня (способности к когнитивному оцениванию, каузальные ориентации, локус контроля и пр.), мотивационные и другие ресурсы [13].

Общий и специфический потенциал адаптации психологического уровня личности обеспечивает ее устойчивость, саморегуляцию, самоэффективность, выносливость, выживаемость и жизнестойкость при неблагоприятных обстоятельствах. К особенностям функционала иерархической подсистемы ресурсов относятся ее гибкость, компенсируемость и способность к накоплению ресурсов. Иными словами, дефицит, например, ресурсов самоидентификации или самопостижения может компенсироваться такими ресурсами, как самопожертвование, мировоззрение,

стремление к справедливости и высшим целям. Основываясь на духовной парадигме стресса и адаптации и ее принципах, можно заключить, что наивысшим (верховным) образованием (фактором или регистром) психологического уровня является духовность — духовный эпиуровень метапсихологических резервных возможностей человека (духовный слой Сознания), представляющий системообразующий фактор развития внутреннего мира человека и определяющий его устойчивость к стрессу. Духовный ресурс, выступая главным регулятором адаптации, осуществляет актуализацию ресурсов разных уровней и разных типов. Под его влиянием в некоторой последовательности происходит мобилизация ряда других психологических ресурсов личности. Наличие и активизация духовного уровня обеспечивают координацию, запуск и управление компонентами всех уровней и субуровней структуры адаптационных резервов. Согласно имеющимся данным, духовный ресурс включается в регуляцию расхода психической энергии уже на первом этапе стресса — при встрече и осознании стрессора. Рассмотрение принципов деятельности иерархической структуры резервов и характера использования соответствующих ресурсов имеет также и диагностическое значение для оценки уровня устойчивости и глубины стрессовой адаптации [12; 14]. Так, манифестация примитивных психологических защит осужденного (отрицания и т. д.) свидетельствует о дефиците или отсутствии необходимых ресурсов психологического уровня, а появление телесной (соматической) симптоматики у осужденного указывает уже на срыв барьера психической адаптации, т. е. истощение или дефицитарность психических и психологических ресурсов личности. Модель «послойного» анализа функций подсистемы ресурсообеспеченности предполагает построение целостной картины стрессовой адаптации на основе полинаучного подхода к анализу субъективного мира осужденного.

Следовательно, с позиции ТФС под положительной (истинной) адаптацией осужденного в условиях исполнения наказания следует понимать только такую деятельность (системогенез) ФС «адаптация — реадаптация», которая отвечает требованиям развития успешной ресоциализации в виде положительной психологической трансформации его личностных свойств (внутреннего мира). Это во многом опосредуется включением механизмов подсистемы ресурсов совладающего поведения, актуализирующих процессы самопознания, саморазвития и саморегуляции личности осужденного. Позитивное изменение свойств, черт и интенциональности субъективного мира осужденного, направленное на духовное развитие его личности, представляет главную цель всей пенитенциарной практики.

Важность духовного фактора в целенаправленной деятельности ФС «адаптация — реадаптация» убедительно выявляется с помощью анализа смысловой составляющей концепта адаптации, присущей различным научным школам и направлениям академической психологии. Так, в социально-психологических работах позитивная социальная адаптация рассматривается в качестве выработки правособразного поведения осужденного в виде функ-

циональной и организационной форм его приспособления к новым условиям существования [1, с. 46–50]. Однако ее наиболее часто возникающим вариантом является ситуативная (парциальная) адаптация в виде внешнего приспособления осужденного к жизнедеятельности в ИУ. Это связано с необходимостью преодоления достаточно серьезных барьеров, связанных с внешними условиями (негативными характеристиками пенитенциарной среды), социально-психологическими (убеждениями, принципами, привычками, стереотипами поведения и т. д., присущими субъекту) и социокультурными (ценностно-нормативными и т. д.) характеристиками субъекта. Их анализ показал, что, наряду с интериоризацией новых понятий, установок, норм, социальных связей и отношений, необходимых для развития позитивной стрессовой адаптации, основная роль в этом процессе принадлежит формированию духовных констант мировоззрения, или духовных структур сознания. Обращение к целостному образу личности, ее структуре, содержанию и направленности ценностно-смысловых ориентаций имеет особую важность, поскольку не только понятия и личностные смыслы, но и интенциональность внутреннего мира субъекта влияют на характер процессов социальной адаптации к ИУ и социализации, взаимопределяющих и взаимодополняющих друг друга. Внешней же формой проявления адаптационных процессов, позволяющей оценивать успешность их протекания, служит адаптационное поведение, под которым понимается процесс взаимодействия субъекта и социальной среды, опосредующий согласованность взаимных требований и ожиданий и реализующий определенные механизмы социальной адаптации. Изменению условий ИУ и гуманизации отношений к осужденным при этом придается первостепенное значение для их успешной адаптации и ресоциализации.

В психоанализе, в частности по К. Г. Юнгу, минимизация стресса (адаптация) — это преодоление комплексов агрессии и страха на пути постижения смысла своего первообраза (архетипа) путем достижения гармонии между внутренним и внешним миром (а также экстра- и интроверсией) в поле коллективного бессознательного. По А. Адлеру, это снятие комплекса неполноценности и выход из «невроза» (как основы криминальности) на основе постижения, обретения и достижения здорового (адаптивного) пути развития личности осужденного. В постфрейдистской психодинамике положительная адаптация — это развитие (выравнивание) адекватной Я-структуры и расхода (направленности) психической энергии. В терминах гуманистической психологии адаптация (совладание со стрессом) — это самораскрытие личностью осужденного собственных (главных) психических и психологических ресурсов, изначально заложенных в каждом человеке в силах добра, психического здоровья и стремления к самосовершенствованию. По К. Роджерсу, это самопринятие, развитие своей самости посредством высвобождения и реализации потенциальных возможностей своего истинного Я. По А. Маслоу, это приобретение или нахождение в себе способностей и освоение способов для освоения путей достижения самоактуализации, т. е. реализации высших духовных потребностей [12].

С позиции наиболее близкой пенитенциарной цели экзистенциальной психологии, адаптация — это освобождение от духовного вакуума путем нахождения смысла (и понимания) своего существования (самотрансценденции), приводящего осужденного через страдания к обретению веры и высоким жизненным целям (по В. Франклу). В терминах гештальтпсихологии, это достижение целостности своего внутреннего мира — ядра-фигуры и его полное разотождествление с криминальным «фоном». В понятиях трансперсональной психологии, это расширение спектра сознания (по К. Уилберу), а согласно антропологической психологии, это развитие субъективного мира на основе самоанализа, саморегуляции и саморазвития. С точки зрения философской и постнеклассической психологии (по В. П. Зинченко), это формирование духовного слоя развития Сознания, или Акт становления человека Человеком. В понимании Православия, позитивная психологическая адаптация осужденных к неволе — это начало пути к обретению истинной духовности (благодати, стяжанию даров Святого Духа) в процессе покаяния и молитвы, что невозможно без борьбы с собой — со своими страстями, осознания своей греховности и пороков [12]. Подобным проявлениям и формам адаптации (позитивным психическим изменениям) и поиску (и анализу) ее критериев посвящено огромное число исследований, в которых имели место неоднократные попытки выделения специфических психологических, психолого-физиологических, патопсихологических и психолого-педагогических новообразований, возникающих у осужденных в условиях неволи. Малая успешность нахождения специфических проявлений (маркеров) процессов адаптации к пенитенциарному стрессу объясняется рядом причин, главные из которых: неспецифический характер стрессовых состояний в целом, в первую очередь, нерешенность проблемы идентификации параметров психологического стресса; некаузальная природа психики человека и непредсказуемость его поведения в экстремальных состояниях (особенно осужденных в ИУ).

По логике когнитивно-бихевиоральных подходов, наиболее часто используемых в пенитенциарной психологии, ресоциализация как результат позитивной адаптации осужденных отражает не столько приобретение адекватных форм поведения, сколько следствие коррекции и устранения когнитивных искажений. Происходящая в процессе такого научения замена криминальных ошибок мышления (установок, стереотипов, штампов и т. д.) индивида требует усвоения новых «образцов» мышления и смены потребностей во внутреннем «пространстве субъекта». Если учесть, что сама установка (по Д. Н. Узнадзе) имеет уровень объективизации (т. е. является специфическим достоянием человека как существа, мыслящего, взаимодействующего с внешним миром и строящего основы культурной жизни), то можно не только обнаружить сходство установки с акцептором результата деятельности П. К. Анохина, но и понять ее устойчивый характер. Негативная природа криминальных установок, проявляющаяся в трудности освобождения осужденного от необходимости принимать решение и произвольно контролировать свою деятельность, во многом определяет косность, ригидность и инертность

его мышления и поведения. Под адаптацией следует понимать замену криминальных установок. Известно, что сами установки обнаруживаются только при изменении условий протекания деятельности. Поскольку жизнь осужденных в ИУ — уникальный вариант «прерывания» всей жизнедеятельности, то следствием позитивной психической адаптации с точки зрения бихевиорально-когнитивной психологии может считаться замена смысловых, целевых и операциональных установок осужденных, имеющих отношение к высшим психическим функциям.

Следует отметить, что современная психологическая когнитология, развивающаяся на платформе постнеклассической методологии психологии, связана с диагностикой и интерпретациями состояния культуры и изображением множественной взаимосвязанности психических феноменов с сознанием. Смена методологических парадигм обуславливает переход от психологии как науки об универсальных законах к психологии как науке об исключениях и от количественного к качественному виду анализа. Психика в этом ракурсе трактуется как орган субъективности, постигаемый посредством диалога, коммуникации и конвенции, а интересубъективность становится критерием ценности. Считается, что познание «психического» (субъективной реальности) при помощи интеллекта (несмотря на множество когнитивных теорий отражения) в большей мере приводит к искажению реальности. Более того, участие психолога как субъекта при этом выступает не столько теоретической реконструкцией изучаемой реальности, сколько условием конструирования получаемых фактов [15]. По мнению В. П. Зинченко, традиционная психология не смогла прийти к признанию, что человек — это акт, и не смогла выявить квазифизические объекты и связи в его сознании, которые опосредуются в вещной, но не предметной (не объектной) деятельности.

В связи с этим большинство понятий академической психологии должны быть пересмотрены, и при исследовании человеческой реальности необходимо учитывать всю полноту и глубину природы человека [16]. Эти вневременные состояния В. П. Зинченко относит к Сознанию. Сознание — явления душевной жизни и реальные результаты этой деятельности, не выступающей психологической или психической. Сознание не ассоциируется с внутренней психологической реальностью, экранированной нашим «Я», а эпифеномен Сознания следует изучать на высших уровнях иерархии духовного мира человека. Его можно контролируемо фиксировать при анализе высших психических функций и состояний — самосущих проявлений жизни, реконструируемых последовательностей в некотором прослеживаемом действии и на языке метафизики обозначающихся как проявления жизни «Невидимого», «Высшего Начала» [16]. Считается также, что сознание автопоэтично, т. е. непрерывно воспроизводит само себя, поддерживает свою идентичность через свой постоянный поиск и становление. Этот феномен лежит в основе интуиции, озарения и инсайта путем восполнения недостающих звеньев и самодостраивания целостного образа [17]. В отличие от логики, которая аналитична, интуиция всегда холистична (целостное схватывание), инсайт же представ-

ляет эмерджентное явление в виде неожиданного скачка в понимании, внезапного обнаружения смысла, связанного с новым соединением образов. На уровне междисциплинарных исследований рассматриваются проблемы когнитивного процесса созидания смыслов в качестве идеальной предметности трансцендентальной феноменологии, а также вопросы взаимосвязи когниций с воспитанием сомы, умным чувством, созерцанием, истиной, творчеством, добром и трансформацией телесного в духовное и т. д. [18].

Таким образом, психические феномены и другие проявления системогенеза ФС «адаптация — реадаптация» осужденных следует глубже изучать на основе междисциплинарного подхода. Процесс адаптации, составляющий сущность преодоления (трансформации) стресса, отражает гибкость и относительную устойчивость человека как сложной открытой психобиосоциальной системы, регулятором которой является духовность. Адаптация — это не столько способность к приспособлению и выживанию, сколько активное творческое преобразование внешней среды и внутреннего мира, направленное на развитие жизни человека и его духовное преображение. Преодоление действия разнообразных стрессовых факторов при этом обеспечивается полифункциональной организацией — системогенезом ФС адаптации, регулируемой психической сферой, устойчивость которой определяется степенью развития духовного мира человека. Диапазон адаптивных состояний человека чрезвычайно широк, что находит отражение как в научных трактовках этих процессов, так и в системном понимании ответных реакций (состояний), предъявляемых стрессовыми нагрузками. Адаптация осужденных к ИУ в этом аспекте лишена смысла и представляет стагнацию и распад, если ее системная организация (адаптация — реадаптация) не направлена на развитие высших психических функций в виде самопознания, самоосознания, творчества и обретения духовности. Она должна представлять развитие (самопостроение) «вертикальной» духовно ориентированной структуры (уровня) развития сознания (души, «сердца»), опосредующей регуляцию всех функций высшей психической деятельности и поведения осужденных. Бесчисленным попыткам работы с различными структурами психического уровня, имеющего «горизонтальное» построение (в виде преимущественно когнитивной системы резервов-ресурсов), противостоит сама иерархическая природа человека как духовного существа, обладающего иерархической структурой резервов и защит (копингов). Исключение основного копинга совладающего поведения в виде духовности, равно как и главного целеполагания жизни человека — его духовного развития, приводит не только к срыву процесса адаптации осужденных, но и к деформации психической сферы сотрудников ИУ, наделяя всю ФС ИУ патологическими чертами и свойствами. В таких условиях длительно протекающий пенитенциарный стресс при явной духовной дефицитности (недостаточности резервных возможностей) осужденных сопровождается истощением глубинных адаптационных ресурсов и, как следствие, нарушением механизмов и процессов психической адаптации на психическом и соматическом уровнях. Срыв приспособительных (адаптационных) механизмов осужденных означает «пере-

ход в фазу патологической адаптации» или формирование качественно новых состояний — процессов психической дезадаптации, которые детерминируют запуск и развитие психической и психосоматической патологии.

Предлагаемый подход к построению синкритичных моделей деятельности ФС «адаптация — реадаптация» с использованием духовной парадигмы сознания и стресса представляется перспективным в развитии ряда научных направлений педагогики и психологии, исследующих особенности поведения сложно организованных систем в условиях популяционного и других видов стресса. В первую очередь это касается психопедагогической проблемы устойчивости и выживаемости человека в экстремальных условиях, прогнозирования и проблем адаптации в изменяющемся мире.

Список литературы

1. Бабурин С. В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1(25). С. 46–50.
2. Бабурин С. В. Природа и сущность патологической адаптации осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2(34). С. 67–77.
3. Пономарев С. Б., Половникова А. А., Тоцкий С. И., Чубаров А. Л. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург, 2008. 148 с.
4. Диденко А. В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы : учеб. пособие / под общ. ред. В. Я. Семке. Томск, 2010. 240 с.
5. Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. 424 с.
6. Бабурин С. В. Психотерапия деструктивных последствий пенитенциарного стресса // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2(30). С. 56–67.
7. Бабурин С. В., Чирков А. М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии : учеб. пособие. Вологда, 2014. 576 с.
8. Ермасов Е. В. Психологический стресс в условиях изоляции // Развитие личности. 2009. № 2. С. 84–99.
9. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980. 216 с.
10. Судаков К. В. Голографическое единство мироздания // Вестник новых медицинских технологий. 2001. Т. 9, № 1. С. 6–11.
11. Судаков К. В. Дезинтеграция функциональных систем организма при эмоциональном стрессе: Стратегии реабилитации // Руководство по реабилитации лиц, подвергшихся стрессорным нагрузкам / под ред. В. И. Покровского. М., 2004. С. 21–41.
12. Бабурин С. В. Психология пенитенциарного стресса и адаптации : учеб. пособие. Вологда, 2016. 315 с.
13. Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М., 2011. 512 с.
14. Белоус Е. И. Психология духовности : монография. Владивосток, 2014. 474 с.
15. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007. 528 с.
16. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. 592 с.
17. Князева Е. Н. Творческое мышление: натуралистическое видение // Творчество: эпистемологический анализ / отв. ред. Е. Н. Князева. М., 2011. С. 6–26.
18. Келле В. Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. М., 2011. 218 с.

Поступила 06.07.2017

Systemogenesis of Convicts' Adaptation to Stress

Baburin Sergey V.,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor, Head of the Vladimir
Law Institute of the Russian Federal Penitentiary Service
Vladimir, Russia. e-mail: ono-vipe@mail.ru

Chirkov Alexei M.,

Doctor of Sciences (Medicine), Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy
of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penitentiary Service
Vologda, Russia. e-mail: ono-vipe@mail.ru

Abstract. Consideration of the dynamics of the formation of system «adaptation-readaptation» of convicts from the viewpoint of the theory of functional systems developed by P.K. Anokhin makes it possible to eliminate contradictions of an interdisciplinary nature and approach the construction of a syncretic model of behaviour not only of an individual subject, but also of a community of convicts. The work of the integral functional system (FS) of adaptation-readaptation at different levels of organization of its private subsystems (coping behaviour and others) can perform a positive function and be accompanied by the complete re-socialization of convicts. Basing on the intersystem approach and humanitarian knowledge of the spiritual sphere of human the authors attempted to conduct an interdisciplinary study of the role of psychological mechanisms involved in the activity of the functional system «adaptation-readaptation» and the structure of this subsystem in the form of resources of coping behaviour. The study shows that the highest form of personal resources at the psychological level is spirituality — the spiritual epilevel of metapsychological human reserves or the spiritual layer of consciousness according to Zinchenko V. P. The spiritual resource acts as the main regulator of the functional system «adaptation-readaptation», realizing the resources of the underlying levels of different types, which ensures the coordination, start-up and management of the components of all the sub-structures of the adaptation reserves. Resocialization of convicts can be achieved through psycho-pedagogical approaches aimed at the positive transformation of properties, traits and intentionality of their subjective world, which ensure personal spiritual development – the main goal of the penitentiary practice.

Keywords: adaptation; readaptation; resocialization; functional systems; systemogenesis; penitentiary stress; coping behaviour; mental resources; disadaptation; personality disorders; mixtures; spirituality; correctional institutions; convicts.

Citation: Baburin S. V., Chirkov A. M. Systemogenesis of Convicts' Adaptation to Stress. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 40–46.

References

1. Baburin S. V. Problems of stress and adaptation in penitentiary psychology. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. No. 1(25). 2014. P. 46–50. (In Russ.)
2. Baburin S. V. The nature and essence of pathological adaptation of convicts. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. No. 2(34). 2016. P. 67–77. (In Russ.)
3. Ponomarev S. B., Polovnikova A. A., Totsky S. I., Chubarov A. L. The syndrome of prison social deprivation at the young age. Yekaterinburg, 2008. 148 p. (In Russ.)
4. Didenko A. V. Personality disorders of convicts serving sentences in prisons. Tomsk, 2010. 240 p. (In Russ.)
5. Korel L. V. Sociology of adaptations: Questions of theory, methodology and methodic. Novosibirsk, 2005. 424 p. (In Russ.)
6. Baburin S. V. Psychotherapy of destructive consequences of penitentiary stress. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. No. 2(30). 2015. P. 56–67. (In Russ.)
7. Baburin S. V., Chirkov A. M. Psychological and pedagogical foundations of penitentiary stressology. Vologda, 2014. 576 p. (In Russ.)
8. Ermasov E. V. Psychological stress in isolation. *Personal development*. No. 2. 2009. P. 84–99. (In Russ.)
9. Anokhin P. K. Nodal questions of the theory of functional systems. Moscow, 1980. 216 p. (In Russ.)
10. Sudakov K. V. Holographic unity of the universe. *Bulletin of new medical technologies*. 2001. Vol. 9. No. 1. P. 6–11. (In Russ.)
11. Sudakov K. V. Disintegration of the functional systems of the body under emotional stress: Rehabilitation strategies. Moscow, 2004. P. 21–41. (In Russ.)
12. Baburin S. V. Psychology of penitentiary stress and adaptation. Vologda, 2016. 315 p. (In Russ.)
13. Zhuravlev A. L., Sergienko E. A. Stress, burnout, coping in the modern context. Moscow, 2011. 512 p. (In Russ.)
14. Belous E. I. Psychology of spirituality. Monograph. Vladivostok, 2014. 474 p. (In Russ.)
15. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Theory and Methodology of Psychology: Post-Classical Perspective. Yurevich. Moscow, 2007. 528 p. (In Russ.)
16. Zinchenko V. P. Consciousness and creative act. Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.)
17. Knyazeva E. N. Creative thinking: naturalistic vision. Moscow, 2011. P. 6–26. (In Russ.)
18. Kelle V. Zh. Intellectual and spiritual principles in culture. Moscow, 2011. 218 p.

Особенности личностной сферы и уровень прогностических способностей курсантов Академии ФСИН России как факторы их адаптации

Забегалина Светлана Викторовна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова
Ульяновск, Россия. email: svetlanviktorovna@mail.ru

Кириллова Татьяна Васильевна,

доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России
Москва, Россия. e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

Рассматриваются результаты исследования личностных особенностей (акцентуации характера, экстраверсия — интроверсия, здравомыслие — интуиция, логичность/«думание» — чувствование, рассудительность/планирование — импульсивность, уровень локуса контроля), поведенческих тенденций, прогностических способностей личностей курсантов академии ФСИН. Показано, что для субъектов экстремальной деятельности существуют объективно обусловленные различия в выраженности тех или иных характеристик, в зависимости от вида деятельности (специальности), гендера, а также возраста и срока службы. Общая интернальность, кроме традиционной у субъекта экстремальной деятельности значимой корреляции с интернальностью в области достижений и в области неудач, имеет значимые связи с поведенческой тенденцией «подозрительность» (по Т. Лири) и планированием (по Дж. Кейрси). У будущих офицеров военнотружущих из тенденций «феминного» характера превалирует дружелюбие, а у будущих офицеров системы исполнения наказаний — альтруизм. Существуют гендерные различия по некоторым показателям, выявленные по критерию Манна-Уитни. У девушек они выше по тенденции «покорный — застенчивый». Непосредственно с адаптацией личности связаны прогностические способности: именно умение прогнозировать и нацеленность на «предвидение» хода развития событий, поиск нужного алгоритма действий помогают чувствовать себя более уверенно, способствуют психологическому комфорту личности и объективно ведут к большей адаптации личности.

Ключевые слова: личность; субъект учебно-профессиональной деятельности; адаптивные способности; прогностические способности; интернальность; акцентуации характера; экстраверсия; интроверсия; планирование; рассудительность; локус контроля; поведенческие тенденции.

Для цитирования: Забегалина С. В., Кириллова Т. В. Особенности личностной сферы и уровень прогностических способностей курсантов Академии ФСИН России как факторы их адаптации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 47–54.

Сущность проблемы заключается в том, что адаптация личности курсанта может быть успешной только в том случае, если особенности личности соответствуют выбранной деятельности, так как далеко не все характеристики корректируются с помощью индивидуального стиля деятельности. Развитые прогностические способности обеспечивают понимание предстоящих трудностей и причинно-следственных отношений в плане поведения, взаимоотношений с окружающими и решения проблем.

Несмотря на трудность выделения общих личностных особенностей специалистов, занятых различными видами профессиональной служебной деятельности, и невозможность описать, в частности, профпригодность вообще для всей деятельности подобного рода [1], следует отметить наличие общих характеристик. Личность специалиста, осуществляющего экстремальную деятельность (с учетом ее сложности, ответственности решений, риска для жизни и здоровья), должна обладать ответственностью, готовностью переносить трудности, иметь склонность оценивать и прогнозировать исход ситуации и собственной деятельности, адаптировать к сложным условиям обстановки. Роль нервно-психической устойчивости для адаптации в сложных условиях обстановки подчеркивалась многими специалистами, она же служит основанием отбора военнотружущих для выполнения определенных задач и способствует сохранению

личного состава [2]. Способность к прогнозированию наиболее полно освещена в трудах Л. А. Ретуш. Особенности личности в первую очередь связаны с характером, поэтому изучаются акцентуации характера посредством классификации К. Леонгарда. На основе работ К. Г. Юнга и И. Майерс-Бриггс в 1956 г. Дэвидом Кейрси разработана методика оценки темперамента, которая переведена и адаптирована Б. В. Овчинниковым, К. В. Павловым, И. М. Владимировой, Е. П. Ильиным. Опросник содержит четыре биполярные шкалы, отображающие содержание восьми психологических факторов темперамента (в рамках теоретических представлений К. Г. Юнга и его последователей). К этим факторам (шкалам) относятся: E и I (экстраверсия — интроверсия); S и N (здравомыслие — интуиция); T и F (логичность — чувствование); J и P (рассудительность — импульсивность).

Особое место при анализе личностной адаптации занимает изучение поведенческих тенденций, они влияют на межличностные отношения и прямо указывают на степень адаптивности (по Т. Лири), их выраженность варьирует у субъектов различных видов деятельности и в зависимости от гендера, что показано в работах А. А. Реана с сотрудниками. Методике Т. Лири свойствен существенный недостаток — громоздкие определения, в ней используются неоднозначно трактуемые слова, шкала имеет максимальную выраженность 16 баллов. Это обусловило создание С. В. Забегалиной модифика-

ции данной методики — психосемантического варианта под названием «Лист прилагательных», апробация которого успешно прошла на выборке более 200 человек. В исследовании используются оба варианта методики для изучения различия силы корреляционных связей между различными показателями.

Термин «интернальность», введенный Дж. Ротгером [3], выступает как важнейшее личностное свойство, обеспечивающее способность к адаптации любого субъекта, выполняющего деятельность в особых условиях, связанную с риском. Поэтому изучение и развитие интернальности выступает важной психологической задачей курсанта, готовящегося к данной деятельности, а иногда и осуществляющего таковую в ходе учебно-профессиональной подготовки. В самом широком смысле интернальность понимается как мера ответственности, которую личность возлагает на себя в ходе решения различных задач жизнедеятельности, как в бытовом, так и в профессиональном плане. Таким образом, целью исследования стало изучение особенностей личностной сферы и уровня прогностических способностей курсантов ФСИН как факторов их адаптации в учебно-профессиональной, а затем и в профессиональной деятельности.

Материалы и методы. Отобранные для изучения характеристики личности связаны с адаптивными и прогностическими способностями личности курсанта как субъекта учебно-профессиональной деятельности, обладающей качественной спецификой в силу подготовки к служебной деятельности. В исследовании приняли участие 40 курсантов академии ФСИН в возрасте от 20 до 22 лет, юноши и девушки. Методики, с помощью которых изучались свойства личности курсантов как субъектов учебно-профессиональной деятельности, были отобраны по результатам теоретико-методологического анализа и ранее проведенных исследований в рамках кандидатской диссертации одного из авторов и пилотажных исследований. Применялись методики УСК (в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткиндр) [4], опросник Дж. Кейрси, методика Т. Лири, опросник К. Леонгарда-Г. Шмишека [5] и психосемантический вариант методики Т. Лири (модификация С. В. Забегалиной).

Результаты и обсуждение. По методике УСК исследование показало, что курсанты имеют интернальный локус контроля, так как интернальность диагностируется от 23 до 44 баллов, а минимальное значение составило 26 баллов. Характеристика интернальности и статистические показатели представлены в таблице 1.

Показатели интернальности в области достижений и в области избегания неудач обычно не различаются су-

щественно, при этом первое либо чуть выше, либо равно второму. Качественно иная картина была получена в Омской академии МВД России в 2004 г. — интернальность в сфере достижений обследованных курсантов составила 87,9%, а в сфере неудач — 43,6%, что говорит об ориентированности обследованных выпускников на оценку себя как способных добиться успеха в будущем собственными силами и контролировать текущие события, при этом чуть более половины из них склонны относить неудачи на счет невезения или действий других людей [6].

Интернальность в структуре изучаемых свойств личности имеет у курсантов академии ФСИН определенные связи с другими показателями (рис. 1).

Отметим взаимосвязь субшкалы «подозрительность» по методике Т. Лири и общей интернальности — склонность к сомнению во всем, критичность, в первую очередь критичность ума, помогающие в данном случае чувствовать себя контролирующим ситуацию. Педантичность, застреваемость, возбудимость как акцентуации характера служат здесь негативную роль, так как требуется, с одной стороны, быстро переключаться, отбрасывать несущественные детали, а с другой — сохранять психологическое равновесие. Интернальность на данной выборке не коррелирует с прогностическими способностями, это мы можем объяснить преобладанием девушек. Как показали исследования на других выборках, в частности на группе студентов-спортсменов, у девушек, в отличие от молодых людей, интернальность не дает значимой корреляции со способностью к прогнозированию.

Данные по методике К. Леонгарда — Г. Шмишека, измеряющей степень выраженности акцентуаций характера, демонстрируют в целом низкую распространенность их среди курсантов ФСИН (табл. 2).

Так, тревожность и возбудимость, самые «нежелательные» акцентуации характера для личности субъекта деятельности в особых условиях, присутствуют всего у 5,0% обследованных, среднее значение (без разделения по полу) составило 6,45 и 7,73.

Приведем для сравнения средние показатели указанных акцентуаций по Д. В. Сочивко [7]: в роте охраны у мужчин и женщин они составили 4,8 и 11,1 (в совокупности показатель выше, чем в отношении курсантов), а по акцентуации возбудимости — 8,5 и 10,0 соответственно. Таким образом, акцентуации тревожности и возбудимости ниже у курсантов ФСИН, чем у испытуемых роты охраны.

Распространенными являются у курсантов академии две акцентуации — гипертимность (признаки акцентуации имеют 25,0%, выраженные — 62,5%) и демонстративность (27,5 и 20,0%), что объясняется адаптивной природой этих акцентуаций для личности субъекта дея-

Таблица 1. Статистические показатели интернальности у курсантов академии ФСИН
(Table 1. Internality indicators the of the Academy Federal service of execution of punishments cadets)

Шкалы интернальности	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Интернальность общая	26,0	40,0	32,4	3,84
Интернальность в области достижений	6,0	12,0	9,2	1,58
Интернальность в области неудач	5,0	11,0	8,5	1,83

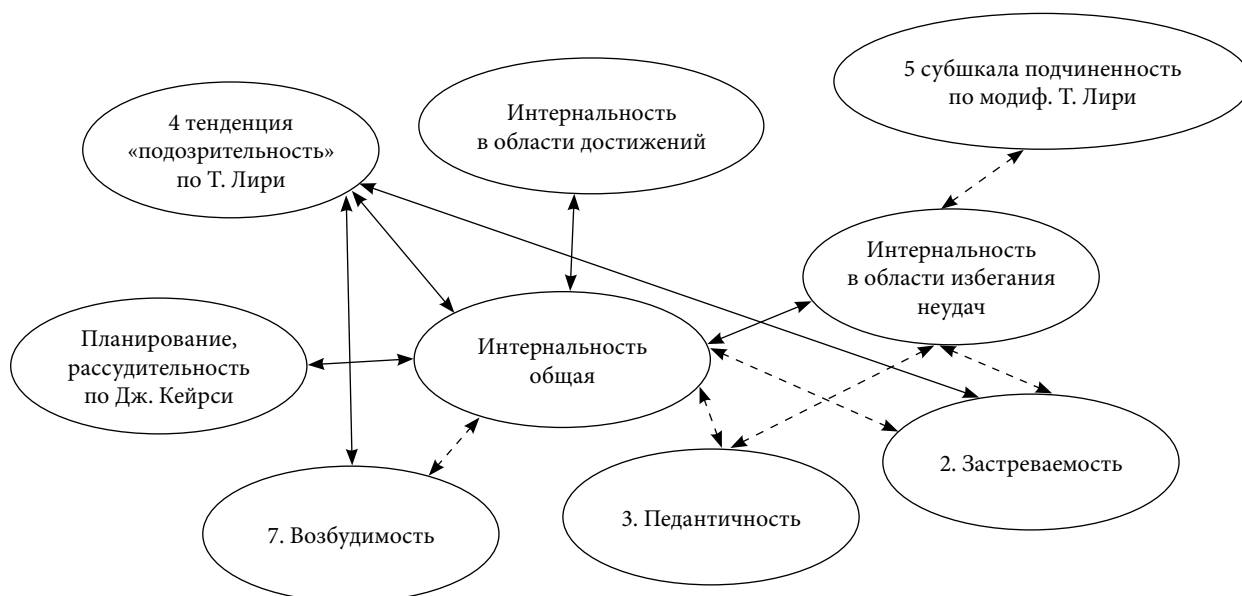

Рис. 1. Значимые корреляционные связи интернальности с другими личностными характеристиками по методикам Дж. Кейрси, Т. Лири, психосемантическому варианту методики Т. Лири (модификация С. В. Забегалиной) (Fig. 1. Significant correlations with other internality personal characteristics for tests of J. Kejrси, T. Leary, psychosemantic version of the T. Leary test (modification of S. Zabegalina))

Примечания. Здесь и в последующих рисунках приведены достоверные корреляционные связи, при $p < 0,05$ ($r = 0,32$) и $0,01$ ($r = 0,50$);
 ←————→ — положительная корреляция (Significant positive correlation);
 ←-----→ — отрицательная корреляция (Significant negative correlation).

тельности в особых условиях, как было показано ранее на исследованиях курсантов вуза [8], а также результатов исследований военных психологов. По данным двум акцентуациям показатель выше среднего по сравнению с полученным Д. В. Сочивко [7] для роты охраны. Но именно эти две акцентуации имели более высокую выраженность, чем другие акцентуации у курсантов военного училища. Следовательно, их выраженность обусловлена возрастным и (или) статусным факторами будущего субъекта экстремальной деятельности. Иногда выраженной акцентуацией оказывалась эмотивность, но в 11 из 15 случаев она характерна для девушек. В отличие от демонстративности и гипертимности, данная акцентуация может быть зависима от гендерного фактора.

Согласно результатам обследования по методике Дж. Кейрси оказалось, что экстравертов вдвое больше, чем интровертов: 24 и 12 соответственно, остальные (четверо) имеют равные показатели по указанным шкалам. Это совпало с названными ими типами темперамента.

Содержание мыслительной деятельности перед действиями в сложной ситуации, значение позитивного мышления на результативность было показано Г. Д. Бабушкиным [9]. Кроме того, существует специфика обработки информации в процессе прогнозирования развития ситуации, для чего, в зависимости от сложности задачи, полноты и точности, скорости поступления стимулов, времени, предоставляемого для ее решения, задействуются различные механизмы [10]. С механизмом анализа информации, а следовательно, со способностью прогнозировать, как было предположено перед началом исследования, связана пара Т — F, отвечающая стратегии «логичность» или «чувствование» [11]. Однако ровно 20% обследованных демонстрируют совершенно равные результаты по шкалам «логичность» и «чувствование», у них не удалось выявить преобладание какой-либо из данных стратегий познания мира. Среди остальных (80%) «думающих» и «чувствующих» оказалось равное количество, составляя по 40% от общей выборки обследованных

Таблица 2. Показатели акцентуаций характера, методика К. Леонгарда — Г. Шмишека
 (Table 2. Performance character accentuations, test K. Leonhard — H. Schmieschek)

Акцентуации	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение
1. Гипертимность	3	24	17,1	4,12
2. Застреваемость	4	20	12,8	4,20
3. Педантичность	2	20	9,7	4,93
4. Эмотивность	3	21	13,4	5,60
5. Тревожность	0	24	6,4	5,06
6. Циклотимность	0	24	12,1	4,40
7. Возбудимость	0	21	7,7	4,45
8. Дистимность	3	15	8,5	3,23
9. Демонстративность	8	20	13,5	3,99
10. Экзальтированность	6	24	13,6	5,26

курсантов. Еще имеется одна пара в методике Дж. Кейрси — противопоставление J — P (J — рассудительность; P — импульсивность). Указанные тенденции можно рассматривать как склонность планировать заранее или приспосабливаться к течению событий. Рассудительность, безусловно, более применима в условиях длительной адаптации, а импульсивность требуется там, где ситуация отличается быстрой изменчивостью. Как показал сравнительный анализ данных по уровню адаптации и «рассудительности — импульсивности», большей адаптированностью обладают субъекты с доминирующим стилем «рассудительность», так как это позволяет им более взвешенно оценить настоящее и строить будущее.

По результатам диагностики было обнаружено, что курсанты академии ФСИН предпочитают планирование, рассудительность как основную стратегию, лишь двое выказали небольшое предпочтение ориентироваться по ситуации, но разница у них составила всего 1 балл

с «неопределенным стилем» (11 баллов из 20 возможных, при этом 10 означает отсутствие предпочтения).

Рассматривая результаты диагностики по психосемантическому варианту Т. Лири, можно отметить, что по первым четырем тенденциям, традиционно связанным с маскулинными качествами личности (доминантность, независимость, прямолинейность, скептицизм), среднее значение превышает общее по выборке обследованных (куда вошли также студенты различных специальностей гражданских вузов, в том числе специальностей «Защита в чрезвычайных ситуациях», «Пожарная безопасность», УлГУ, 1 и 3 курсы) на 1–2 балла, минимальный балл еще больше отличается (по независимости разница достигает 12 баллов). По последним двум тенденциям (доброжелательность и альтруизм), напротив, средние баллы несколько ниже, чем по общей выборке. На основе данных корреляционного анализа можно построить корреляционную плеяду (рис. 2).

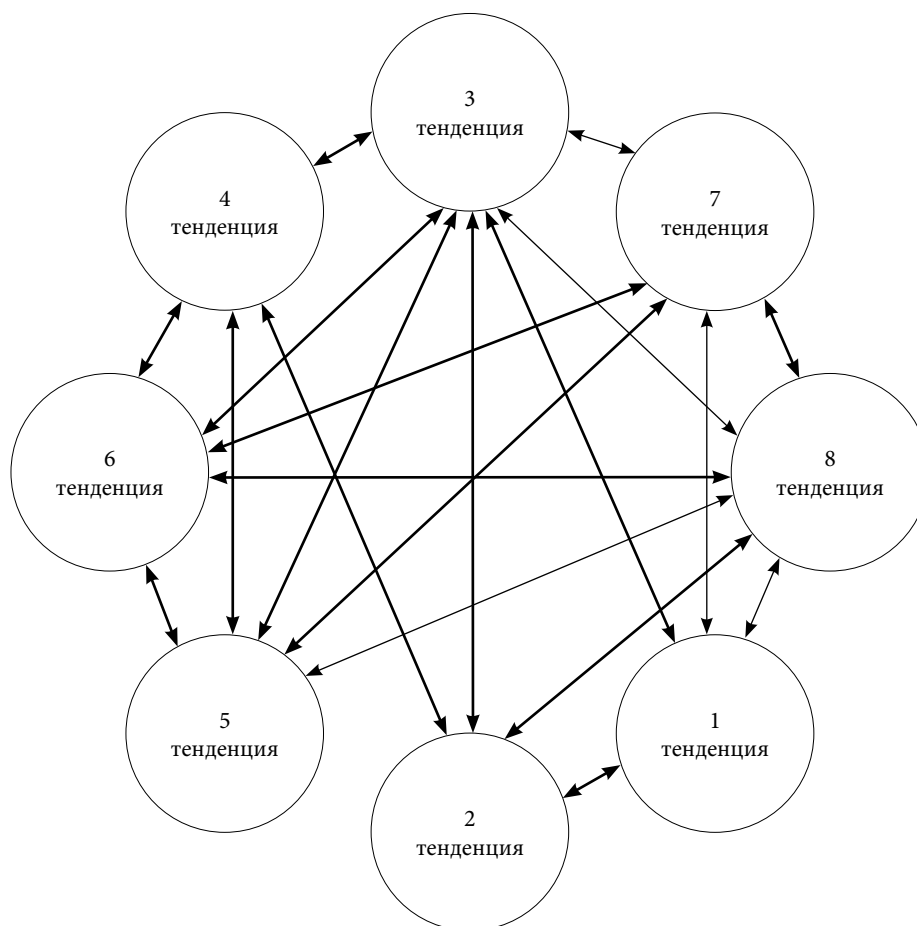

Рис. 2. Корреляционная плеяда по результатам изучения поведенческих тенденций по модификации методики Т. Лири (Fig. 2. Correlation relationships by results examination of behavioral trends on the modification of T. Leary's test)

Notes. Примечание. Тенденции (tendency):

- 1) авторитарный (властный — лидирующий) (Authoritarian (dominant — leading));
- 2) эгоистичный (независимый — доминирующий) (Selfish (independent — dominating));
- 3) агрессивный (прямолинейный — агрессивный) (Aggressive (straight — aggressive));
- 4) подозрительный (недоверчивый — скептический) (Suspicious (incredulous — skeptic));
- 5) подчиняемый (покорно-застенчивый) (Submissive (humble-shy));
- 6) зависимый (зависимый — послушный) (Dependent (dependent — obedient));
- 7) дружелюбный (сотрудничающий — конвенционный) (Friendly (collaborating — convention));
- 8) альтруистический (ответственно-великодушный) (Altruistic (responsible-generous)).

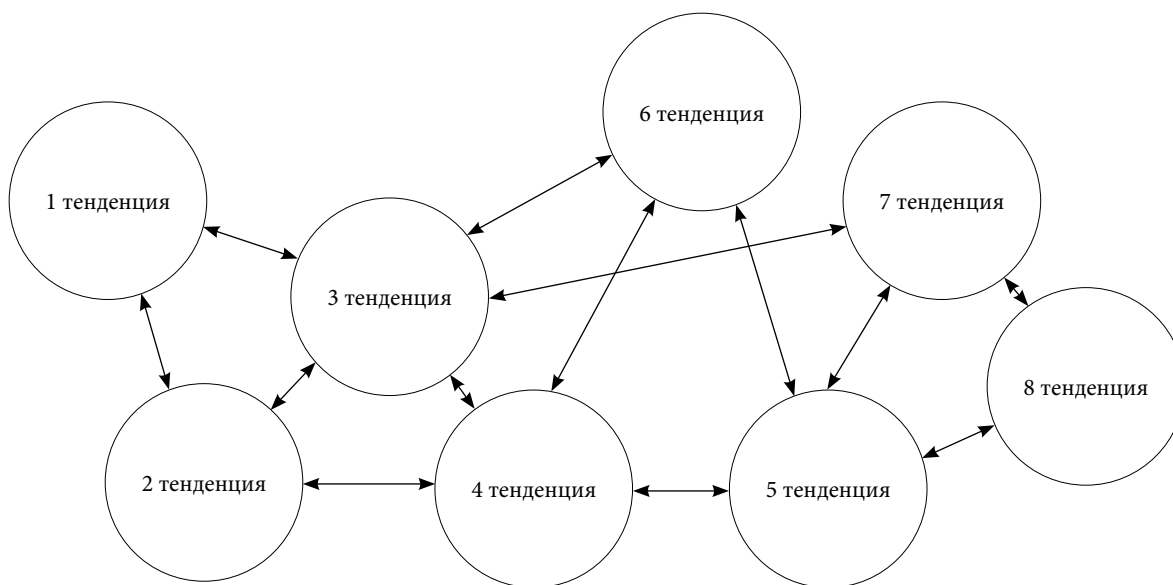

Рис. 3. Корреляционная плеяда по результатам изучения поведенческих тенденций по методике Т. Лири (Fig. 3. Correlation relationships by results examination of behavioral trends on the test T. Leary)

Наибольшее количество значимых корреляций получила третья тенденция, связанная с такими качествами личности, как прямолинейность, агрессивность (как крайний вариант выраженности).

По методике Т. Лири [12] в первую очередь выявился адаптивный вариант развития согласно нормам, указанным А. А. Реаном [13], при этом 7–8 баллов оцениваются в целом как тенденция к дезадаптивности.

По собственно методике Т. Лири корреляции между шкалами были обнаружены в меньшем количестве, однако при сравнении плеяд мы увидим, что все связи между тенденциями имеют место и в модифицированном варианте (рис. 3).

Исследование, проведенное в отношении курсантов военного вуза, выявило, что по первому, второму и седьмому октантам у будущих офицеров показатели часто выше норм, установленных методикой, при этом они оказывают скорее положительное, чем отрицательное влияние на их адаптацию к учебно-профессиональной деятельности (табл. 3).

У курсантов академии ФСИН первая и вторая поведенческие тенденции также часто более выражены, чем предусмотрено нормой: 40,0% респондентов имеют показатель от 9 до 13 по первому октанту и 25,0% по второму октанту. По третьему октанту (прямолинейность) 20,0% демонстрируют результаты выше нормы. Вызывает интерес восьмой октант (альтруизм) — 35,0% достигли высоких значений — от 9 до 13, при этом 17,5%, относясь к группе с первой степенью качества (невыраженность), имеют крайние показатели (7–8 баллов). Особенности личности при разных видах экстремальной деятельности отличаются между собой: у будущих офицеров военнослужащих из тенденций «феминного» характера превалирует дружелюбие, а у будущих офицеров системы исполнения наказаний — альтруизм. Первый октант у будущих субъектов экстремальной деятельности имеет традиционно высокие показатели.

Как выяснилось в ходе исследования, в качестве адаптивных тенденций у субъекта экстремальной деятельности выступают склонность к доминированию, независи-

Таблица 3. Выраженность поведенческих тенденций по методике Т. Лири (Table 3. Indicators of behavioral trends on the test T. Leary)

Варианты развития	Тенденции							
	1 субшкала Авторитарность	2 субшкала Эгоистичность	3 субшкала Агрессивность	4 субшкала Подозрительность	5 субшкала Подчиненность	6 субшкала Зависимость	7 субшкала Дружелюбие	8 субшкала Альтруистичность
Адаптивный вариант развития (0–8)	24	30	32	37	33	38	33	26
Из них тенденция к дезадаптации (7–8)	3	15	6	3	3	7	9	7
Дезадаптивный вариант развития (9–16)	16	10	8	3	7	2	7	14
Из них имеют крайне высокие показатели (13–16)	2	1	1	0	1	0	0	1

мость, прямолинейность, дружелюбие и альтруизм, т. е. 1–3 и 7–8 октанты. Первые три качества способствуют принятию решения в сложных условиях обстановки, противодействию вредоносным факторам и объективной оценке ситуации, а дружелюбие и альтруизм обеспечивают слаженность работы в команде, готовность прийти на помощь кому-либо в трудную минуту.

Существуют гендерные различия по некоторым показателям, выявленные по критерию Манна-Уитни. У девушек выше показатели по тенденции «покорный — застенчивый» (по модификации методики Т. Лири), причем относительно как «Я — настоящее», так и «Я — будущее», т. е. они и в будущем более склонны подчиняться. У девушек значимо выше и показатели по двум акцентуациям характера — «застреваемость» и «эмотивность», т. е. у них длительнее переживания о возникшей проблеме и склонность к большей эмоциональности, эмпатии. У юношей значимо выше показатель по шкале «думание» (по методике Дж. Кейрси).

Преобладание первых трех поведенческих тенденций («авторитарность», «эгоистичность», «агрессивность») при достаточно выраженных 7 и 8 тенденциях («дружелюбие» и «альтруизм») у юношей повторяет в определенной мере показатели, полученные в отношении курсантов-юношей военного вуза, что можно считать адаптивным вариантом развития, исходя из практического опыта. У девушек данные тенденции также в среднем имеют наибольшую выраженность, но их результаты в целом ниже, доминируют 8 («альтруизм»), 1 («авторитарность») и 2 (эгоистичность) тенденции. Таким образом, можно наблюдать различия в поведенческих тенденциях, связанных с полом, при занятии одним и тем же видом деятельности и общей подготовке к ней. Курсанты ФСИН имеют интернальный локус контроля, который в силу специфики их деятельности связан с такой поведенческой тенденцией, как «подозрительность» (4 субшкала по Т. Лири), а три акцентуации характера — педантичность, застреваемость и возбудимость (по методике К. Леонгарда — Г. Шмишека) — показали отрицательные взаимосвязи с интернальностью и относятся к личностным характеристикам, затрудняющим адаптацию курсантов как будущих субъектов экстремальной деятельности.

Непосредственно с адаптивными способностями личности связаны ее прогностические, так как именно желание и умение прогнозировать ход развития событий, выбор нужного алгоритма действий не только помогают чувствовать себя более уверенно, способствуют психологическому комфорту личности, но и объективно ведут к большей адаптации личности.

Анализируя результаты исследования по методике Л. А. Регуш «Способность к прогнозированию», нужно отметить, что более трети курсантов (35,0%) имеют высокий уровень по результатам диагностики и всего 12,5% — низкие. Для сравнения: в выборке из 118 студентов государственного классического вуза, обучавшихся на бюджетной основе, высокая способность к прогнозированию была выявлена у 26,3% респондентов (31 чел.),

низкая — у 14,4%. При другой выборке, состоящей из студентов, будущих педагогов начального и дошкольного образования, 4–5-х курсов вуза (35 человек), доля обследованных с низкими прогностическими способностями была еще большей — 22,9%, менее половины из них продемонстрировали средние результаты по данной методике (48,6%) и оставшаяся часть — высокие.

Таким образом, курсантам академии ФСИН свойственна более развитая способность к прогнозированию по сравнению со студентами гражданских вузов.

Заключение

1. Особенности личности, способствующие адаптации курсантов Академии ФСИН России, включают интернальный локус контроля (по методике УСК), гипертимную и демонстративную акцентуации характера (по методике К. Леонгарда — Г. Шмишека), авторитарность (как поведенческая тенденция по методике Т. Лири и психосемантическому варианту С. В. Забегалиной), а также планирование, рассудительность как основную стратегию при принятии решения (J — рассудительность, по Дж. Кейрси). Экстраверсия также способствует оптимальной адаптации в условиях обучения курсантов. Показатели по вышеперечисленным характеристикам, полученные на данной выборке, согласуются с выявленными на выборке таких субъектов экстремальной деятельности, как военнослужащие по контракту, что свидетельствует об определенной общности значимых их для адаптации к деятельности особенностей личности.

2. Центральным для изучения факторов адаптации стал локус контроля личности. Локус контроля личности имеет количественные и качественные характеристики — в количественном плане он варьирует от низкого (экстернальность) до высокого (интернальность), где крайние значения в любом случае будут способствовать дезадаптации личности. Экстернальность ведет к недооценке всех влияющих факторов, недостаточной подготовке к деятельности, ослаблению контроля за своим поведением и игнорированию причинно-следственных связей относительно жизненных событий. Завышенные показатели по интернальности способствуют чрезмерному субъективному чувству контроля, потребности в таком контроле и просчету относительно уровня ответственности и дисциплинированности других людей. В связи с этим локус контроля личности стал одним из часто изучаемых параметров у специалистов и будущих профессионалов в сферах, где контроль деятельности, поведения и межличностного общения оказывает важное влияние на адаптацию личности и субъекта деятельности.

3. В качестве перспективы исследования — сравнение выявленных показателей личностной сферы (а именно локуса контроля, акцентуаций характера, особенностей нейродинамики, поведенческих тенденций), а также способности к прогнозированию курсантов Академии ФСИН России с уже действующими профессионалами, а также проведение лонгитюдного исследования для выявления динамики изменений в ходе получения профессиональной подготовки. Было бы интересно сравнить

показатели личностной сферы и способности к прогнозированию с курсантами других вузов подобного типа, а также объективные показатели по вышеуказанным методикам и субъективные представления о себе.

Список литературы

1. Крук В. М., Караваев А. Ф., Виноградов М. В., Касперович Ю. Г. Актуальные проблемы психологической работы с сотрудниками ОВД и профессионального психологического отбора на службу (обзор материалов координационно-методического совета) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 80–82.
2. Секач М. Ф. Раннее выявление военнослужащих с психической неустойчивостью. Омск, 1985. 23 с.
3. Rotter J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychol. Monogr.* V. 80. № 1 (Whole № 609). P. 1–28.
4. Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткин А. М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М., 1993. 16 с.
5. Рабочая книга практического психолога: технология эффективной профессиональной деятельности : пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А. А. Бодалева, А. А. Деркача, Л. Г. Лаптева. М., 1996. 400 с.
6. Михайлова В. К., Караваев А. Ф. Оценка психологических особенностей слушателей выпускного курса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2004. № 2(22). С. 52–58.
7. Сочивко Д. В. Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 355 с.
8. Забегалина С. В. Психолого-акмеологические факторы адаптации курсантов военных вузов (на примере Ульяновского высшего военного инженерного училища связи) : дис. ... канд. психол. наук. Ульяновск, 2005. 303 с.
9. Бабушкин Г. Д. Взаимосвязь направленности мышления с результативностью предстоящей экстремальной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 49–51.
10. Забегалина С. В. Специфика обработки информации в процессе интуитивного мышления и прогнозирования // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 4. С. 123–128.
11. Myers, Isabel Briggs; McCaulley Mary H.; Quenk, Naomi L.; Hammer, Allen L. (1998). *MBTI Manual (A guide to the development and use of the Myers Briggs type indicator)* p. 131. Consulting Psychologists Press; 3rd ed edition.
12. Leary T. *Interpersonal Diagnosis of Personality : A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation.* Resource Publications, 2004. Previously published by John Wiley & Sons, 1957. 538 p.
13. Реан А. А. Психология изучения личности : учеб. пособие. СПб., 1999. 288 с.

Поступила 11.11.2017

Features of the Personal Sphere and Level of Prognostic Ability of Cadets of the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service as Factors of their Adaptation

Zabegalina Svetlana V.,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor, department of Psychology, I. N. Ulyanovsk State Pedagogical University
Ulyanovsk, Russia. e-mail: svetlanviktorn@mail.ru

Kirillova Tatyana V.,

Doctor of Pedagogical Sciences, leading researcher, federal state budgetary institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service
Moscow, Russia. e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

Abstract. This article discusses the results of the research of personal peculiarities (accentuations of character, extraversion-introversion, sound judgement-intuition, logical thinking-feeling, sound judgement/planning-impulsivity, control locus level), behavioural trends, prognostic abilities of the cadets of the Federal Penitentiary Service. It is shown that for the individuals dealing with extreme activity there are objectively determined distinctions of these or those features due to the type of activity (specialty), gender, age and tenure. Thus, the subjects dealing with extreme activity of correlation with internality in achievement field and field of failures besides the traditional internality have general internality which is closely connected with behavioural tendency "suspiciousness" (according to Leary T.) and planning (according to Keirsej D.). The primary "feminine" trait among future military officers is friendliness, as for future officers of penitentiary service, it is altruism. There are gender differences according to some indicators revealed via Mann-Whitney criterion, for example, girls have higher indicators for "humble-shy" tendency. Personal prognostic abilities are directly connected with personal adaptation as it is them and striving to forecast the events, search of the necessary algorithm which help to feel more confident, contribute to personal psychological comfort and objectively lead to greater personal adaptation.

Keywords: personality; subject of teaching and professional activities; abilities to adaptation; prognostic abilities; internality; character accentuations; extroversion; introversion; planning; judgement; locus of control; behavioural trends.

Citation: Zabegalina S. V., Kirillova T. V. Features of the Personal Sphere and Level of Prognostic Ability of Cadets of the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service as Factors of their Adaptation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 47–54.

References

1. Kruk V. M., Karavaev A. F., Vinogradov M. V., Kasperovich Yu. G. Actual problems of psychological work with law enforcement officers and professional psychological selection for service (review of coordination and methodical council materials). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(66). 2016. P. 80–82. (In Russ.)
2. Sekach M. F. Person's mental stability. *Human capital*. No. 9. (57). 2013. P. 159–166. (In Russ.)

3. Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychol. Monogr.* Vol. 80. No. 1 (Whole No. 609). 1966. P. 1–28.
  4. Bazhin E. F., Golyunkina E. A., Etkind A. M. Survey of the subjective control level. Moscow, 1993. 16p. (In Russ.)
  5. Practical psychologist workbook: an efficient professional activity technique. A handbook for professionals working with personnel. Bodalev A. A., Derkach A. A., Laptev L. G., Moscow, 1996. 400 p. (In Russ.)
  6. Mikhailova V. K., Karavaev A. F. Evaluation of psychological features of graduates. *Psychopedagogy in Law Enforcement.* No. 2(22). 2004. P. 52–58. (In Russ.)
  7. Sochivko D. V. Psychodynamics of personality in extreme conditions of live activity. Doctor of psychological sciences thesis. Moscow, 2003. 355 p. (In Russ.)
  8. Zabegalina S. V. Psycho-acmeological factors of adaptation of military universities cadets (e.g. the Ulyanovsk higher military engineering school of communication). Candidate of psychological sciences thesis. Ulyanovsk, 2005. 303 p. (In Russ.)
  9. Babushkin G. D. Correlation between thinking and efficiency of upcoming extreme activities. *Psychopedagogy in Law Enforcement.* No. 3(66). 2016 P. 49–51. (In Russ.)
  10. Zabegalina S. V. Specificity of processing information in intuitive thinking and forecasting. *Cherepovets State University Bulletin.* No. 4. 2011. P. 123–128. (In Russ.)
  11. Myers I. B. McCaulley M. H., Quenk N. L., Hammer A. L. (*MBTI Manual (A guide to the development and use of the Myers Briggs type indicator)*). 1998. P. 131.
  12. Leary T. *Interpersonal Diagnosis of Personality: A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation.* Resource Publications, 2004. 1957. 538 p.
  13. Rean A. A. *Psychology of studying personality.* St. Petersburg, 1999. 288 p. (In Russ.)
-

Оценка эффективности комплексной психокоррекционной программы подготовки осужденных к освобождению

Малетина Екатерина Александровна,

научный сотрудник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС, НИИ ФСИН России
Москва, Россия. e-mail: maletina-kat@mail.ru

Психологическая реабилитация относится к важнейшим компонентам системы ресоциализации. Примером такой работы может служить Центр социально-психологической реабилитации и подготовки к освобождению в одной из колоний УФСИН России по Липецкой области, представляющий собой отряд, в котором созданы бытовые условия для осужденных, отличающиеся от других отрядов, а также изменены периодичность, интенсивность и глубина воздействия сотрудников на осужденных, внимание фокусируется на личности осужденного и разрешение его частных проблем. Исходя из теоретических аспектов ресоциализации и проблем реабилитации осужденных, сотрудники специально разработали Комплексную психокоррекционную программу. Возможность оценить результативность Программы представилась спустя два года после открытия Центра, когда Программа была реализована и начали освобождаться первые осужденные. Исследование значимости изменений личности осужденных проводилось в два этапа, на двух группах: экспериментальной и контрольной, а также среди лиц, уже покинувших исправительное учреждение. Внешние изменения и изменения в поведенческих реакциях осужденных, прошедших курс занятий по вышеуказанной Программе, отмечают сотрудники всего учреждения, что является косвенным подтверждением успешности усвоения осужденными мероприятий психологического характера.

Ключевые слова: центр социально-психологической реабилитации осужденных и подготовки их к освобождению; комплексная психокоррекционная программа.

Для цитирования: Малетина Е. А. Оценка эффективности комплексной психокоррекционной программы подготовки осужденных к освобождению // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 55–59.

Реформирование Уголовно-исполнительной системы (далее — УИС), совершенствование законодательства, регулирующего этот процесс, приведение условий отбывания наказания в соответствии с нормами международного права требуют адекватных преобразований в организации психолого-педагогической работы с осужденными.

Важными принципами уголовно-исполнительного законодательства являются дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение средств исправления осужденных, соединение наказания с исправительным воздействием. Средства исправления и воспитания осужденных должны применяться с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденного на основе психолого-педагогических методов.

Достижение этого возможно путем создания системы ресоциализации осужденных в целях обеспечения единства требований и непрерывности воспитательного процесса на протяжении всего пребывания в исправительном учреждении.

Одним из важнейших компонентов системы ресоциализации выступает психологическая реабилитация, которая рассматривается как психологическое сопровождение перестройки личности осужденного в процессе отбывания наказания. Она включает психопрофилактику, психокоррекцию, психологическую поддержку и психотерапию в кризисных ситуациях и базируется на психологической диагностике [1].

Результатом психологической реабилитации осужденных, с одной стороны, являются осознание вины, покаяние, очищение, катарсис, а с другой — выработ-

ка социального иммунитета, толерантности личности к асоциальным воздействиям. Подобные результаты возможны, если психологическая установка осужденного на новый образ жизни подкрепляется комплексом социальных условий для ее реализации.

Примером такой работы может служить опыт психологического сопровождения осужденных в исправительной колонии строгого режима для мужчин, впервые отбывающих наказание, в УФСИН России по Липецкой области.

Для осужденных организован Центр социально-психологической реабилитации и подготовки к освобождению (далее — Центр). Он представляет собой отдельный отряд на территории исправительного учреждения, куда зачисляются лица, которым до условно-досрочного освобождения или до конца срока остается не более полутора лет. В Центре созданы бытовые условия, отличающиеся от других отрядов. Переоборудованы жилые секции отряда, в результате чего сформированы помещения комнатного типа, обеспечено проживание осужденных по 2–5 человек; наличие дополнительных помещений объясняется необходимостью процесса приобретения новых или реабилитации утерянных элементарных навыков (комната приема пищи, кухня с техническим оборудованием, прачечная и т. д.). Немаловажным аспектом является то, что осужденные, зачисленные в Центр, самостоятельно обеспечивают и поддерживают порядок в своих комнатах и в общественных помещениях отряда в целом. Весомая составляющая функционирования Центра — рабочие кабинеты (психологов, социальных работников и начальника отряда, кабинеты групповой работы, включая и сенсорную комнату).

Отряд, на базе которого создан Центр, рассчитан на 39 осужденных, за ними закреплено 5 сотрудников (два психолога, два социальных работника и начальник отряда). За счет уменьшения количественной нагрузки на сотрудников увеличивается качественный показатель их деятельности. Изменяются периодичность, интенсивность и глубина воздействия сотрудников на осужденных, фокусируется внимание на личности осужденного и разрешении его частных проблем (персонифицированный характер влияния), обеспечивается наблюдение за динамикой групповых процессов в среде осужденных, при необходимости осуществляется «деликатное» регулирование существующих тенденций.

Все это время осужденные работают — трудоустроены в учреждении, что выступает одним из условий проживания в Центре, а также занимаются по специально разработанной сотрудниками психологической службы и группы социальной защиты Комплексной психокоррекционной программе (далее — Программа). Занятия проходят в стабильных тренинговых группах каждую неделю. Исходя из теоретических аспектов ресоциализации и проблем реабилитации осужденных, в Программе выделили семь равнозначных модулей, интериоризация которых способствует повышению адаптивных возможностей личности на свободе. К задачам Программы относятся восстановление элементарных жизненных навыков у осужденных (забота об одежде, питании и жилье, умение правильно использовать зарплату и т. д.); выработка психоэмоциональной устойчивости при возникновении непрогнозируемых сложностей (например, при трудоустройстве, в профессиональной ориентации, межличностных отношениях — в семье, с родственниками, друзьями, соседями и т. д.); повышение личностной и социальной активности, обучение навыкам общения через расширение диапазона коммуникативных программ. Иными словами, осуществляется психологическая поддержка осужденных, принявших решение об изменении делинквентной стратегии поведения на законопослушный образ жизнедеятельности.

Возможность оценить результативность Комплексной психокоррекционной программы подготовки осужденных к освобождению представилась спустя два года после открытия Центра, когда Программа была реализована и начали освобождаться первые осужденные.

В организационном плане оценка эффективности деятельности Центра включает в себя два этапа: исследование значимости изменений личности осужденных, участвующих в комплексной психокоррекционной программе Центра, и мониторинг основной части осужденных, освобожденных из центра.

В рамках первого этапа проводилось исследование значимости изменений личности осужденных, участвующих в комплексной психокоррекционной программе, по объективным и субъективным показателям.

В качестве субъективных показателей выступают индивидуально-психологические изменения осужденных, которые оцениваются с использованием методов психологического тестирования и анкетирования. В связи с этим в колонии сформирована выборка испытуемых из числа осужденных, включающая в себя экспериментальную группу (далее — ЭГ) — осужденных, отбывающих наказание в Центре, и контрольную (далее — КГ) — осужденных, содержащихся вне Центра, но в тех же условиях отбывания наказания и не участвующих в комплексной психокоррекционной программе. Исследование проводилось с применением методов математической статистики. Группы уравновешены по значимым для исследования критериям.

Для исследования были использованы результаты психодиагностики ЭГ на начальном этапе прохождения каждого модуля. В качестве психодиагностического инструментария выступили методики, используемые в Центре для наблюдения динамики изменений личности после прохождения каждого модуля. Методики направлены на оценку уровня эмоциональной возбудимости, развития коммуникативного потенциала, социально-психологической адаптации, нервно-психической устойчивости, смысловых ориентаций, уровня эмпатических способностей, а также выявления начальных проявлений алкогольной зависимости и мотивов потребления спиртных напитков.

Сравнение результатов проводилось с использованием критерия-U (Манна-Уитни), который дает возможность оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно. Как показал анализ, значимых различий между экспериментальной и контрольной группами нет.

Однако необходимо отметить, что для осужденных и ЭГ, и КГ характерно наличие эмоциональной лабильности, неуравновешенности нервно-психических процессов, гиперактивности. В конфликтных ситуациях могут наблюдаться вспышки враждебности, агрессии и раздражительности.

По ряду методик у осужденных обнаруживается наличие алкогольной зависимости. В качестве мотивов потребления алкоголя осужденные указывают псевдокультурные традиции (стремятся приспособить свой личный опыт к алкогольным ценностям социальной микросреды, в которой они находятся). Необходимо отметить также преобладание традиционных мотивов потребления спиртных напитков, что обусловлено культурно-историческими ценностями. Вызывает опасение и тот факт, что осужденные, отбывающие наказание, представляют себя как сильную личность, обладающую достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями, несмотря на наличие асоциальных личностных свойств, от которых большое количество осужденных в местах лишения свободы не стремится отказываться.

Были проведены исследование значимости изменений личности осужденных Центра, прошедших комплексную психокоррекционную программу Центра, и анкетирование как в экспериментальной, так и в контрольной группах.

Результаты психодиагностического обследования, проведенного после прохождения осужденными Центра комплексной психокоррекционной программы, сравнивались с помощью Т-критерия Вилкоксона, который позволяет сопоставить показатели, измеренные в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых [2].

Итак, обратимся к показателям, отражающим значимые различия в результатах обследования до и после психокоррекционного воздействия (уровень значимости $p \leq 0,05$, $p \leq 0,001$).

Для сравнения результатов испытуемых ЭГ до и после прохождения психокоррекционной программы использовалась методика «Шкала оценки эмоциональной возбудимости» [3], являющаяся скрининговой методикой оценки уровня нейротизма и его составляющих: общей эмоциональности, робости, гнева и отсутствия контроля. В результате анализа выяснилось, что после прохождения комплексной программы у осужденных ЭГ наблюдаются значительные изменения по шкале отсутствия контроля над эмоциями. Среди данных испытуемых до прохождения Программы отсутствие контроля над эмоциями значительно выше ($p < 0,05$), чем у осужденных после ее прохождения. Следовательно, прохождение Программы Центра способствует повышению эмоциональной устойчивости, снижению эмоциональной возбудимости и умению контролировать свои эмоции в жизненно важных ситуациях.

Второй методикой, использованной в исследовании, выступает Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» [4]. Данная методика направлена на изучение нервно-психической устойчивости, морально-нравственной нормативности, коммуникативного потенциала и личностного потенциала социально-психологической адаптации. Результаты сравнения двух исследований показывают, что значимые изменения у осужденных произошли по шкале нервно-психической устойчивости. Это означает, что в результате прохождения занятий Программы осужденные учатся поведенческой регуляции, адекватному восприятию действительности и своей самооценки.

Большая часть значимых изменений произошла по методике «Мотивы потребления алкоголя» [5]. У осужденных значительно снизились показатели по следующим мотивам потребления алкоголя: традиционные, субмиссивные, псевдокультурные, гедонистические, стимулирующие, похмельные, аддиктивные, мотивы самоповреждения. Значимые изменения выявлены и по шкале общей алкогольной зависимости. Обратимся к тому факту, что у преобладающего количества испытуемых не произошло снижения по показателям общей алкогольной зависимости, что,

вероятнее всего, обусловлено социальной ситуацией жизнедеятельности испытуемых. И на первом, и на втором этапах они находятся в исправительной колонии, где потребление алкоголя не только зависит от их желания и (или) возможностей, но и контролируется извне.

В анкете было разработано два блока: первый содержит вопросы, касающиеся социально-демографических данных; второй составлен на основе занятий, включенных в психокоррекционную программу Центра. Ниже представлены результаты проведения анкетирования ЭГ и КГ.

Средний возраст осужденных ЭГ распределился следующим образом: до 25 лет — 27%; от 26 до 40 лет — 43%; от 40 до 50 лет — 24%; старше 50 лет — 6% осужденных. В КГ большая часть испытуемых в возрасте от 30 до 40 лет — 47%; от 26 до 30 лет — 28%; менее 25 лет — 16%; от 40 до 50 лет — 9%.

38% осужденных ЭГ и 25% КГ имеют свои семьи, разведенных 25 и 31% соответственно, одинаковое количество осужденных ЭГ и КГ состоят в гражданском браке — по 19%, холостых в ЭГ — 19%, а в КГ — 13%.

Большинство осужденных ЭГ (50%) и КГ (69%) имеют среднее специальное образование.

Уголовно-правовая характеристика: основными преступлениями, за совершение которых заключены отбывают наказание, как в ЭГ, так и в КГ являются преступления против жизни и здоровья — 63% (ЭГ) и 75% (КГ); в том числе и за убийство — 38 и 56% соответственно.

На вопрос «Стали ли Вы больше доверять окружающим людям в последнее время?» 25% осужденных ЭГ ответили положительно, тогда как в КГ такой ответ встречается всего лишь у 12% осужденных.

На вопрос о возможности поговорить о своей личной жизни с другими людьми 25% осужденных ЭГ и 6% КГ ответили положительно. В общении с окружающими испытуемые обеих групп чаще стараются идти на компромисс — 56% в ЭГ и 50% в КГ.

На вопрос «Легко ли Вы находите общий язык с незнакомым человеком?» утвердительные ответы дали 44% осужденных ЭГ и 25% КГ.

Результаты анкетирования показали, что если у кого-то плохо на душе, то преобладающее число осужденных ЭГ (63%) предложат свою помощь, тогда как среди испытуемых КГ — только 43%.

Необходимо отметить также, что подавляющее большинство респондентов в ЭГ (88%) утверждают, что им будет легко отказаться от выпивки в компании старых друзей. Несколько ниже данный показатель в КГ (56%). По мнению испытуемых ЭГ, злоупотребление алкоголем может привести к тому, что человек станет наркоманом или алкоголиком, а участники КГ придерживаются позиции, что это приводит к совершению преступлений. В обеих группах на вопрос «Легко ли потерять близких тому, кто злоупотребляет алкоголем?» преобладает ответ «Легко»: ЭГ — 63%, КГ — 69%.

Осужденные ЭГ, как правило, с неудачами справляются самостоятельно (50%), а 44% считают, что без неудач нельзя добиться цели. Среди испытуемых КГ ответы распределились практически одинаково — в среднем по 30%.

Опрашиваемые ЭГ свое будущее представляют довольно ясным (88%), а таких, которые полагают, что еще рано об этом думать, нет. В КГ следующие результаты: 56% ясно представляют свое будущее и 25% респондентов не думают о своем будущем.

На вопрос «Что бы Вы хотели изменить в своей жизни?» ответ «День, когда совершили преступление» выбрали 69% осужденных ЭГ и 31% КГ.

Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к культурным особенностям других народов?» распределились следующим образом: «С уважением» — 75%, «Никак не отношусь» — 25% в ЭГ; 62 и 18% в КГ соответственно.

Более половины испытуемых обеих групп признают, что обладают необходимыми навыками обслуживания себя в быту.

В рамках второго этапа оценки эффективности деятельности Центра проводился мониторинг основной части осужденных, освобожденных из Центра.

На момент проведения второго этапа исследования из Центра условно-досрочно освободились 18 человек. Особое внимание следует обратить на характер взаимоотношений с близкими родственниками — 100% респондентов вернулись после освобождения в семьи и назвали взаимоотношения уважительными.

Кроме того, участники анкетирования указали, что трудоустроены. Варианты ответов на вопрос «Как Вы нашли данное место работы?» распределились практически поровну. Около 20% респондентов устроились через центр занятости, 35 — по объявлению, 3 — через знакомых и 7% вернулись на свои прежние места. Исследование свидетельствует о том, что у респондентов были сформированы определенные социальные навыки, что и позволило им достичь таких результатов.

Далее обратимся к анализу наиболее значимых трудностей, с которыми респонденты столкнулись после освобождения. Так, подавляющее число участников исследования испытали трудности при поиске работы. Проблема места жительства возникла у 28% опрошенных.

У опрошенных возникли трудности также с социальным обеспечением (5%). Сложности с поиском места работы также могли быть обусловлены не только уровнем развития социальной компетентности, коммуникативных навыков и другими личностными особенностями, но и социально-демографическими характеристиками. Показатели трудоустроенности (100%) респондентов свидетельствуют об успешности проведения психологического сопровождения в данном направлении.

В конфликтных ситуациях 72% респондентов стараются разобраться в причинах возникновения конфликта, а 28% предпочитают молча уйти. Вариант ответа «Отстаиваю свою точку зрения, вплоть до применения силы» не выбрал ни один опрошенный.

Внешние изменения и изменения в поведенческих реакциях у осужденных, прошедших курс занятий по Программе, отмечают многие сотрудники учреждения, что является косвенным подтверждением успешности усвоения осужденными мероприятий психологического характера.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют об успешной реализации Комплексной психокоррекционной программы подготовки осужденных к освобождению и эффективности Центра социально-психологической реабилитации и подготовки к освобождению.

Список литературы

1. Цветкова Н. А., Колесникова Н. Е. Социально-психологический подход к ресоциализации осужденных-мужчин: теория и технология индивидуально-групповой работы. Псков, 2011. 251 с.
2. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии: учеб. пособие. СПб., 2007. 350 с.
3. Рукавишников А. А., Соколова М. В. Шкала эмоциональной возбудимости. Ярославль, 1996. 12 с.
4. Маклакова А. Г., Чермянина С. В. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара, 2006. 680 с.
5. Завьялов В. Ю. Смысл нерукотворный: методология диалитической терапии и консультирования. Новосибирск, 2007. 286 с.

Поступила 05.07.2017

Estimate of Effectiveness of Complex Psycho-Correction Programme of Convicts' Support before Release

Maletina Ekaterina A.,

Research Worker at the Research Centre of Problems of Criminal Penalty and Psychological Maintenance of Professional Performance of Officers of Penitentiary system, Science Research Institute of the Russian Federal Penitentiary Service
Moscow, Russia. e-mail: maletina-kat@mail.ru

Abstract. One of the most crucial components of the system of resocialization is psychological rehabilitation. The example of such work is the established Centre of social and psychological rehabilitation and support of convicts before release from one of the colonies of the Russian Federal Penitentiary Service in the Lipetsk region. There is a unit where they created household conditions for convicts different from other units and changed frequency, intensity and level of the officers' influence on the convicts, where the convict's personality and his private problems are in the focus. Due to the theoretical aspects of resocialization and problems of convicts' rehabilitation the officers developed a Complex psycho-correction programme. The opportunity to estimate the efficiency of the Programme appeared two years after opening the Centre when the Programme had been implemented and the first convicts had been released. The study of significance of changes of convict's personality included two stages and was carried out with two groups — experimental and control – and with those who had already left the penitentiary facility. It is necessary to note that external changes and changes in behaviour of the convicts who have been trained according to the Programme are witnessed by all the personnel at the penitentiary facility, which indirectly proves the convicts' successful comprehension of psychological training.

Keywords: centre of social and psychological rehabilitation and support of convicts before release; complex psycho-correction programme.

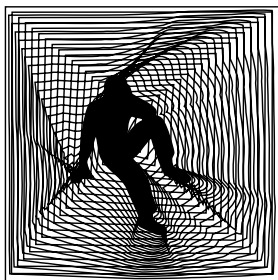

Citation: Maletina E. A. Estimate of Effectiveness of Complex Psycho-Correction Programme of Convicts' Support before Release. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 55–59.

References

1. Tsvetkova N. A., Kolesnikova N. E. Socio-psychological approach to the reintegration of the male convicts: theory and technology of individual-group work. Pskov, 2011. 251 p. (In Russ.)
2. Sidorenko E. V. Mathematical processing methods in psychology. St. Petersburg, 2007. 350 p. (In Russ.)
3. Rukavishnikov A. A., Sokolova M. V. Scale of emotional excitability. Yaroslavl, 1996. 12 p. (In Russ.)
4. Maklakova A. G., Chermianina S. V. Multilevel personality questionnaire «Adaptability». *Practical psychodiagnostics*. Methods and tests. Samara, 2006. 680 p. (In Russ.)
5. Zavyalov B. Yu. Meaning miraculous: methodology of dianalytical therapy and counseling. Novosibirsk, 2007. 286 p. (In Russ.)

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Theory and methods of professional education

УДК 377/378 © Н. И. Иоголевич, В. А. Иоголевич, С. И. Иванова, 2018

Развитие системы оценки профессиональных компетенций сотрудников правоохранительных органов

Иоголевич Наталья Ивановна,

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук
и технологий Тюменского индустриального университета
Тюмень, Россия. e-mail: mirnnat@list.ru

Иоголевич Владимир Александрович,

кандидат технических наук, доцент, начальник Тюменского
института повышения квалификации сотрудников МВД России,
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Тюмень, Россия. e-mail: tipkmvd@rambler.ru

Иванова Светлана Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административной
деятельности органов внутренних дел Тюменского института
повышения квалификации сотрудников МВД России
Тюмень, Россия. e-mail: Ivanova-svetaa@mail.ru

Модернизация системы профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел (ОВД) связана с переходом на новую образовательную парадигму, а именно — компетентностный подход. В современных условиях профессиональное выполнение служебных обязанностей предполагает наличие у полицейского сформированных компетенций, перечень и содержание которых представлены в соответствующих нормативных документах, касающихся профессиональной подготовки кадров ОВД. Одной из серьезных проблем реализации компетентностного подхода является отсутствие разработанных процедур диагностики и контроля результатов обучения и, как следствие, нормативно закреплённой системы оценки компетенций. В современном образовании для оценки сформированности компетенций используют комплексные полидисциплинарные контрольные задания, имитирующие элементы профессиональной деятельности, «компетентностную аттестацию студента», рейтинговую систему оценки уровня освоения дисциплин, метод взвешенных оценок. Однако в условиях краткосрочного обучения в силу ряда причин они не всегда могут быть применимы. Поэтому в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России используются практико-ориентированные (активные) методы обучения, которые одновременно могут выступать и как методы оценки сформированных компетенций.

Ключевые слова: подготовка кадров; органы внутренних дел; компетенции;
оценка профессиональных компетенций; олимпиада.

Для цитирования: Иоголевич Н. И., Иоголевич В. А., Иванова С. И. Развитие системы оценки профессиональных компетенций сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 60–67.

Реформа отечественного образования, осуществляемая в настоящее время, явилась основой для модернизации системы профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел (далее — ОВД), ее совершенствования и приведения в соответствие с «социальным заказом» — подготовкой квалифицированных сотрудников, понимающих суть своей деятельности и осознающих ее смысл, готовых действовать в нестандартных ситуациях,

нести ответственность за принятые решения и осуществляемые действия, ориентированных на саморазвитие, самообразование. Переход от традиционного к компетентностному подходу, принятому в качестве одного из оснований обновления российского образования, позволяет осуществить подготовку таких работников.

На нормативно-правовом¹ и формально-методическом уровнях² обозначены стратегические цели и задачи в

¹ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ ; О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/4952/файл/3922/>

области профессионального обучения (подготовки) сотрудников ОВД. Профессиональная деятельность сотрудников полиции жестко регламентирована законодательством Российской Федерации³, поэтому ее осуществление требует наличия у полицейского сформированных компетенций, предполагающих не только профессиональные знания, умения и навыки, но и определенный уровень развития профессионально значимых личностных качеств, необходимых для выполнения служебных обязанностей [1, с. 331–332; 2; 3, с. 174–176; 4, с. 50–54].

В настоящее время компетентностный подход в образовании, основанный на ключевых компетенциях, становится преобладающим и в системе профессионального образования (подготовки) сотрудников полиции [5–9]. Профессиональная подготовка полицейских является предметом исследования и зарубежных ученых [10–15].

Несмотря на огромное внимание к реализации компетентностного подхода в системе российского образования, многие вопросы остаются дискуссионными, один из ключевых — неоднозначность трактовки в научной и психолого-педагогической литературе базовых понятий «компетенция» и «компетентность» и их соотношения. Как было отмечено ранее, данные понятия, хотя и связаны между собой, являются самостоятельными [16, с. 133–134; 17, с. 28–30; 7; 18, с. 76–79].

Проведенный анализ подходов к определению понятий «компетенция» и «компетентность» позволяет сделать вывод, что компетенции представляют собой социальную модель желаемого результата профессиональной подготовки обучающегося и отражают требования к знаниям, умениям, навыкам, способностям, личностным качествам работника, выполняющего определенную деятельность. Понятие «компетентность» подразумевает характеристику субъекта деятельности, благодаря которой он организует свои и прочие ресурсы по преобразованию ситуаций для достижения поставленных целей. Именно такого подхода к содержанию данных понятий мы будем придерживаться в настоящей работе.

В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность», а также в Федеральном государственном образовательном

стандарте среднего профессионального образования (ФГОС СПО) по специальности «Правоохранительная деятельность»⁴ требования к результатам освоения программы представлены в виде перечня компетенций, которые должны быть сформированы у выпускника.

Кроме того, согласно п. 4 ст. 18 Федерального закона «О полиции» (далее — Закон о полиции), поступая на службу в органы внутренних дел, будущие сотрудники должны пройти профессиональную подготовку, на которой у них также должны быть сформированы компетенции, необходимые для выполнения служебных обязанностей. В настоящее время совокупность требований (перечень сформированных компетенций) к результатам освоения основной профессиональной образовательной программы по профессии начального профессионального образования «Полицейский» представлена в проекте ФГОС начального профессионального образования профессии «Полицейский», подготовленном авторским коллективом Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя и размещенном на сайте Минобрнауки России для общественного обсуждения⁵. В Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России в 2016 г. также были подготовлены три примерные программы профессиональной подготовки (лиц рядового и младшего начальствующего состава и лиц среднего и старшего начальствующих составов; впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский») [19, с. 110–114; 20, с. 179–183].

Одной из серьезных проблем реализации компетентностного подхода является отсутствие разработанных процедур диагностики и контроля результатов обучения и, как следствие, нормативно закреплённой системы оценки компетенций [21, с. 180; 22, с. 143]. В рамках данного подхода и представленного нами понимания требований к результатам обучения необходимо оценивать не столько знания, умения и навыки обучающихся (которые, несомненно, важны), сколько уровень сформированных у них компетенций, подразумевающих способность и готовность эффективно решать профессиональные задачи в разных, постоянно меняющихся условиях и ситуациях, что обеспечивается за счет сформированных у обучающегося интегративных, в том числе личностных, качеств.

PRAVITEL'STVO_ROSSIJSKOI_FEDERACII_FCPRO.doc (дата обращения: 25.07.2017) ; *Об утверждении* Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 марта 2015 г. № 385. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ ; *О службе* в органах внутренних дел Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; и др.

⁴ *Об утверждении* федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета) : приказ Минобрнауки России от 19 декабря 2016 г. № 1614 ; *Об утверждении* федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета) : приказ Минобрнауки России от 16 ноября 2016 г. № 1424 ; *Об утверждении* федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность : приказ Минобрнауки России от 12 мая 2014 г. № 509. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ *Проект ФГОС начального профессионального образования профессии «Полицейский»*. URL: http://минобрнауки.рф/документы/3082/файл/1784/13.02.19-Проект_ФГОС_НПО-02-Полицейский.pdf (дата обращения: 25.07.2017).

Цель данной статьи — раскрыть возможности олимпиады и конкурса профессионального мастерства в качестве одного из действенных методов оценки уровня сформированных профессиональных компетенций слушателей, обучающихся по программам профессиональной подготовки: лиц рядового и младшего начальствующего состава и лиц среднего и старшего начальствующего составов, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский».

Несмотря на то что традиционные формы оценки (текущий контроль: тесты, контрольные работы, практика и др.; промежуточный контроль: экзамены (зачеты) в устной, письменной, тестовой форме; итоговый контроль: итоговая аттестация) в основном ориентированы на диагностику знаний, реже умений и навыков и практически не выявляют уровень сформированности компетенций обучающихся, эти средства оценки используются чаще всего и в настоящее время. Кроме того, уровень сформированности компетенций оценивается, как правило, при прохождении отдельных дисциплин. Однако формирование той или иной компетенции рассредоточено по нескольким дисциплинам (модулям, разделам, темам), которые могут участвовать в формировании нескольких компетенций [23, с. 76]. В соответствии с этим происходит педагогический поиск и апробирование системы, которая позволяла бы оценивать уровень формируемых у обучающихся компетенций с учетом предъявляемых к ним требований.

В современном образовании для оценки сформированности компетенций используют два подхода. Первый предусматривает разработку и использование комплексных полидисциплинарных контрольных заданий, имитирующих элементы профессиональной деятельности [24, с. 106–112; 25, с. 13–18]. Второй предполагает замену традиционных сессий «компетентностной аттестацией студента» [26, с. 11–18]. На наш взгляд, оба подхода не являются взаимоисключающими и могут применяться параллельно. Если первый, как отмечают Е. Н. Малышев и Н. В. Васильев, целесообразен на завершающих этапах обучения и при аккредитационных мероприятиях, то второй — на протяжении всего его срока, учитывая вклад практически каждой отдельной дисциплины [23, с. 75]. Кроме того, многие образовательные организации используют рейтинговую систему оценки уровня освоения дисциплин [27, с. 43; 28, с. 305–306] либо метод взвешенных оценок [29, с. 98–104].

Не вдаваясь в дискуссию об эффективности данных методов оценки компетенций, следует отметить, что в условиях краткосрочного обучения (профессиональная подготовка, повышение квалификации, переподготовка) они менее эффективны, поскольку предполагают определенный период обучения, в течение которого обучающиеся выполняют контрольные мероприятия внутри отдельной дисциплины. Наряду с этим программы профессионального обучения по профессии «Полицейский» нацелены на формирование компетенций, которые содержат идентичный набор базовых общепрофессиональ-

ных знаний, умений, навыков, необходимых для самостоятельной служебной деятельности в рамках основных направлений, установленных Законом о полиции. Отсутствие таких компетенций у будущих сотрудников полиции может привести как к нарушению законных прав и свобод человека и гражданина, так и к негативным последствиям для самих сотрудников, которым может быть, например, причинен вред жизни или здоровью.

Именно поэтому в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России используются практико-ориентированные (активные) методы обучения, которые одновременно могут выступать и как методы оценки сформированных компетенций. Это отрабатывается в ходе дополнительно проводимых предметных олимпиад и конкурсов профессионального мастерства. Учитывая ограничения объема статьи, рассмотрим в качестве примера проведение олимпиады как метода оценки сформированных компетенций. Так, в марте 2017 г. в институте прошла олимпиада среди слушателей профессиональной подготовки, включающая два тура. Цель проведения олимпиады — оценить уровень сформированности профессиональных компетенций сотрудников полиции. Диагностика осуществлялась посредством оценки решения конкретных практических ситуаций, которые, с одной стороны, требуют знания Закона о полиции, а с другой — возникают в служебной деятельности сотрудников полиции. Участниками олимпиады стали слушатели всех категорий проходивших профессиональное обучение в данный период в институте (от сотрудников патрульно-постовой службы полиции до следователей), поскольку теоретический и практический этапы олимпиады при формировании вопросов и заданий были ориентированы на раздел программы «Введение в профессию», который имеется в каждой программе профессиональной подготовки. В первом туре приняли участие 88 слушателей, 28 из них (31,8%) были допущены к следующему этапу, что свидетельствует об их активности и желании участвовать в проверке своих профессиональных компетенций, а следовательно, и ориентации обучающихся на саморазвитие и самообразование.

Первый этап олимпиады был теоретическим и заключался в оценке уровня остаточных знаний у конкурсантов по основным положениям Закона о полиции. Как уже было отмечено, знания являются базой для формирования не только умений и навыков, но и способностей, составляющих компетенции. Первый тур проходил в форме тестирования. Вопросы были закрытого типа с единственным верным ответом. Для обеспечения равных возможностей участников олимпиады тест был создан на базе данных системы дистанционных образовательных технологий «STELLUS» и содержал 15 вопросов, на которые отводилось 20 минут с одной попыткой его сдачи. Тесты не включали заданий, требующих длительного обдумывания и применения дополнительных источников. По результатам тестирования система определяла, на сколько процентов оно выполнено. Во второй тур проходили участники, набравшие не менее 80% правильных ответов.

Первый этап позволил выявить слушателей, имеющих слабо сформированные компетенции:

— способность выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормативными правовыми основами деятельности органов внутренних дел, нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета (ОК-6);

— способность правомерно применять отдельные меры государственного принуждения, физическую силу, специальные средства, специальную технику, огнестрельное оружие, а также обладать навыками умелого и безопасного обращения с оружием (ПК-4);

— способность выполнять должностные обязанности по обеспечению законности и правопорядка (ПСК-1).

Второй этап олимпиады — практический. Он представлял собой индивидуальное выполнение ситуационных заданий, в ходе которых участникам олимпиады необходимо было:

— дать правовую оценку предложенных ситуаций;

— разработать алгоритм действий сотрудников полиции со ссылкой на нормы Закона о полиции;

— составить служебный документ — рапорт, оформление которого при выявлении и пресечении правонарушений выступает обязанностью сотрудников полиции согласно указанному федеральному закону.

Все задания олимпиады были унифицированы и преследовали основную цель — понимание сущности и социальной значимости избранной профессии по должности служащего «Полицейский» и проявление к ней устойчивого интереса, а также выработку единых навыков по обеспечению основных направлений деятельности полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Все участники олимпиады находились в равном положении — выполняли одни и те же задания за единый промежуток времени. При подготовке ответов на задания второго этапа конкурсанты не были ограничены в пользовании литературой.

Две предложенные конкурсантам ситуационные задачи были связаны с принятием обучающимися решений при выявлении, пресечении административных правонарушений и преступлений. С первой задачей, направленной на применение главы 5 Закона о полиции, фактически справились все конкурсанты, вторая задача вызвала определенные трудности. Для анализа была предложена следующая ситуация.

Нарядом ППСП в составе прапорщика Михайлова и старшего сержанта Григорьева у ресторана «Максимилианс» обращено внимание на двух неизвестных, которые наносили друг другу удары. Один из участников драки применил против другого баллончик с газом.

Увидев сотрудников полиции, неизвестные побежали в разные стороны. Михайлов стал преследовать того, у которого в руке находился баллончик, а Григорьев побежал за другим участником драки.

Неизвестный, которого пытался задержать Михайлов, скрылся в кустах. Михайлов, догнав, ухватился за его куртку, однако преследуемый ударил полицейского кулаком в грудь, а также применил слезоточивый газ. Михайлов извлек пистолет из кобуры, дослал патрон

в патронник и потребовал от задерживаемого, чтобы он стоял на месте. Однако тот повторно бросился на Михайлова, пытаясь вырвать у него из рук пистолет.

Михайлов сделал два предупредительных выстрела, после которых нападавший вновь стал скрываться. Спускаясь по лестнице, ведущей на пристань, Михайлов поскользнулся и упал на спину. Заметив это, преследуемый бросился на сотрудника, пытаясь вырвать из его рук пистолет. При этом он нанес Михайлову удар ногой в живот.

Видя, что нападение не прекращается, Михайлов применил оружие по нападавшему, причинив ему огнестрельное ранение, от которого тот скончался до прибытия скорой помощи.

Конкурсантам необходимо было дать оценку нескольким фактам, изложенным в задаче: 1) нанесение взаимных побоев (драка) как первопричина задержания правонарушителей; 2) непосредственно процесс задержания правонарушителей; 3) пресечение попытки завладения табельным оружием.

Оценка решений этого конкурсного задания показала, что:

— многие конкурсанты сосредоточили внимание только на последних действиях сотрудника полиции, направленных на исключение факта завладения табельным оружием. Факт же использования оружия, когда оно было обнажено и приготовлено к применению (при оказании сопротивления сотруднику полиции и применении слезоточивого газа), многими конкурсантами проанализирован не был. Соответственно, правомерность применения оружия оценивалась ими с точки зрения ст. 24 Закона о полиции, что позволило в целом оценить применение оружия как правомерное;

— факт нарушения порядка применения оружия сотрудником полиции, предусмотренного ст. 19 Закона о полиции, большинством участников второго этапа конкурса был оставлен без внимания. Сотрудник полиции перед применением физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия обязан сообщить лицам, в отношении которых предполагается применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, о том, что он является сотрудником полиции, предупредить их о своем намерении и предоставить им возможность и время для выполнения своих законных требований. Исключением из правил являются случаи, когда промедление в их применении создает непосредственную угрозу жизни и здоровью гражданина или сотрудника полиции либо может повлечь иные тяжкие последствия. Угрозы жизни и здоровью сотрудника полиции в данном случае не было, поскольку в отношении его применено насилие, не опасное для жизни и здоровья. Дальнейшие действия правонарушителя, возможно, были спровоцированы самим сотрудником полиции, который сразу привел в готовность табельное оружие. Сотрудник полиции имеет право обнажить огнестрельное оружие и привести его в готовность, если в создавшейся обстановке могут возникнуть основания для его применения, предусмотренные ст. 23 Закона о полиции,

но в данном случае таковых не имелось. Конечно, никто не оспаривает тот факт, что в дальнейшем сотрудник имел право защищать свою жизнь и пресечь попытку завладения оружием. Правовые основания для его применения содержатся в ч. 3 ст. 18 Закона о полиции. Следует отметить, что именно оценка решения этого задания в большей степени позволила определить победителей олимпиады, поскольку оно затрагивало проверку сразу всех оцениваемых компетенций.

На втором этапе, помимо указанных для первой ситуации, оценивались следующие компетенции:

— способность анализировать правоотношения, являющиеся объектами профессиональной деятельности, юридически правильно квалифицировать факты, события и обстоятельства, принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом, реализовывать нормы уголовного, гражданского, трудового, административного, уголовно-процессуального права, административного процесса в профессиональной деятельности, составлять процессуальные и служебные документы (ПК-2);

— способность реализовывать мероприятия по получению юридически значимой информации, проверять, анализировать, оценивать ее и использовать в интересах предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений (ПСК-2).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Сотрудники полиции в своей повседневной деятельности часто сталкиваются с ситуациями, носящими неопределенный, противоречивый либо экстремальный характер. В условиях недостатка информации и ограниченного времени им требуется найти и принять законное правильное решение. К полицейским сегодня все чаще предъявляются требования «универсального» сотрудника, умеющего принимать решения быстро и правильно, вне зависимости от непосредственного должностного регламента, по любому из основных направлений деятельности полиции, закрепленных в ст. 2 Закона о полиции. Для этого сотрудник органов внутренних дел независимо от занимаемой должности должен обладать сформированными общекультурными и профессиональными компетенциями, необходимыми для реализации предназначения полиции для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности, как это определено в ст. 1 Закона о полиции.

2. Смена образовательной парадигмы в системе подготовки кадров МВД России связана с реализацией компетентностного подхода. Новой нормой качества образования, определяющей цели обучения, является перечень компетенций, которые должны быть сформированы у слушателей, как проходящих обучение по программе профессионального обучения по профессии «Полицейский», так и осуществляющих краткосрочное

обучение (профессиональную подготовку, повышение квалификации, переподготовку).

3. Переориентация на формирование и развитие компетенций у обучающихся должна сопровождаться разработкой современных методов оценки и контроля уровня сформированности общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций слушателей в результате освоения образовательной программы, а также их нормативным закреплением.

4. Требованиям компетентностного подхода соответствуют такие оценочные средства, как предметная олимпиада и конкурс профессионального мастерства. Будучи одновременно активными формами обучения, они не только позволяют оценить компетенции, но и стимулируют интерес слушателей к избранной профессии полицейского, дают им возможность видеть результаты обучения в рамках профессиональной подготовки, побуждают к творческому использованию полученных знаний при решении ситуационных заданий. Кроме того, позволяют выявить сильные и слабые стороны подготовки полицейских, в том числе и в части базовых знаний Закона о полиции.

5. Для дальнейшего развития системы подготовки кадров для органов внутренних дел необходимо стимулировать проведение научных разработок для совершенствования профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, прежде всего с использованием таких методов, как олимпиада и конкурс профессионального мастерства.

Список литературы

1. Кузнецов А. И., Литвин Д. В. Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел по профессии «Полицейский»: от подготовки к образованию // Общество и право. 2015. № 1(51). С. 331–336.
2. Калинин С. В. Технология формирования профессиональных компетенций сотрудников полиции МВД России: на примере специальности «Правоохранительная деятельность»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2015. 22 с.
3. Иванова С. И., Боуш К. С. К вопросу о компетентностном подходе в системе профессионального образования сотрудников органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 1(6). С. 174–180.
4. Волков А. Н., Кузнецов С. В. Первоначальное профессиональное обучение сотрудников ОВД в системе образовательных учреждений МВД России // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 50–54.
5. Калинин С. В. Особенности организации мониторинга профессиональных компетенций сотрудников полиции МВД России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-2 (67). С. 200–203.
6. Заречнев Д. О., Калинин С. В. Особенности формирования личностно-профессиональной готовности будущих сотрудников полиции к правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 12-2. С. 107–109.
7. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., Рожков А. А. Применение компетентностного подхода при подготовке профес-

сиональных кадров // Современные образовательные технологии в подготовке специалистов правоохранительных органов : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 176–183.

8. *Кунавцев Т. С.* Компетентностная модель сотрудников МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2013. № 11(105). С. 85–90.

9. *Кудин В. А.* Совершенствование подготовки полицейских кадров в Санкт-Петербургском университете МВД России на основе использования в учебном процессе инновационных образовательных технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. Т. 58, № 2. С. 4–10.

10. *Chappell A.* Police Academy training: comparing across curricula. *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management*. 2008. Vol. 31 No. 1, P. 36–56.

11. *Gardiner C.* College Cops: A Report on Education and Policing in California. Available at: <http://cpp.fullerton.edu/pdf/College%20Cops%20Report.pdf> (accessed 7 September 2017).

12. *Middlebrooks D.* The perception of higher education in law enforcement: A qualitative exploratory study of practitioners in the field. Available at: <http://gradworks.umi.com/37/01/3701253.html> (accessed 7 September 2017).

13. *Paoline III E., Terrill W.* Police Education, Experience, and the Use of Force. *Criminal Justice and Behavior*. 2007. Vol. 34(2), P. 179–196.

14. *Paterson C.* Adding Value? A Review of the International Literature on the Role of Higher Education in Police Training and Education. *Police Practice and Research*. Vol. 12(4), P. 286–297.

15. *Roberg R., Bonn S.* Higher Education and Policing: Where are we now? *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. 2004. Vol. 27(4), P. 469–486.

16. *Иоголевич Н. И.* Проблемы изменения характера деятельности и роли преподавателя при реализации компетентностного подхода в высшем образовании // Проблемы и тенденции развития высшего образования в России и за рубежом : коллективная монография. Ульяновск, 2016. С. 129–140.

17. *Иоголевич Н. И.* Психология интегральной индивидуальности менеджеров разного уровня управления: полисистемный подход : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Пермь, 2007. 39 с.

18. *Иоголевич Н. И., Майоров В. И.* Профессиональная подготовка юриста: компетентностный подход и базовая модель компетентности // Право и образование. 2008. № 11. С. 76–83.

19. *Тишин Д. В.* О содержании федерального государственного образовательного стандарта начального профессионального образования по профессии «Полицейский» //

Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : мат-лы 17-й всерос. науч.-метод. конф. Иркутск, 2012. С. 110–114.

20. *Иванова С. И., Изингер А. В.* Новые подходы к организации образовательного процесса в рамках профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2(7). С. 179–183.

21. *Третьякова Т. Н., Бай Т. В.* Компетентностный подход к оценке результатов освоения основной образовательной программы бакалавров туризма // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2015. Т. 4, № 4(37). С. 177–178.

22. *Каприлов В. В.* Дидактические средства оценивания эффективности формирования профессиональных компетенций в контексте модульного обучения // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2, № 3. С. 140–148.

23. *Мальшиев Е. Н., Васильев Н. В.* Интеграция систем оценки уровня освоения дисциплин и оценки уровня компетенций // Высшее образование в России. 2015. № 7. С. 75–78.

24. *Анисимова М. А., Бляхеров И. С., Масленников А. В., Моржов А. В.* К вопросу о проектировании оценочных средств сформированности компетенций // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 106–112.

25. *Гитман М. Б., Данилов А. Н., Столбов В. Ю.* Об одном подходе к контролю уровня сформированности базовых компетенций выпускников вуза // Высшее образование в России. 2012. № 4. С. 13–18.

26. *Афанасьев Д. В., Грызлов В. С.* Компетентностный подход и кредитно-модульная система обучения // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 11–18.

27. *Харитонов И. М., Крушель Е. Г.* Прогнозирование уровня освоения компетенций выпускниками вуза на основе рейтинговых оценок абитуриентов // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7531> (дата обращения: 20.09.2017).

28. *Мальшиев Е. Н.* Оценка уровня компетенций обучающихся на основе оценки уровня освоения учебных дисциплин // Научный альманах. 2015. № 10-2(12). С. 303–306.

29. *Чубарова О. И., Мокина Л. В., Фатхинуров А. Р.* Оценка уровня сформированности компетенций студентов с применением метода взвешенных оценок // Наука и образование: новое время. 2015. № 5(10). С. 98–104.

Поступила 25.09.2018

Developing the System of Assessment of Law Enforcement Officers' Professional Competencies

Igolevich Natalia I.,

Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor of the Department of Humanities and Technologies of the Tyumen Industrial University Tyumen, Russian. e-mail: mirnna@list.ru

Igolevich Vladimir A.,

Candidate of Technical Sciences, Associate-Professor, Head of the Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation Tyumen, Russian. e-mail: tipkmvd@rambler.ru

Ivanova Svetlana I.,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor, Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Agencies of the Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs Tyumen, Russian. e-mail: Ivanova-svetaa@mail.ru

Abstract. Modernization of the system of professional training of the personnel for the internal affairs bodies is connected with moving to a new educational paradigm, namely competency-based approach. In modern conditions, the professional job performance assumes that the police officer's competencies have formed. Their list and content are presented in the relevant normative documents concerning the professional training of law enforcement officers. One of the serious problems of the implementation of the competency-based approach is the lack of the developed procedures for diagnosing and controlling the results of the training and, as a consequence, the normatively fixed system of competencies assessment. To assess the formation of competencies, the complex polydisciplinary assignments imitating the elements of professional activity, "competency assessment of the student", the rating system for assessing the level of the disciplines knowledge, the method of proved estimations are used in the modern educational process. However, within the framework of short-term training they may not always be applied for a number of reasons. Therefore, the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation uses the practice-oriented (active) teaching methods which can simultaneously serve as the methods for assessing the formed competencies.

Keywords: personnel training; internal affairs bodies; competencies; assessment of professional competencies; Olympiad.

Citation: *Igolevich N. I., Igolevich V. A., Ivanova S. I. Developing the System of Assessment of Law Enforcement Officers' Professional Competencies. Psychopedagogy in Law Enforcement. No. 1(72). 2018. P. 60–67.*

References

1. Kuznetsov A. I., Litvin D. V. Primary vocational training of police officers: from basic training to education. *Society and Law*. No. 1(51). 2015. P. 331–336. (In Russ.)
2. Kalinin S. V. Technology of the formation of professional competencies of police officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: on the example of the specialty "Law enforcement activities". Extended abstract of candidate of sciences thesis. Barnaul, 2015. 22 p. (In Russ.)
3. Ivanova S. I., Boush K. S. On the question of the competency-based approach in the system of vocational education of law enforcement officers. *Bulletin of Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. No. 1(6). 2016. P. 174–180. (In Russ.)
4. Volkov A. N., Kuznetsov S. V. Initial professional training of law enforcement officers in the system of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Improving the professional and physical training of cadets, trainees of educational organizations and law enforcement officers*: materials of the international scientific and practical conference. Irkutsk, 2014. P. 50–54. (In Russ.)
5. Kalinin S. V. The peculiarities of organizing monitoring of professional competences of officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Philological Sciences. Issues of theory and practice*. No. 1–2(67). 2017. P. 200–203. (In Russ.)
6. Zarechnev D. O., Kalinin S. V. Peculiarities of the formation of personal and professional readiness of future police officers for law enforcement activities. *Actual problems of combating crimes and other offences*. No. 12-2. 2014. P. 107–109. (In Russ.)
7. Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A., Rozhkov A. A. Application of the competency-based approach when training the professional staff. *Modern educational technologies in the training of law enforcement officers*: materials of the all-Russian scientific and practical conference. Moscow, 2015. P. 176–183. (In Russ.)
8. Kupavtsev T. S. Competence-based model of preparation of staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*. No. 11(105). 2013. P. 85–90. (In Russ.)
9. Kudin V. A. Perfection of preparing police officers in Saint-Petersburg University of MIA of Russia on the basis of use in educational process innovative educational technologies. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Vol. 58. No. 2. 2013. P. 4–10. (In Russ.)
10. Chappell A. Police Academy training: comparing across curricula. *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. Vol. 31. No. 1. 2008. P. 36–56.
11. Gardiner C. College Cops: A Report on Education and Policing in California. 2015. Available at: <http://cp.fullerton.edu/pdf/College%20Cops%20Report.pdf> (accessed September, 7, 2017).
12. Middlebrooks D. The perception of higher education in law nforcement: A qualitative exploratory study of practitioners in the field. 2015. Available at: <http://gradworks.umi.com/37/01/3701253.html>. (accessed September, 7, 2017)

13. Paoline Eu.A., Terrill W.III. Police Education, Experience, and the Use of Force. *Criminal Justice and Behavior*. Vol.34(2). 2007. P. 179–196.
  14. Paterson C. Adding Value? A Review of the International Literature on the Role of Higher Education in Police Training and Education. *Police Practice and Research*. Vol.12(4). 2011. P. 286–297.
  15. Roberg R., Bonn S. Higher Education and Policing: Where are we now? *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. Vol. 27(4). 2004. P. 469–486.
  16. Iogolevich N. I. The problems of changing the nature of the activity and the role of the lecturer when implementing the competency-based approach in higher education. The problems and tendencies of the development of higher education in Russia and abroad: collective monograph. Ulyanovsk, 2016. P. 129–140. (In Russ.)
  17. Iogolevich N. I. Psychology of integral individuality of managers at various management levels: polysystemic approach. Extended abstract of doctor of sciences thesis. Perm, 2007. 39 p. (In Russ.)
  18. Iogolevich N. I., Mayorov V. I. Professional training of a lawyer: competency-based approach and the basic competency model. *Law and education*. No. 11. 2008. P. 76–83. (In Russ.)
  19. Tishin D. V. On the content of the federal state educational standard of primary vocational education in the profession “Police officer”. Staff training for law enforcement agencies: contemporary trends and educational technologies: materials of the 17th all-Russian scientific and methodical conference. Irkutsk, 2012. P. 110–114. (In Russ.)
  20. Ivanova S. I., Izinger A. V. New approaches to the organization of the educational process within the framework of law enforcement officers' professional training. *Bulletin of Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. No. 2(7). 2016. P. 179–183. (In Russ.)
  21. Tretyakova T. N., Bai T. V. Competence-based approach to estimation of mastering the basic educational program of tourism bachelors. *Pedagogical-Psychological and Medico-Biological Problems of Physical Culture and Sports*. Vol. 4. No. 4(37). 2015. P. 177–178. (In Russ.)
  22. Kapralov V. V. Didactic Means to Estimate Formation Efficiency of Professional Competences in the Context of Modular Training. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2014. Vol. 2. No. 3. 2014. P. 140–148. (In Russ.)
  23. Malyshev E. N., Vasilyev N. V. Discipline mastering level and competency mastering level: possibility to integrate the estimations. *Higher education in Russia*. No. 7. 2015. P. 75–78. (In Russ.)
  24. Anisimova M. A., Blyakherov I. S., Maslennikov A. V., Morzhov A. V. To the question of designing of estimation means for student's professional competences. *Higher education in Russia*. No. 4. 2013. P. 106–112. (In Russ.)
  25. Gitman M. B., Danilov A. N., Stolbov V. Yu. On a special approach to control the formation level of university student's basic competences. *Higher education in Russia*. No. 4. 2012. P. 13–18. (In Russ.)
  26. Afanaciev D. V., Gryzlov V. S. Competence-based approach and a credit-modular system of training. *Higher education in Russia*. No. 6. 2013. P. 11–18. (In Russ.)
  27. Kharitonov I. M., Krushel E. G. The prediction of the graduates' competency mastering level based on the applicants' rates. *Modern problems of science and education*. No. 6. 2012. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7531>. (accessed September, 20, 2017)
  28. Malyshev E. N. Assessment of the level of students' competence on the basis of assessment of the level of academic disciplines development. *Science Almanac*. No. 10-2(12). 2015. P. 303–306. (In Russ.)
  29. Chubarova O. I., Mokina L. V., Fatkhinurov A. R. Assessment of level of formation of students' competences using the method of weighted ratings. *Science and education: new time*. No. 5(10). 2015. P. 98–104. (In Russ.)
-

Современные формы сплочения педагогического коллектива в суворовском военном училище МВД России

Селин Петр Васильевич,

начальник Читинского суворовского военного училища МВД России
Чита, Россия. e-mail: selinpetr@mail.ru

Рассматриваются основные формы сплочения педагогического коллектива ведомственных учреждений МВД России. Выделяются три основных научных направления, в рамках которых осуществляется исследование форм сплочения педагогического коллектива. Для целей сплочения коллектива важную роль играют разные виды корпоративных мероприятий. Проведена классификация корпоративных мероприятий. Выделены формы сплочения коллектива в рамках социально-психологического подхода: интенсивные курсы, регулярные занятия, эпизодические встречи, тренинговая работа, деловые игры, кейсы и дискуссии. Для сплочения коллектива необходимо учитывать этапность командообразования, состоящую из 9 ступеней.

Ключевые слова: сплочение педагогического коллектива; корпоративные мероприятия; формы сплочения коллектива; тренинговая и групповая работа; командообразование.

Для цитирования: Селин П. В. Современные формы сплочения педагогического коллектива в суворовском военном училище МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 68–73.

В научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные классификации форм сплочения педагогических коллективов, в том числе и применительно к ведомственным образовательным организациям МВД России.

Имеется несколько работ по технологии формирования сплоченности коллектива [1–11], однако рекомендации, содержащиеся в них, малоприменимы в условиях педагогического коллектива образовательных организаций МВД России. Между тем педагогические коллективы указанных учреждений нуждаются во внедрении современных форм сплочения. В связи с этим приобретает острую актуальность разработка систем формирования сплоченности членов организации. Область подобных исследований достаточно широка, и в них можно выделить несколько направлений в изучении современных форм сплочения коллектива.

Одно из наиболее представленных в публикациях направление связано с разработкой корпоративных форм сплочения коллектива.

Другим не менее интересным подходом к проблемам сплочения коллектива является программно-методический, предусматривающий разработку комплексных программ, системно воздействующих на коллектив.

На наш взгляд, наибольшей перспективностью обладает метод командообразования, позволяющий на основе многоуровневости разрешить проблему формирования сплоченности коллектива.

Первый подход представлен работами А. Д. Григорьева, А. Ю. Ефремова [4], И. Н. Калашниковой, Я. О. Первишовой [5], Ю. Л. Поповой [12] и др., где обращается внимание на приоритетность проведения корпоративных мероприятий в целях сплочения трудового коллектива.

И. Н. Калашникова и Я. О. Первишова подчеркивают, что корпоративные мероприятия являются наилучшим способом сплотить коллектив организации, решая такие задачи, как повышение лояльности к компании,

командообразование, нематериальная мотивация. На их взгляд, корпоративные мероприятия могут быть деловыми и праздничными (развлекательными). В свою очередь, деловые подразделяются на: 1) информационные; 2) дискуссионные; 3) обучающие (собрания, конференции, круглые столы, семинары и т. п.).

Праздничные (развлекательные) мероприятия по видам и формату представляют собой: 1) игры; 2) шоу (концерты); 3) приемы (вечеринки) [5].

А. Ю. Ефремов и А. Д. Григорьев отмечают, что, помимо корпоративных мероприятий, важную роль в процессе сплочения коллектива играет ситуация определенной конкуренции, которая основывается на нравственной почве, соблюдении правил профессиональной этики [4].

Полезными в процессе сплочения педагогического коллектива могут оказаться методы социально-психологического воздействия, рассмотренные в монографии А. Г. Караяни [6]. В качестве необходимых форм сплочения коллектива автор выделяет интенсивные курсы, регулярные занятия, эпизодические встречи.

Кроме того, в ходе организационных мероприятий по сплочению коллектива могут применяться и метод сбора, группа-марафон, регулярные и эпизодические занятия. Названные методы могут быть дополнены и другими: тренингами, деловыми играми, кейсами, дискуссиями [11].

Безусловно, на возникновение сплоченности коллектива определяющее влияние оказывает тренинговая работа, о чем рассуждали Е. Д. Бурцева [1], Е. В. Васильев [13], В. А. Гнездилов [3], А. Г. Грецов [14], Е. Л. Милютин [15], Т. А. Михайлова и Н. Н. Яременко [16], Э. И. Муслимова и Н. В. Шабунина [17], А. Е. Перельгина [18], О. А. Пискунова [19], В. В. Сакович и В. П. Бочкарев [9], А. М. Смоленова [20], Ю. Ю. Терюшкова [21] и др. Смысл тренинга заключается в том, что групповая деятельность дает члену коллектива опыт построения отношений, а сплоченность возникает при восприятии группы как целостного организма, обладающего единым групповым мнением.

Несмотря на перспективность предложенных авторами методов сплочения коллектива, они являются частными, не позволяют в комплексе решить задачи сплочения трудового коллектива. Поэтому мы обратились к опыту создания программно-методических разработок, направленных на сплочение коллектива.

Например, В. А. Свириденко предлагает комплекс таких организационных форм, способствующих сплочению педагогического коллектива, как:

- курсовые и дистанционные мероприятия;
- конкурсы профессионального мастерства, мониторинг профессиональных затруднений и устранение их причин;
- комплекс методических мероприятий;
- деятельность творческих рабочих групп педагогов;
- внедрение системы рейтинговой оценки деятельности педагогов;
- применение системы стимулирования педагогов;
- работа педагогического совета, методического совета, проблемных творческих групп;
- совместные досуговые мероприятия;
- проведение совместных с обучающимися и их родителями спортивных праздников, субботников [10].

И. С. Радковец выделяет следующие направления в формировании сплоченности коллектива, включающего офицерский состав:

- 1) управление состоянием межличностных взаимоотношений. Пропаганда и поощрение взаимопомощи и поддержки, развитие взаимопонимания в коллективе офицеров;
- 2) формирование осознания единства целей;
- 3) развитие позитивных морально-нравственных качеств офицеров;
- 4) организация и проведение мероприятий по сплочению офицерского коллектива;
- 5) совершенствование стиля руководства;
- 6) повышение авторитета командира;
- 7) поддержание высокого уровня дисциплины среди офицерского состава;
- 8) учет в воспитательной работе условий деятельности коллектива;
- 9) совершенствование профессиональной подготовки офицеров;
- 10) управление социально-психологическим климатом офицерского коллектива, управление конфликтами [8].

По нашему мнению, наиболее эффективными методами воспитания сплоченности в коллективе могут стать приемы, используемые в командообразовании.

Методы командообразования разрабатывались для применения в условиях суворовских военных училищ. С этой целью изучались организационная структура управления и особенности управления в училище. За основу анализа было взято Читинское суворовское военное училище.

При характеристике коллектива обращалось внимание на организационную структуру управления в суворовском училище, анализировался кадровый состав.

Было выявлено, что организационная структура управления коллективом определяется штатом и штатным расписанием, которое разработано с учетом целей и задач училища, а также психолого-физиологических и возрастных особенностей обучающихся (рис.).

Суворовское училище имеет линейно-функциональную структуру управления, поскольку организация разделена на отдельные элементы с четко определенными, конкретными задачами и обязанностями.

В училище присутствует единоначалие, т. е. всю полноту власти берет на себя начальник училища, возглавляющий коллектив. При разработке конкретных вопросов и подготовке соответствующих решений, программ, планов ему помогает специальный аппарат, состоящий из функциональных подразделений. Линейно-функциональная структура как никакая другая наиболее эффективно позволяет организовать процесс сплочения коллектива.

Основной кадровый состав суворовского военного училища, организующий учебно-воспитательный процесс, представлен сотрудниками следующих подразделений: учебного отдела, циклов (гуманитарных и специальных дисциплин; естественно-математических дисциплин и физической культуры), библиотеки, отдела по работе с личным составом, отделения морально-психологического обеспечения, курсов.

Представленная структура позволяет сформулировать основные принципы применения командообразования сверху вниз, имея высший руководящий орган.

Под командообразованием понимается процесс целенаправленного формирования особого способа взаимодействия людей в организованной группе, позволяющего эффективно реализовывать их энергетический, интеллектуальный и творческий потенциал согласно стратегическим целям организации [22].

Разработке вопросов командообразования в педагогическом коллективе посвящены отдельные современные исследования [23; 24; 25; 26].

Командообразование предполагает следующую этапность:

- 1) комплектование (переукомплектование) — уточнение численности и состава участников (будущих членов) команды;
- 2) знакомство (углубление знакомства) — установление первичного контакта, ориентировка членов команды друг в друге и в ситуации;
- 3) институционализация — документальное оформление порядка работы, выбор способов взаимодействия, круга лиц, курирующих группу;
- 4) формирование общего видения — согласование взглядов, позиций, целеобразование среди участников командообразования;
- 5) позиционирование (перепозиционирование) — обозначение предметно-функциональных позиций в деятельности всей команды;
- 6) планирование первого шага — определение целереализующей системы команды, составление плана-графика мероприятий, распределение ресурсов и ответственности;

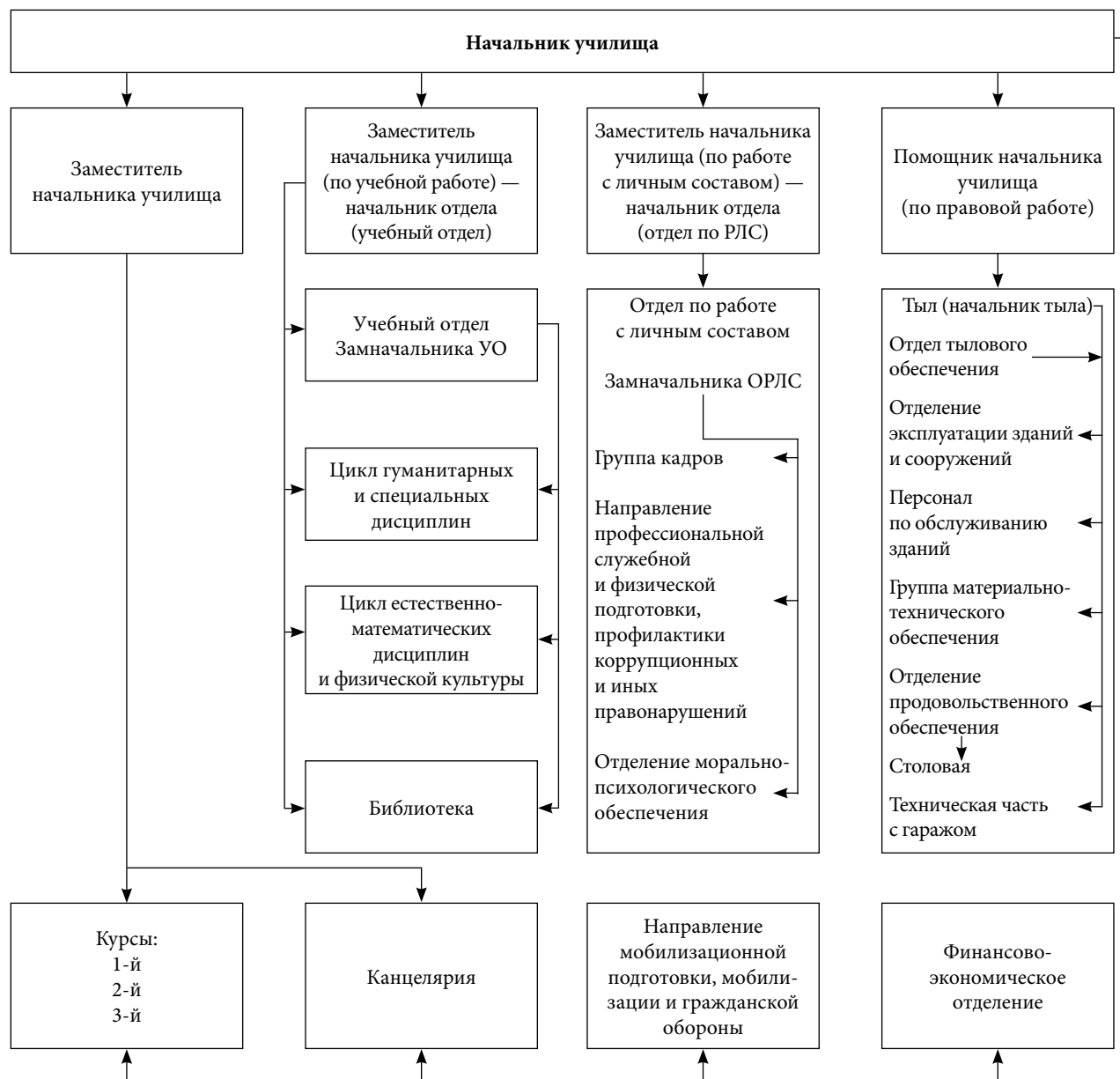

Рис. Организационная структура суворовского училища (Fig. The school organizational structure)

- 7) исполнение — реализация запланированного;
- 8) рефлексия — подведение итогов, установление эффективности проведенных мероприятий;
- 9) планирование второго шага — определение перспективности иных стадий командообразования [22].

Данная система командообразования является весьма технологичной, однако имеет особенности в педагогическом коллективе образовательного учреждения МВД России. Как подчеркивают А. Б. Жабин и Н. А. Филиппова, руководитель педагогического коллектива указанных учреждений обязан систематически организовывать собрания членов коллектива; информировать через периодические сборы группы о ситуации внутри организации; стимулировать выработку инновационных идей, направленных на достижение более высокого уровня развития сплоченности педагогического коллектива; пересматривать комплекс мотивационных средств,

методов и критериев результативности компетенции членов коллектива; обучать руководителей методам командообразования и др. [26].

Особую важность имеют такие моменты командообразования в процессе сплочения коллектива, как создание комфортного психологического климата путем регулярного ознакомления с поставленными общими целями, формирования у членов педагогического коллектива позитивного отношения к перспективам развития организации, регулярного проведения корпоративных мероприятий, совместного отдыха, внутрикорпоративных и межкорпоративных спортивных состязаний, внедрения процедуры наставничества, организации системы релаксационных кабинетов и др. [24].

Ученые рекомендовали к применению в педагогическом коллективе следующие методы командообразования, реализующие цели сплочения: практические

игры, мини-лекции, упражнения с показом конкретных примеров из практики, дискуссии, интерактивные формы обучения, работу с проектом, работу в малых группах с дальнейшей публичной защитой проектов, участие в рейтинговых программах, составление индивидуальных программ личностного профессионального роста [23].

Повышению результативности проводимых мероприятий, по мнению Ю. В. Корсакова, способствуют взаимные обязательства, доверие и отчетность, дух партнерства, лидерство, основанное на сотрудничестве, открытое обсуждение проблем [7]. Эти меры Э. Г. Винограй дополняет педагогическими, психологическими и организационными условиями сплочения коллектива: благоприятным психологическим климатом, отношениями взаимопомощи в коллективе, взаимообменом знаниями и опытом; воспитанием самоорганизационной динамичности коллектива; побуждением заинтересованности членов коллектива в достижении общей цели; повышением общественной значимости цели, реализуемой коллективом; взаимопониманием между членами коллектива; формированием ценностно-ориентационного единства коллектива; выработкой убежденности членов педагогического коллектива в эффективности избранного способа совместной деятельности; определением психологической и психофизиологической совместимости; соблюдением правил морального долга, дисциплины, ответственности; взаимозависимостью членов коллектива при достижении общей цели; рациональным распределением обязанностей между членами педагогического коллектива при учете их личных интересов; формированием общеколлективных традиций и др. [2].

Перспективы исследования форм сплочения педагогических коллективов, на наш взгляд, заключаются в составлении комплексных программ работы с коллективами, предусматривающих специфику отраслевой принадлежности образовательных учреждений.

Итак, исследования, посвященные вопросам формирования сплочения педагогических коллективов, не представлены в достаточном количестве, тем более не выявлена специфика данного процесса в ведомственных образовательных организациях МВД России. Обзор теоретических источников показал, что все публикации можно условно разбить на несколько направлений: разработка единичных и отдельных форм сплочения коллектива (тренинги, корпоративные мероприятия, активные формы, официальные мероприятия и т. д.), программно-методический подход к процессам сплочения, применение методов и приемов командообразования как способа сплочения членов педагогического коллектива. Указанные исследования внесли серьезный вклад в теорию сплочения коллектива, однако по-прежнему актуальна проблема синтеза психолого-педагогических исследований сплоченности и адаптированных положений командообразования, способных обогатить разработку педагогических условий сплочения коллектива педагогических работников и офицерского состава суворовских военных училищ МВД России.

Список литературы

1. Бурцева Е. Д. Сплочение коллектива и поддержание благоприятной атмосферы в группе как один из факторов развития личности человека // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. 2017. № 1(10). С. 340–342.
2. Винограй Э. Г. Системный анализ факторов сплоченности коллектива // Социогуманитарный вестник. 2014. № 1(13). С. 67–79.
3. Гнездилов В. А. Педагогические проблемы сплочения воинского коллектива [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2014. № 3. С. 2169. URL: <http://www.emissia.org/offline/2014/2169.htm> (дата обращения: 25.12.2017).
4. Ефремов А. Ю., Григорьев А. Д. Сплочение профессионального коллектива в контексте формирования компетенций // Воспитание и обучение: теория, методика и практика : сб. мат-лов VI междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 37–38.
5. Калашишникова И. Н., Первишиова Я. О. Роль корпоративных мероприятий в сплочении коллектива // Экономика и управление народным хозяйством региона : межрегион. науч.-практ. конф., посвященная 50-летию экономического факультета и 40-летию кафедры «Менеджмента» Ставропольского государственного аграрного университета. Ставрополь, 2011. С. 102–105.
6. Караяни А. Г. Активное социально-психологическое обучение как средство сплочения воинских подразделений : учеб. пособие. М., 1992. 56 с.
7. Корсаков Ю. В. Методы сплочения педагогического коллектива // Научные исследования: от теории к практике. 2016. № 3(9). С. 105–106.
8. Радковец И. С. Сплоченность офицерского коллектива: факторы и методика формирования // Психологическое сопровождение образовательного процесса. 2016. № 6. С. 215–223.
9. Сакович В. В., Бочкарев В. П. Специфика основных социокультурных принципов, задач и методов сплочения коллектива на основе тренингов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : в 2 т. 2012. Т. 2, № 8. С. 315–316.
10. Свириденко В. А. Сплочение школьного коллектива как фактор развития кадрового потенциала образовательной организации // Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 2(5). С. 454–457.
11. Хлызова И. В. Педагогические условия формирования готовности будущих менеджеров к сплочению персонала в процессе профессиональной подготовки в вузе // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 263–265.
12. Попова Ю. Л. Корпоративная культура как мощный инструмент в современной организации // Экономика и управление народным хозяйством региона : мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию экономического факультета и 40-летию кафедры «Менеджмент», г. Ставрополь, 10–12 марта 2011 г. Ставрополь, 2011. С. 130–131.
13. Васильев Е. В. Тренинг общения как фактор сплочения коллектива первокурсников // Молодежь в новом тысячелетии: проблемы и решения : мат-лы III регион. науч.-практ. конф. Омск, 2016. С. 165–170.
14. Грецов А. Г. Лучшие упражнения для сплочения команды. СПб., 2006. 44 с.
15. Милютин Е. Л., Лучинкина А. И. Игровые технологии, направленные на сплочение коллектива // Игровые технологии. Киев, 2015. С. 121–146.
16. Михайлова Т. А., Яременко Н. Н. Тимбилдинг как способ сплочения коллектива // Экономика, управление, техника: проблемы и перспективы развития : тр. междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 96–98.
17. Муслимова Э. И., Шабунина Н. В. Тренинг на сплочение коллектива и снятие эмоционального напряжения // Современные проблемы и перспективные направления ин-

новационного развития науки : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. : в 4 ч. Уфа, 2016. Ч. 4. С. 202–204.

18. Перелыгина А. Тренинг как способ сплочения интернациональных студенческих коллективов // Актуальные проблемы развития личности в онтогенезе : мат-лы IV всерос. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 209–210.

19. Пискунова О. А. Игра freshbiz как метод сплочения команды // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3(59). С. 803–805.

20. Смоленова А. М. Методическая разработка тренингового занятия «по следам героев былых времен», направленного на сплочение вновь сформированного ученического коллектива // Научный форум: Педагогика и психология : сб. ст. по мат-лам VI междунар. заоч. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 35–43.

21. Терюшкова Ю. Ю. Тренинг сплочения группы как средство содействия адаптации первокурсников // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1537.

22. Вдовина М. А., Секретарева Н. В., Тимошина Е. И. Специфика развития командообразования в разновозрастном

педагогическом коллективе детского сада // Актуальные вопросы психологии, педагогики и образования : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2017. С. 62–65.

23. Коломок О. И., Гурджиян С. С. Командообразование и создание комфортного психологического климата в педагогическом коллективе: сущность и технологии применения // Science and world. 2013. № 4(4). С. 228–231.

24. Крапивенский А. С., Коломок О. И. Методы социально-психологического воздействия в процессе командообразования и создания комфортного психологического климата в педагогическом коллективе // Научные труды SWorld : в 55 т. 2013. Т. 20, № 4. С. 3–8.

25. Жабин А. Б., Филиппов Н. А. Командообразование как способ деонтологизации в трудовом коллективе // Науковедение. 2015. № 5. С. 1–12.

26. Ситников В. Л. Педагогика общей заботы — источник современной психологии командообразования // Российский гуманитарный журнал. 2014. № 2. С. 86–97.

Поступила 26.09.2017

Modern Forms of Uniting the Teaching Staff at Educational Institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs

Selin Petr V.,

Chief of the Chita Suvorov Military School of the Russian Ministry of Internal Affairs
Chita, Russia. e-mail: selinpetr@mail.ru

Abstract. The main forms of uniting the teaching staff at educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are under consideration. The author specifies three main research areas to study the forms of the teaching staff team-building. The emphasis is made on the role and importance of various corporate events pursuing to unite the teaching staff. The classification of corporate events has been studied. The forms of the team-building according to the socially-psychological approach are as follows: intensive courses, regular classes, occasional meetings, trainings, business games, case-studies and discussions. To unite the team it is essential to consider nine stages of team-building as well as characteristics of the conditions in which the staff is united via team-building.

Keywords: unity of the teaching staff; corporate events; forms of team-building; training and group work; team-building.

Citation: Selin P. V. Modern Forms of Uniting the Teaching Staff at Educational Institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 68–73.

References

1. Burtseva E. D. Team building and maintaining a positive atmosphere in the group as one of the factors in the development of human personality. *Pedagogy and psychology: current issues of theory and practice*. No. 1(10). 2017. P. 340–342. (In Russ.)
2. Vinogrei E. G. The system analysis of factors of team unity. *Socio-humanitarian Bulletin*. No. 1(13). 2014. P. 67–79. (In Russ.)
3. Gnezdilov V. A. Pedagogical problems of cohesion of the military staff. *The Emissia Offline Letters*. No. 3. 2014. 2169 p. (In Russ.)
4. Efremov A. Yu., Grigoriev A. D. Professional team unity in the context of formation of competences. Education and training: theory, methodology and practice: proceedings of the VI International scientific-practical conference. Cheboksary, 2016. P. 37–38. (In Russ.)
5. Kalashnikova I. N., Pervisheva Ya. O. The role of corporate events in team building. *Economics and management of national economy of the region* : inter-regional scientific-practical conference dedicated to the 50th anniversary of the economic faculty and the 40th anniversary of the Management Department of Stavropol State Agrarian University. Stavropol, 2011. P. 102–105. (In Russ.)
6. Karayani A. G. Active social and psychological training as a means of cohesion of military units. Moscow, 1992. 56 p. (In Russ.)
7. Korsakov Yu. V. Methods of cohesion of the teaching staff. *Scientific research: from theory to practice*. No. 3(9). 2016. P. 105–106. (In Russ.)
8. Radkovez I. S. Officer staff cohesion: factors and methods of formation. *Psychological maintenance of the educational process*. No. 6(1). 2016. P. 215–223. (In Russ.)
9. Sakovich V. V., Bochkarev V. P. Specificity of the main socio-cultural objectives, principles and methods of training-based team building. *Actual problems of aviation and cosmonautics*. Vol. 2. No. 8. 2012. P. 315–316. (In Russ.)
10. Sviridenko V. A. School community unity as a factor in the development of personnel potential of educational organizations. *Priority directions of development of science and education*. No. 2(5). 2015. P. 454–457. (In Russ.)
11. Khlyzova I. V. Pedagogical conditions of formation of readiness of the future managers to unite staff in the process of professional training at higher education institutions. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 4. 2013. P. 263–265. (In Russ.)

12. Popova Yu. L. Corporate culture as a powerful tool in modern organizations. *Economy and management of a national economy of region* : materials of interregional scientific-practical conference dedicated to the 50th anniversary of the economic faculty and the 40th anniversary of the Management Department of Stavropol State Agrarian University. Stavropol, 2011. P. 130–131. (In Russ.)
  13. Vasilyev E. V. Communicating practice as a factor of cohesion of the freshmen team: Youth in the new Millennium: challenges and solutions. Proceedings of the 3rd regional scientific and practical conference. Omsk, 2016. P. 165–170. (In Russ.)
  14. Gretcov A. G. The best exercises for team-building. St. Petersburg, 2006. 44 p. (In Russ.)
  15. Milyutina E. L., Luchinkina A. I. Game technology for team building. *Game technology*. Kyiv, 2015. P. 121–146. (In Russ.)
  16. Mikhailova T. A., Yaremenko N. N. Team building as a way of the staff cohesion. Economics, management, engineering: problems and prospects. Proceedings of the international scientific-practical conference. Moscow, 2016. P. 96–98. (In Russ.)
  17. Muslimova E. I., Shabunina N. V. Team building training and stress relief. Modern problems and perspective directions of innovative development of science: collected articles of international scientific-practical conference. Ufa, 2016. P. 202–204. (In Russ.)
  18. Perelygina A. Training as a way of international student groups unity. Actual problems of personality development in ontogenesis: proceedings of the 4th All-Russian scientific-practical conference. Moscow, 2015. P. 209–210. (In Russ.)
  19. Piskunova O. A. Freshbiz Game as a method of team-building. *Modern scientific researches and innovations*. No. 3(59). 2016. P. 803–805. (In Russ.)
  20. Smolenova A. M. Methodological guidance on training sessions «in the footsteps of the heroes of yore» for the consolidation of the newly-formed student community. Scientific forum: education and psychology: proceedings of the 6th international correspondence scientific-practical conference. Moscow, 2017. P. 35–43. (In Russ.)
  21. Teryushkova Yu. Yu. Group unity training as a means of first-year students adaptation. *Modern problems of science and education*. No. 6. 2014. 1537 p. (In Russ.)
  22. Vdovina M. A., Sekretareva N. V., Timoshina E. I. The development of team building in mixed-age preschool teaching staff. Actual problems of psychology, pedagogy and education, collection of scientific papers on the results of international scientific-practical conference. Samara, 2017. P. 62–65. (In Russ.)
  23. Kolomok O. I., Gurdjian S. S. Team building and creation of comfortable psychological climate in the teaching staff: the nature and application technology. *Science and world*. No. 4(4). 2013. P. 228–231. (In Russ.)
  24. Krapivenskiy A. S., Kolomok O. I. Methods of socio-psychological impact in the process of team building and creating a comfortable psychological climate in the teaching staff. *Science works*. Vol. 20. No. 4. 2013. P. 3–8. (In Russ.)
  25. Zhabin A. B., Filippov N. A. Team building as a way of deconfliction in the workplace. *Internet-journal of the Sociology of Science*. No. 5. 2015. P. 1–12. (In Russ.)
  26. Sitnikov V. L. Pedagogy of common care as a source of modern psychology of team building. *Liberal Arts in Russia*. No. 2. 2014. P. 86–97. (In Russ.)
-

Типичные ошибки в письменной речи сотрудников полиции

Воронцова Юлия Александровна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина
Белгород, Россия. e-mail: vorontsova73@mail.ru

Хорошко Елена Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина
Белгород, Россия. e-mail: leto@mail.ru

Важнейшим ориентиром профессионального поведения для сотрудников полиции является речевая культура, характеризующаяся способностью отбирать и использовать оптимальные языковые средства в каждой конкретной ситуации правотворчества и правоприменения. Сотрудник полиции должен в полной мере владеть культурой речи, которая требует сформированности всех ее компонентов: нормативного, этического, коммуникативного. Объектом анализа с точки зрения нормативного аспекта выбраны различные речевые ошибки и недочеты, допускаемые сотрудниками полиции в письменной речи, и указаны возможные способы их устранения. Источниками послужили служебные и процессуальные документы, составленные сотрудниками полиции. В результате лингвостилистического анализа профессиональных текстов авторами выявляются типичные ошибки (нарушение орфографических, пунктуационных, лексических, грамматических, стилистических норм) и причины их возникновения (языковая небрежность, смешение разных языковых явлений, отсутствие опыта составления различных текстов и др.). Делается вывод о том, что соблюдение норм литературного языка в речи сотрудников полиции представляет собой важную составляющую их деятельности, что профессиональная речь сотрудника полиции — это форма литературного языка, поэтому обязательным требованием выступает строгое соблюдение норм, что является главным условием культуры речи.

Ключевые слова: речевая культура; нормативный аспект культуры речи; письменная речь; литературные нормы; типичные ошибки.

Для цитирования: Воронцова Ю. А., Хорошко Е. Ю. Типичные ошибки в письменной речи сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 74–78.

Культура речи представляет собой знание норм современного русского литературного языка, а также умение выбирать и правильно использовать слова и словосочетания, характерные для того или иного стиля речи. Именно освоение культуры речи позволяет постичь основные способы организации языковых средств и закономерности их употребления для достижения максимальной эффективности коммуникации, в том числе и профессиональной.

Следует отметить, что важнейшим профессиональным качеством для сотрудников полиции является речевая культура, характеризующаяся способностью отбирать и использовать оптимальные языковые средства в каждой конкретной ситуации правотворчества и правоприменения. Другими словами, необходимо не только уметь подбирать точный, уместный, грамматически правильный вариант, но и обладать навыками построения и реализации своего речевого намерения таким образом, чтобы оно полностью соответствовало целям и задачам правоохранительной деятельности.

Все служебные и процессуальные документы являются официальными, поэтому они должны составляться литературным языком, признанным в качестве образцовой формы национального языка, и иметь соответствующий стиль изложения.

Оформление различных документов должно соответствовать высоким требованиям, предполагающим точность, логичность, ясность, правильность изложения материала, обоснованность выводов, следование определенному стилю, соответствующему жанру документа.

Для сотрудника полиции речевая культура выступает ориентиром поведения, поскольку их деятельность является коммуникативно направленной, так как для них взаимодействие с людьми — обязательная форма профессионального существования. Из этого следует, что сотрудник полиции должен в полной мере владеть культурой речи, сформированностью всех ее компонентов: нормативного, этического, коммуникативного.

В настоящее время вопросы повышения культуры речи особенно актуальны. В связи с этим речь чиновников, политиков, сотрудников полиции все чаще становится предметом отдельного изучения, а их коммуникативная компетентность является сферой различных научных интересов, поэтому ошибки в их речи «замечаются быстрее и оцениваются строже» [1, с. 78]. Так, М. Н. Пановой предложен многоаспектный лингводидактический анализ языковой личности государственного служащего в условиях профессиональной среды [2; 3, с. 34–39]; Л. Б. Волковой охарактеризованы наиболее распространенные ошибки в письменной речи госслужащих [1, с. 78–80]; Д. А. Кимом, И. Н. Пономаренко проанализирована профессиональная речь госслужащих в соотношении с понятием «норма» [4, с. 76–78]; Ю. А. Бессоновой освещена проблема речевой грамотности журналистов, госслужащих, политиков [5, с. 16–18]; Е. А. Бобковой рассмотрены вопросы развития навыков письменной речи у сотрудников ОВД в рамках профессионального обучения [6]; Е. А. Липиной основное внимание уделено нарушению лексических норм при подготовке служебных докумен-

тов сотрудниками полиции [7, с. 42–45]; Л. Г. Носковой составлен словарь на основе самых частых ошибок (неверное употребление слов, словосочетаний) в речи сотрудников ОВД [8].

Особенность правоохранительной деятельности заключается в «единообразии речевого поведения, обусловленного спецификой институционального общения» [2, с. 73], что «делает актуальным выявление асимметрии нормы и узуса статусно ориентированного речевого поведения и проведения ортологического анализа» письменной речи сотрудников полиции [4, с. 78]. Поэтому именно профессиональные тексты представляются интересными для лингвостилистического исследования.

В данной статье в качестве объекта анализа с точки зрения нормативного аспекта мы избрали речевые ошибки и недочеты, допускаемые сотрудниками полиции в письменной речи. Из различных служебных и процессуальных документов (рапорты, протоколы, постановления, распоряжения, служебные записки, письма и т. п.) с 2014 г. по 2016 г. с помощью метода сплошной выборки мы выделили материал для анализа. Предметом изучения стали речевые ошибки, определение их вида, а единицей исследования — текстовый фрагмент, содержащий нарушение норм. Всего проанализировано 3570 текстовых фрагментов. Отбор исследуемых языковых единиц осуществлялся по мере их встречаемости в процессе чтения текста, при этом нами обращалось внимание только на соблюдение норм современного русского литературного языка. Выбранные языковые единицы из текстов различных документов мы классифицировали по видам речевых ошибок и определили их частотность, таким образом, мы обработали 674 контекста. Все немотивированные отступления от литературной нормы квалифицированы нами как речевые ошибки и недочеты. Отметим, что однотипные ошибки из разных текстов рассматривали как один вид нарушения, а ошибки, связанные с невнимательностью составителя документа, не учитывали.

Литературные нормы понимаются как «принятые в общественно-языковой практике правила произношения, словоупотребления, использования грамматических и стилистических языковых средств» [9, с. 41], т. е. это нормативная реализация речевых единиц разных уровней языковой системы. Соблюдение литературных норм обеспечивает понимание смысла изложенной информации.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет выделить некоторые типичные нарушения норм русского литературного языка, приводящие к различным ошибкам и недочетам. Остановимся на наиболее часто повторяющихся ошибках в письменной речи сотрудников полиции.

Нарушение орфографических норм: «Прошу Вас за добросовестное выполнение служебных обязанностей, ниже перечисленному личному составу...». *Нижеперечисленный* пишется слитно, так как *ниже* составная часть сложных слов, обозначающая «далее, позже в тексте»¹.

«Список курсантов факультета, имеющих две неудовлетворительные оценки *в течении* ноября»; «Замечания на протокол должны быть рассмотрены *в течении* пяти дней со дня их подачи». *В течение* — предлог, обычно сочетается с названиями отрезков времени. Ср.: *в течении* реки².

«Соблюдать меры противопожарной безопасности в подразделениях и на кафедрах института, *привидению* в надлежащий вид всей учетной документации». Ср.: *привидение* — «призрак». Правильно: *приведению* (от *привести*)³.

«Своевременно *пребывать* профессорско-преподавательскому составу». Ср.: *пребывать* — «находиться где-либо, быть в каком-либо состоянии». Правильно: *прибывать* в значении «приходить, приезжать, прибавляться»⁴.

«Необходимо, *что бы* в ближайшее время оставшаяся часть личного состава выполнила указание ДГСК МВД России». Правильно: *чтобы* (союз), *что бы* (местоимение и частица)⁵.

Отметим, что чаще всего сложности возникают при написании типичных для юридической лексики слов и терминов типа «неустановление, неуведомление, невыяснение; несудимый; ранее не судимый; неустановленное лицо; не установленное следствием лицо» и др. [см. подробнее 10].

Нарушение пунктуационных норм связано с отсутствием запятой или постановкой лишних. Наиболее частотными пунктуационными ошибками являются: пропуск запятой после причастного или деепричастного оборота, необособление вводных слов, лишние запятые между главными членами предложения, отсутствие обязательных запятой между частями сложного предложения и др.: «Прошу Вас, за добросовестное выполнение служебных обязанностей...»; «Прошу предоставить сведения о нарушении правил дорожного движения сотрудниками, согласно прилагаемым спискам»; «В связи с чем, были высказаны данные угрозы, он не знает». *Прошу вас, согласно, в связи с чем* не относятся к вводным словам и не выделяются запятыми.

«За совершение проступка, *порочащего честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел* был отчислен из института и уволен из органов внутренних дел» (пропуск запятой после причастного оборота).

«Уважаемый, Иван Сергеевич!». Слово *уважаемый* входит в состав обращения и не отделяется запятой.

«Здравствуйте Сергей Иванович!». Слово *здравствуйте* не входит в состав обращения, а выступает в роли сказуемого, поэтому отделяется запятой.

¹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. М., 2005. С. 401.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 545.

⁴ Там же. С. 534.

⁵ Там же. С. 790.

Нарушение лексических норм (неправильное употребление слова из-за неучета его лексического значения; нарушение лексической сочетаемости; речевая избыточность и др.): «Нарушение законных прав и интересов». Правильно: «Нарушение прав и законных интересов». «Нам нанесли обиду». Правильно: «Нас обидели».

«...На построении личного состава установлено, что у рядового полиции А. С. Иванова на лице имеются телесные повреждения». Ср.: на лице синяки, ссадины, кровоподтеки.

«Давайте пообщаемся в тезисных чертах на тему...». Ср.: тезис — «1. В логике: положение, требующее доказательства. 2. Положение, кратко излагающее какую-н. идею, а также одну из основных мыслей сочинения, доклада»⁶. Черта — «1. Узкая полоса. 2. Граница, предел. 3. Свойства, отличительная особенность»⁷. Рекомендуются: *Давайте пообщаемся в тезисной форме на тему...*

Тавтология (неоправданное повторение одного и того же слова или употребление однокоренных слов в пределах короткого фрагмента текста): «Сформировать учебную группу в форме взвода». Правильно: «Создать учебную группу в форме взвода».

«Лицо, ударившее меня по лицу, могу опознать по лицу». Правильно: «Человека, ударившего меня по лицу, могу опознать».

«Следовательно, из материалов дела следует...». Правильно: «Таким образом, из материалов дела следует».

Заметим, что в юридическом тексте наличие тавтологии может быть вызвано необходимостью повторения терминов, а также стремлением к точности и однозначности толкования. В других случаях тавтология обедняет и упрощает речь, придает ей сниженный характер, нередко затрудняет понимание.

Плеоназм (смысловая избыточность): «Подозреваемый укусил зубами потерпевшую». Правильно: «Подозреваемый укусил потерпевшую».

«В период времени с 31.08.2015 по 17.09.2015 Иванова находилась на амбулаторном лечении». Правильно: «В период с 31.08.2015 по 17.09.2015 Иванова находилась на амбулаторном лечении».

«...Наглядно было видно, что...». Правильно: «...было видно, что...», так как в семантику слов *наглядно*, *видно* включены семы «зрение», «видеть».

При нарушении морфологических норм возникают речевые ошибки, которые связаны с употреблением разных частей речи.

Неправильное употребление падежных форм: «Обратить внимание на обязательном предоставлении всех необходимых материалов, проходящих через методический совет института, до 5 числа каждого месяца». Правильно: «Обратить внимание (на что?) на обязательном предоставлении всех необходимых материалов, проходящих через методический совет института, до 5 числа каждого месяца» или «Обратить внимание (на что?) на обязательном предоставлении до 5 числа каждого месяца всех необходимых материалов, проходящих через ме-

тодический совет института». «Предоставить сведения в электронном виде согласно приложения». Правильно: «Предоставить сведения в электронном виде согласно приложению».

Неправильное образование формы множественного числа имени существительного: «Сотрудникам объявлены строгие выговора». «Сдать рапорта». Правильно: *выговоры, рапорты*.

Нарушение норм склонения числительных: «Штраф от пять тысяч пятьсот рублей». Правильно: «Штраф от пяти тысяч пятисот рублей».

Нарушение норм склонения фамилий: «Новик Игорю Сергеевичу объявлен выговор». Правильно: «Новику Игорю Сергеевичу объявлен выговор».

Синтаксические нормы определяют правила построения словосочетаний и предложений. Чаще всего встречалось нарушение порядка слов. Для официально-делового стиля предпочтителен прямой порядок слов, который обеспечивает ясную смысловую связь между членами предложения. Порядок слов в русском языке считается относительно свободным, так как отсутствует строгое закрепление за членами предложения определенного места в предложении. Вместе с тем существуют закономерности организации слов в предложении, обусловленные синтаксическими, стилистическими и коммуникативными факторами, которые предписывают тот или иной порядок слов. Выделенные при анализе материала ошибки в нарушении порядка слов, как правило, искажают смысл высказывания, делают само высказывание малопонятным или приводят к двусмысленности: «Также напоминаю об устранении в установленные сроки недостатков, выявленных в ходе проверки в январе 2014 года, ведения журналов учета посещаемости и успеваемости, с проставлением в 4 разделе журнала „Результаты проверки организации обучения в течение учебного года“, отметки об устранении недостатков». Желательно: «Напоминаю также об устранении в установленные сроки недостатков ведения журналов учета посещаемости и успеваемости, выявленных в ходе проверки в январе 2014 года, с проставлением отметки об устранении недостатков в 4 разделе журнала „Результаты проверки организации обучения в течение учебного года“».

«Живущий на даче сосед сдавал квартиру вместе с женой и двумя дочерьми». Правильно: «Живущий на даче вместе с женой и двумя дочерьми сосед сдавал квартиру».

Нарушение стилистических норм связано преимущественно с выбором слова без учета его функционально-стилевой принадлежности. Традиционно стилистические нормы рассматриваются как соответствие использованных языковых средств функционально-стилистическим и жанровым особенностям текста. В профессиональной речевой деятельности сотрудников полиции «недостаточными и поверхностными являются знания в области стилей и жанров речи» [11, с. 92].

⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 791.

⁷ Там же. С. 882.

Заметим, что стилистика предполагает не только строгое соблюдение правил, но и способность к выбору и оценке языковых (речевых) вариантов как более уместных, точных, логичных, ясных, выразительных и т. д. С одной стороны, стиль допускает множественность выбора форм выражения, с другой — ограничен функциональной принадлежностью текста, поэтому квалифицировать стилистические ошибки трудно. Распространенной ошибкой считается стилистическая неуместность в выборе слов (нарушение единства стиля): «Подозреваемый доехал до сюда и совершил нападение». Желательно: «Подозреваемый доехал до этого (данного) места и совершил нападение».

Подобные стилистические недочеты связаны с отсутствием знаний разновидностей русского языка, речевых умений целенаправленного использования языковых средств при создании текста, а также с «чрезвычайно тесной связью речевого произведения с „живой“ ситуацией общения и предметным миром» [12, с. 57].

Для того чтобы идентифицировать стилистические ошибки и не допускать их, необходима высокая речевая культура и квалифицированная стилистическая грамотность, которые способствуют «такому положению, когда „словечек“ и неоправданных внутренней необходимостью новообразований язык принимать не будет, потому что этого не позволит сознательная деятельность говорящих» [13, с. 85].

В результате анализа было установлено, что 18,9% от общего числа текстовых фрагментов имели случаи ошибочного употребления языковых единиц разных уровней. Отступление от литературной нормы по виду речевой ошибки по убывающей частотности выглядит следующим образом: нарушения орфографических норм — 47%, пунктуационных — 24, морфологических — 14, синтаксических — 8, лексических — 5, стилистических — 2%.

Выявленные ошибки типичные, их возникновение обусловлено недостаточным владением языком, отсутствием способности редактировать текст и оценивать лексическую и грамматическую правильность, языковой небрежностью, «смешением языковых явлений в акте речи из-за мгновенности процесса речепроизводства» [14, с. 53]. Однако согласимся с И. А. Стерниным, что «коммуникативное сознание русского человека постепенно эволюционирует в направлении внимания к собственному языку, будет формироваться осознание важности хорошего владения своим родным языком, культурой речи, культурой общения» [15, с. 81]. Профессиональная речь сотрудника полиции — это форма литературного языка, поэтому обязательным требова-

нием выступает строгое соблюдение норм, что является главным условием культуры речи. Всякое отклонение от литературной нормы препятствует точному восприятию содержания передаваемой юридически значимой информации. Необходимо быть внимательными в выборе слов, в построении грамматических конструкций, так как служебные и процессуальные документы должны быть написаны безукоризненно.

Список литературы

1. Волкова Л. Б. О культуре письменной речи государственных служащих (нормативно-стилистический аспект) // Инновационная наука. 2016. № 2. С. 78–80.
2. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования : монография. М., 2004. 322 с.
3. Панова М. Н. Модные слова в речи чиновников // Русская речь. 2015. № 6. С. 34–39.
4. Ким Д. А., Пономаренко И. Н. Нормативный аспект официального языка // Социальные варианты языка : мат-лы междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2016. Вып. IX. С. 76–78.
5. Бессонова Ю. А. К проблеме речевой грамотности современного российского общества // Формирование и совершенствование поликультурной языковой личности специалистов средствами родного, русского и иностранного языков : всероссийский круглый стол 7 ноября 2013 г. : сб. мат-лов / под ред. канд. филол. наук, доц. Л. И. Анохиной. Орел, 2013. С. 16–18.
6. Бобкова Е. А. Развитие навыков письменной речи у сотрудников органов внутренних дел в рамках профессионального обучения [Электронный ресурс]. Концепт. 2016. Т. 15. С. 2221–2225. URL: <http://elibrary.ru>.
7. Липина Е. А. Проблемы письменной речи сотрудников полиции (нарушение лексических норм) // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 2(9). С. 42–45.
8. Носкова Л. Г. Типичные ошибки в речи сотрудников органов внутренних дел : словарь. М., 2011. 167 с.
9. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие. М., 2001. 304 с.
10. Бешенкова Е. В. Лексикографические проблемы написания слов с отрицанием *не* // Русская речь. 2015. № 4. С. 31–37.
11. Баева Е. В. К вопросу об эффективности риторической подготовки сотрудников ОВД в системе повышения квалификации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 92–94.
12. Формановская Н. И. Речевое общение и коммуникативное взаимодействие // Русская речь. 2014. № 4. С. 55–58.
13. Винокур Г. О. Культура языка. М., 2006. 256 с.
14. Лазуткина Е. М. И мы сохраним тебя, русская речь // Русская речь. 2014. № 2. С. 50–57.
15. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 2004. 93 с.

Поступила 01.05.2017

Typical Mistakes in Written Speech of Police Officers

Vorontsova Julia A.,

Candidate of Sciences (Philology), Associate-Professor, Associate-Professor of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Belgorod, Russia. e-mail: vorontsova73@mail.ru

Khoroshko Elena Yu.,

Candidate of Sciences (Philology), Associate-Professor, Associate-Professor of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Belgorod, Russia. e-mail: leto@mail.ru

Abstract. The major reference point of professional behaviour for police officers is the speech culture characterized by capability to select and use optimal language means in every situation of law-making and law enforcement. A police officer should have a comprehensive command of the culture of speech which requires development of all its components: standard, ethical and communicative. The object of the study with respect to the standard aspect is speech mistakes made by police officers in written speech, possible ways of correction being specified. The sources are official and procedural documents made by police officers. The attempted language stylistic analysis of professional texts enabled the authors to reveal typical mistakes (disregarding spelling, punctuation, lexical, grammatical and stylistic standards) and their origin (language negligence, mixture of different language phenomena, lack of experience in making up various texts and some others). The authors make the conclusion that observance of standard language rules by police officers is an integral part of their professional activity and police officer's professional speech is a form of standard language, therefore, strict observance of language rules is mandatory as it is the main condition ensuring culture of speech.

Keywords: culture of speech; the aspect of standards in speech culture; written speech; literary norms; typical errors.

Citation: Vorontsova Ju. A., Khoroshko E. Yu. Typical Mistakes in Written Speech of Police Officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1 (72). 2018. P. 74–78.

References

1. Volkova L. B. On culture of written speech of state officials (standard-stylistic aspect). *Innovative science*. No. 2. 2016. P. 78–80. (In Russ.)
2. Panova M. N. The language individuality of the state official: the experience of lingua-methodical research. Monograph. Moscow, 2004. 322 p. (In Russ.)
3. Panova M. N. Fashionable words in officials' speech. *The Russian speech*. No. 6. 2015. P. 34–39. (In Russ.)
4. Kim D. A., Ponomarenko I. N. Standard aspect of an official language. *Social variants of language: materials of the international scientific conference*. Issue 9. Nizhny Novgorod, 2016. P. 76–78. (In Russ.)
5. Bessonova Yu. A. To the problem of speech literacy of a modern Russian society. Forming and enhancement of the polycultural language individuality of specialists by means of native, Russian and foreign languages: the All-Russia round-table. Edit. by Anokhina L. I. Oryol, 2013. P. 16–18. (In Russ.)
6. Bobkova E. A. The development of skills in written speech in law-enforcement officers during the vocational training. *Scientifically-methodical electronic journal "Kontsept"*. 2016. Vol. 15. P. 2221–2225. (In Russ.)
7. Lipina E. A. Problems of written speech of police officers (infringement of lexical rates). *Law and Order: history, theory, practice*. No. 2(9). 2016. P. 42–45. (In Russ.)
8. Noskova L. G. Typical errors in the speech of law-enforcement officers. Dictionary. Moscow, 2011. 167 p. (In Russ.)
9. Valgina N. S. Active processes in modern Russian: tutorial. Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.)
10. Beshenkova E. V. The lexicographic problems of writing words with the negation *not*. *The Russian speech*. No. 4. 2015. P. 31–37. (In Russ.)
11. Baeva E. V. To the question on efficiency of rhetorical training of law-enforcement officers within advanced training scheme. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(62). 2015. P. 92–94. (In Russ.)
12. Formanovskaya N. I. The speech dialogue and communicative interaction. *The Russian speech*. No. 4. 2014. P. 55–58. (In Russ.)
13. Vinokur G. O. Culture of language. Moscow, 2006. 256 p. (In Russ.)
14. Lazutkina E. M. "And we will keep you, Russian speech ...". *Russian speech*. No. 2. 2014. P. 50–57. (In Russ.)
15. Sternin I. A. The public processes and development of modern Russian. The sketch of changes in Russian in the late 20th century. Voronezh, 2004. 93 p. (In Russ.)

Из опыта преподавания русского жестового языка сотрудникам полиции в системе дополнительного профессионального образования

Липина Елена Андреевна,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России
Тюмень, Россия. e-mail: lena_tyumen@inbox.ru

В связи с дефицитом переводчиков русского жестового языка и необходимостью социализации глухих и слабослышащих граждан, их правовой защиты программой «Доступная среда» предусмотрено обучение основам русского жестового языка сотрудников полиции определенных должностных категорий. В процессе организации и первого опыта реализации обучения в рамках краткосрочных курсов повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов преподаватели столкнулись с проблемой разработки дидактического материала, необходимого для формирования и развития у обучающихся навыков общения с глухими и слабослышащими гражданами. Основное внимание в процессе обучения уделялось освоению жестов — значимых единиц жестового языка, обозначающих целые понятия и воспроизводимых с помощью рук и мимики, а также дактиля — дактильных знаков, обозначающих отдельные буквы национального алфавита и воспроизводимых с помощью пальцев рук. Опыт преподавания дисциплины позволил выработать некоторые педагогические принципы организации процесса обучения, способствующие освоению учебного материала и достижению цели образовательной программы повышения квалификации профессионального обучения навыкам русского жестового языка сотрудников.

Ключевые слова: русский жестовый язык; жестовая лексика; жестовая речь; дактильная речь; формирование и развитие лексических навыков; классификация жестов русского жестового языка; полиция; повышение квалификации.

Для цитирования: Липина Е. А. Из опыта преподавания русского жестового языка сотрудникам полиции в системе дополнительного профессионального образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 79–85.

Жестовый язык является средством общения миллионов россиян с ограниченными возможностями по слуху. Однако лишь в декабре 2012 г. внесены поправки в ст. 14 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», касающихся статуса русского жестового языка: «Русский жестовый язык признается языком общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации. Вводится система субтитрирования или сурдоперевода телевизионных программ, кино- и видеофильмов. Перевод русского жестового языка (сурдоперевод, тифлосурдоперевод) осуществляют переводчики русского жестового языка (сурдопереводчики, тифлосурдопереводчики), имеющие соответствующее образование и квалификацию. Порядок предоставления услуг по переводу русского жестового языка (сурдопереводу, тифлосурдопереводу) определяется Правительством Российской Федерации»¹.

В предыдущей версии закона говорилось: «Язык жестов признается как средство межличностного общения»². Фактически это означало существование жестового языка лишь как средства бытового общения глухих граждан и без каких-либо программ по его государственной поддержке. Следствием этого было отсутствие официальных программ обучения жестовому языку. Курсы жестового языка для обучения глухих и подготовке преподавателей

и переводчиков в единичных учебных заведениях до этого времени оставались инициативой снизу.

В соответствии с приказом МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка», а также приказом МВД России, Минобрнауки России от 15 июня 2015 г. № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации» на базе образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации начинается обучение по образовательной программе повышения квалификации профессионального обучения «Обучение навыкам русского жестового языка сотрудников подразделений дежурных частей, участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, по обеспечению безопасности дорожного движения, вневедомственной охраны, уголовного розыска по должности служащего „Полицейский“».

На момент принятия вышеназванных приказов у преподавателей образовательных организаций МВД, прошедших краткосрочные курсы профессиональной

¹ О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 296-ФЗ // Рос. газета. 2013. 11 янв.

² О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ // Там же. 1995. 2 дек.

переподготовки в Российском государственном социальном университете по программе «Русский жестовый язык (сурдоперевод)», на которых была возложена обязанность обучать сотрудников полиции основам русского жестового языка, не было ясного представления об организации этого процесса. В большей степени это было связано с крайней недостаточностью необходимой учебной и справочной литературы.

Проблемами лингвистики русского жестового языка, разработкой электронного глоссария русского жестового языка и методикой его преподавания занимались многие ученые: С. И. Буркова [1; 2], О. О. Королькова [3; 4], И. М. Востров, В. П. Камнева, В. Э. Ромашкина [5], И. А. Гусейнова [6], Ю. С. Мануева [7], С. В. Скорняков, О. А. Варинова [8], В. З. Базоев [9], Т. А. Соловьева, Н. С. Отдельнова и Е. З. Яхнина [10] и др. Однако вопросам, касающимся обучения основам русского жестового языка сотрудников социальных сфер, в настоящее время посвящены единицы исследований, несмотря на существование программы «Доступная среда» и издание нормативных документов, согласно которым эти сотрудники обязаны владеть русским жестовым языком в достаточно большом объеме.

В 2016 г. издано учебно-практическое пособие для обучения русскому жестовому языку сотрудников правоохранительных органов, в котором рассматривается русский дактильный алфавит, содержатся упражнения и тексты для развития навыка дактилирования, список юридических терминов с их описанием на жестовом языке, краткий разговорник, охватывающий основные ситуации общения сотрудников органов внутренних дел с незлышащими гражданами [11]. Указанное пособие, несомненно, полезно и актуально ввиду дефицита материального обеспечения курсов, тем не менее, на наш взгляд, оно не дает возможности развития всех необходимых навыков, заявленных в специальной образовательной программе. Смоделированные в пособии диалоги отражают единичные ситуации профессионального общения сотрудников полиции с глухими гражданами. Предлагаются, например, такие ситуации, как «Установление коммуникативного контакта», «Ориентирование в городе», «Нарушение правил поведения в общественном месте», «Нарушение правила дорожного движения», «Пропажа вещей» [11, с. 13–15].

Практика преподавания русского жестового языка в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России показывает, что ограниченный период обучения, насыщенная образовательная программа, отсутствие у сотрудников полиции знаний и опыта общения со слышащими и глухими гражданами с помощью «специфических средств общения», а также определенное стереотипное представление о глухих вызывают у них серьезные трудности.

У преподавателей курса наибольшую сложность составила организация практической части обучения по причине отсутствия готового учебного материала, при том что целью курсов является обучение навыкам общения на русском жестовом языке в профессионально обусловленных ситуациях. В библиотечном фонде в необходимом количестве экземпляров содержатся учебник для студентов высших учебных заведений «Жестовая речь. Дактилология» Л. Г. Зайцевой [12], Краткий словарь русского жестового языка С. Ватаги³ и Мини-словарь языка жестов Л. М. Осокиной и В. А. Варыгиной⁴.

Анализ научной и учебной литературы подтвердил проблему недостаточного материального обеспечения курсов повышения квалификации сотрудников полиции в рамках обучения навыкам русского жестового языка. Основными источниками информации при подготовке методических разработок послужили конспекты лекционных и практических занятий, выполненные преподавателями на курсах профессиональной переподготовки, частично указанная литература и web-ресурсы⁵.

Поскольку курсы повышения квалификации сотрудников полиции нацелены на развитие навыков общения с глухими, особое внимание в настоящей статье уделяется именно практическим аспектам обучения. В целом структуру практических занятий можно представить следующим образом: выполнение упражнений на развитие навыков дактилирования и считывания текста с дактилирующей руки, введение лексического материала и грамматического материала, формирование лексических навыков, развитие лексико-грамматических навыков, контроль уровня знаний, умений и навыков, формирование и развитие навыков диалогической речи и перевода.

Следует подчеркнуть, что все этапы курса тесно взаимосвязаны. Так, изучению жестовой лексики обязательно предшествует формирование навыков дактилирования и считывания с дактилирующей руки. Несмотря на то что дактилированию посвящена отдельная тема образовательной программы, первое занятие каждого учебного дня необходимо начинать со специальной гимнастики для рук и соответствующих упражнений на развитие и совершенствование навыков дактилирования и считывания с дактилирующей руки. Эту работу следует выполнять систематично не только потому, что дактильная речь является вспомогательным средством общения глухих, но и потому, что дактилемы букв (за некоторым исключением) лежат в основе жестов. Не владея конфигурациями дактильных знаков, обучающийся будет испытывать трудности при запоминании и воспроизведении жестовой лексики, а значит, не сможет адекватно осуществлять прямой и обратный перевод.

³ Краткий словарь русского жестового языка / сост. С. Ватага; под ред. Т. Овчинниковой. М., 2016. 205 с.

⁴ Мини-словарь языка жестов / сост. Л. М. Осокина, В. И. Варыгина. М., 2014. 98 с.

⁵ Видеословарь «Город жестов» [Электронный ресурс]. URL: <http://jestov.net/dictionary/> (дата обращения: 20.05.2017); Международный видеословарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spreadthesign.com/ru/> (дата обращения: 20.05.2017).

В процессе обучения непосредственно жестовой лексике с трудностями столкнулись как преподаватели, так и слушатели. При подготовке лексических минимумов по темам преподавателям надлежало определиться с объемом лексических минимумов, их качественным наполнением, а также выработать наиболее эффективные приемы предъявления жестовой лексики и развития лексических навыков.

Практика обучения показала, что оптимальное количество жестов составляет примерно 80 единиц на тему или подтему. Прежде всего, объем жестовой лексики должен быть достаточным для решения профессиональных задач на месте происшествия в условиях отсутствия переводчика русского жестового языка.

Так, тема «Знакомство» ограничена списком жестов, необходимых для установления коммуникативного контакта с гражданином и выяснения степени глухоты в целях определения наиболее приемлемого способа общения (графического письма, дактилирования, артикулирования, дермографии, жестовой речи, звуковой речи).

Лексический объем по теме «Профессиональная лексика», на наш взгляд, зависит от намерения сотрудника полиции оперативно установить первостепенную информацию либо оперативно донести до гражданина информацию, значимую в данный момент.

Как указывалось выше, важным принципом при составлении лексических минимумов являются не только их профессиональная соотнесенность и актуальность (количественный состав), но и учет характера воспроизведения жестов (качественный состав). В связи с этим преподаватели отдавали предпочтение классическим вариантам жестов, освоенным ими на курсах профессиональной переподготовки. При необходимости включения дополнительных жестов потребовалось обратиться к справочной литературе и web-ресурсам. Проблема состояла в том, что не во всех справочных изданиях описаны необходимые жесты. Кроме того, некоторые жесты для обозначения одного и того же понятия в нескольких источниках представлены либо с небольшим отличием, либо абсолютно по-разному. Жесты отбирались по принципу полного или максимально полного совпадения их исполнения в большинстве существующих источников, либо предпочтение отдавалось наиболее ясному для восприятия и воспроизведения жесту, т. е. с узнаваемой мотивацией.

Перед этапом введения жестовой лексики необходимо ознакомить слушателей со структурой жеста и особенностями лексического состава русского жестового языка. Такая систематизация знаний существенно облегчает восприятие и запоминание жестов. Следует отметить, что, рассказывая слушателям о структурных и семантических особенностях жестов, целесообразно приводить примеры жестов строго из лексических минимумов курса.

Анализ теоретического материала позволяет называть следующие особенности лексики русского жестового языка:

1. Жестам свойственна иконичность (образность). Г. Л. Зайцева выделяет: а) рисующие жесты, повторяющие контур обозначаемого предмета, например, жесты «пиджак», «сандалии», «майка»; б) пластические жесты, передающие пластическое изображение предмета, например: «скамейка», «стул», «табурет»; в) имитирующие жесты, максимально копирующие движение, действие, образ действия: «суд», «пить», «идти», «просыпаться», «засыпать», «фотографировать», «снимать на видеокамеру», «курить», «бить», «душить» и т. д. [12, с. 44].

Кроме того, среди жестов немало и таких, которые совмещают несколько из выделенных Г. Л. Зайцевой признаков, их можно назвать смешанными: рисующе-имитирующие (жест «туннель»: сначала обрисовывается контур предполагаемого туннеля, затем имитируется движение человека сквозь него); имитирующе-пластические (жест «лавочка»: передается пластическое изображение лавочки и одновременно имитируется действие — человек «садится» на лавочку).

К образным можно отнести жесты, изображающие практически все предметы одежды (рисующие, пластические либо имитирующие жесты), а также большую часть предметов домашнего обихода и некоторые другие видимые и ощутимые предметы реального мира, исключая абстрактные понятия, например эмоции, хотя и они поддаются классификации.

2. Некоторые классы жестов отсутствуют, например, обозначающие: а) термины (обусловлено изначальным использованием жестового языка в неофициальной обстановке), при необходимости новые термины дактилируются либо изображаются жестами, которые будут известны лишь кругу посвященных людей; б) части тела, цвета, направления и пространственные отношения (указанные объекты присутствуют в ситуации общения, поэтому проще указать на них); в) людей по роду их деятельности, профессий (вместо специального жеста используется, как правило, жест, обозначающий сферу деятельности или характерное действие, качество, затем жест «человек» («полицейский»: «полиция» + «человек», «пострадавший; жертва»: «беда» + «человек»)).

3. Жесты могут быть с ясной или неясной мотивацией происхождения. Ясная мотивация происхождения характерна преимущественно для иконичных жестов: «автомобиль», «светофор», «дорога» и т. д. Однако нередко объяснима мотивация происхождения и жестов, выражающих абстрактные понятия: при исполнении жеста «расизм» показываются жесты «раса» и «ненависть».

Некоторые жесты, служащие для выражения абстрактных понятий, имеют достаточно мотивированную структуру благодаря их компонентам — локализации или конфигурации. Так, практически все жесты, связанные с речемыслительной деятельностью, локализируются у головы: «знать» — «не знать», «запоминать» — «забывать», «понимать» — «не понимать», «думать», «выдумывать», «обдумывать», «терять сознание», «меч-

тать», «планировать». Большинство жестов для обозначения чувств, эмоций, психических состояний исполняются у груди, что также логично: «тоска», «злость», «радость», «зависть», «желание», «переживание», «ревность», «страх» и т. д.

Примерами жестов для обозначения абстрактных понятий, основывающихся на конфигурации дактилемы буквы, на которую начинается соответствующее слово в русском словесном языке, могут быть жесты на конфигурацию «Г»: «грубость», «голубой»; жесты на конфигурацию «О»: «отлично», «оранжевый», «объяснять», «освободить», «отвечать», «ответственность», «опытный»; жесты на конфигурацию «Р»: «рассказывать», «розовый», «рыжий», «район», «регион» и т. д.

4. Жесты делятся на простые (непроизводные), сложные, производные [13, с. 50]. К простым (непроизводным) жестам относятся, например, жесты «дочь», «сын», «дядя», «тетя», «мужчина», «женщина». При исполнении производного жеста «использовать» необходимо проактивировать приставку «ис», затем показать жест «польза». К сложным относятся жесты, состоящие из двух или более самостоятельных жестов, например, жесты «пешеходная зона», «тротуар», «туннель», «оправдать».

5. Жесты могут быть членимыми и нечленимыми [13, с. 51]. При исполнении нечленимого жеста «босножки» последовательно крест-накрест рисуются полоски на тыльной стороне левой кисти. Членимыми принято считать сложные жесты, а также жесты, образуемые при передаче некоторых грамматических категорий (словоформы жестов), например, жест «дом» в форме множественного числа представляет собой сочетание жестов: «дом», «много».

6. В значение жестов могут включаться отрицание или количество (инкорпорированное значение). Г. Л. Зайцева относит такие жесты к сложным составным [12, с. 64]. Из жестов с инкорпорированным значением отрицания можно назвать некоторые глаголы: «не уметь», «не хотеть», «не знать», «не замечать», «не верить, не доверять», «не понимать», «не надо».

Жестов с инкорпорированным значением числа достаточно много, они образуются по принципу «склеивания» траектории движения руки при исполнении основного жеста с конфигурацией числа от одного до пяти. Так, показывая жест «две тысячи», рука направляется в конфигурации «два» активными пальцами вниз по диагонали влево. Реже используются числительные после пяти, например, при демонстрации жеста «6 часов» руки в конфигурации «шесть» вращают по часовой стрелке перед собой.

7. Русский жестовый язык долго не имел официального статуса, не признавался полноценной лингвистической системой, поэтому сложно классифицировать его элементы по стилистической принадлежности (по сфере употребления). Существующие сегодня словари фиксируют большое количество вариантов исполнения жестов, из которых не выбран основной [13, с. 53].

8. В жестовом языке жесты, подобно словам русского словесного языка, классифицируются по семантическим связям. Выделяют жесты-синонимы, жесты-антонимы, жесты-паронимы [5, с. 187], однако их классификация также практически невозможна. Можно лишь разграничить идеографические жесты-синонимы, как, например, «идти» и «идти вразвалку», «бежать» и «нести сломя голову» и др.

Крайне сложно анализировать и классифицировать территориальные жесты-синонимы. Склонны полагать, что основой русской жестовой речи во всех регионах является классический и понятный всем жестовый язык столицы России. Об этом свидетельствуют видеосюжеты с жестовым переводом песен, диалоги и монологи в исполнении носителей русского жестового языка из разных регионов страны. Тем не менее существуют и некоторые территориальные отличия, а также индивидуальные особенности исполнения жестов. Например, видеословарь Spreadthesign, московские преподаватели русского жестового языка, с одной стороны, и жители Тюмени, имеющие проблемы со слухом, — с другой, демонстрируют разные варианты жеста «Тюмень». Важный для сотрудников полиции жест «нарушать» (в сочетании «нарушать закон») в Москве аналогичен жесту «портить», а в Тюмени чаще используется вариант, аналогичный жесту «ломать» (как «ломать палку»).

Что касается жестов-антонимов, то их можно разделить на однокорневые, образованные путем присоединения к одному жесту какого-либо элемента или изменения одного компонента жеста (например, жесты «верить» — «не верить», «засыпать» — «просыпаться», «приносить» — «уносить», «закрывать» — «открывать»), и разнокорневые (например, жесты-антонимы «чистый» — «грязный», «правда» — «ложь», «злой» — «добрый», «красивый» — «уродливый»).

В русском жестовом языке существует большое количество жестов, обозначающих разные предметы, но отличающихся лишь одним компонентом. По аналогии с русским словесным языком их можно назвать жестами-паронимами. Так, пара жестов «старый» и «Москва» имеют незначительное отличие в направлении руки. При изучении лексических минимумов такое незначительное отличие жестов вызывает трудность. В связи с этим при введении жестовой лексики целесообразно использовать метод ассоциаций. Жест «старый», когда рука «ползет» по щеке вниз, ассоциируется с дряблой кожей на лице старого человека, а жест «Москва» — с началом передачи «В гостях у сказки», где у окна сидела бабушка, подпирая щеку кулаком.

9. Жестам свойственны однозначность и многозначность. Однако, учитывая то, что количество жестов в русском жестовом языке значительно меньше, чем слов в русском словесном языке, можно говорить о преобладании многозначности среди жестов (например «зеленый» — «молодой», «коричневый» — «кофе»). Это объясняется тем, что существует тенденция к экономии в жестовом языке по причине

ограниченного количества средств исполнения (компонентов жеста). Невозможно создать жесты, эквивалентные всем существующим словам русского словесного языка.

10. Некоторые жесты, включая жесты-антонимы, отличаются лишь кинетической составляющей: а) направлением движения руки (рук), например, «подниматься на лифте» — «спускаться на лифте», «подниматься по лестнице» — «спускаться по лестнице», «повышенное давление» — «пониженное давление»; б) качеством движения руки: «интересно» — «очень интересно»; в) разворотом кисти: «стул» — «перевернутый стул» — «табурет».

11. В русском словесном языке существуют исконно русские и заимствованные слова. Этимологическая классификация жестов в русском жестовом языке представляется проблематичной, поскольку его прототипом послужили американский и французский жестовые языки [13, с. 52]. Следовательно, для установления исконности и заимствования жестов русского жестового языка необходимо провести глубокое сравнительно-сопоставительное исследование всех этих трех языков. Что касается внутренних заимствований, т. е. между русским словесным и русским жестовым языками, то можно отметить общее в воспроизведении некоторых жестовых слов в речи глухих и некоторых немануальных компонентов в речи слышащих («пьяный», «деньги», «привет», «пожалуйста», «пока», «дай», «стоп», «тихо», «уйди», «спать» и др.).

Таким образом, получая представление о структуре жеста, морфологических и семантических особенностях жестов русского жестового языка, подкрепленное многочисленными примерами, слушатели курсов учатся узнавать мотивацию исполнения жеста, создавать собственные ассоциации, а также ненавязчиво пополняют словарный запас необходимыми жестами. Благодаря этому на момент введения лексического минимума по каждой теме значительная часть жестов будет узнаваема.

Работа над жестами в рамках практических занятий включает в себя несколько этапов.

Этап введения жестовой лексики предполагает исполнение жеста преподавателем и краткую характеристику его структурных особенностей. Жест можно не озвучивать, а вместо этого продактилировать соответствующее слово перед его исполнением. Если жест явно отображает предмет, действие или явление, можно исполнить его и попросить слушателей высказать предложения о его значении. После предъявления жеста обучающиеся его воспроизводят, а преподаватель осуществляет контроль и корректирование.

Этап формирования лексических навыков предполагает выполнение упражнений, направленных на анализ структуры жестов, определение семантических связей между жестами: поиск синонимов и антонимов, установление признаков сходства и различия жестов, классификацию жестов по какому-либо признаку (например, по признаку одной и той же конфигурации либо одной и той же локализации).

Следующий этап — промежуточный контроль уровня владения жестовой лексикой по теме. В качестве одного из приемов промежуточного контроля жестовой лексики можно использовать дактилирование слова преподавателем, в ответ на которое слушатели исполняют соответствующий жест. Таким образом мы систематически решаем одновременно две задачи: развиваем навык считывания текста с дактилирующей руки и контролируем знание жестовой лексики. Третьей решаемой задачей может стать повторение жестовой лексики теми, кто плохо усвоил ее на предыдущем этапе.

Кроме того, поскольку жестовый язык является визуально-кинетической языковой системой, неотъемлемым методическим приемом на любом этапе работы служит визуализация. Преподавателями на занятиях демонстрируется заранее выполненная подборка видеофрагментов из онлайн-словарей с жестовой лексикой. Видеофрагменты распределяются и демонстрируются в разном порядке: хаотично, по алфавиту, по принципам сходства исполнения, образования с помощью одной и той же конфигурации и т. д.

Эффективным приемом контроля знания жестовой лексики является и демонстрация жестовых песен, жестового исполнения поэтических или прозаических произведений, соответствующих объему словарного (жестового) запаса обучающихся. Эта форма работы позволяет слушателям сменить вид деятельности, снять напряжение, повысить мотивацию к изучению языка глухих людей, закрепить знакомые жесты, сравнить способы исполнения жестов в разных регионах России, отметить варианты исполнения знакомых жестов носителями языка, отметить особенности использования жестов в контекстуальных значениях, вычленив из жестовой речи новые жесты и запомнить их, отметить некоторые принципы перевода на жестовый язык, а преподавателю — проконтролировать знание жестов.

Следующий этап развития лексико-грамматических навыков предполагает прямой и обратный перевод фраз по принципу «от простых словосочетаний к законченным предложениям» с предварительным пояснением грамматических явлений в русском жестовом языке. При этом используется раздаточный дидактический материал, а также демонстрация видеофрагментов с фразами на жестовом языке. В упражнения на перевод включена вся жестовая лексика, заявленная в лексическом минимуме по темам. Кроме того, при обучении жестовому языку, как и в процессе обучения любому иностранному языку, упражнения необходимо строить по принципу цикличности: один и тот же жест должен фигурировать в разных сочетаниях в целях многократного повторения языковых единиц и доведения их употребления до автоматизма [14, с. 191].

Заключительный этап предполагает работу над формированием навыков прямого и обратного перевода профессионально ориентированных текстов, которые заранее адаптируются с учетом содержания лексических минимумов, актуальности, информатив-

ности и профессиональных обязанностей слушателей. Работа над переводом проводится в разных формах: всей группой с помощью преподавателя, слушателями в парах, в небольших группах, каждым слушателем самостоятельно.

Следует обратить особое внимание на осуществление учебного процесса с позиции интерактивного подхода, подразумевающего активное взаимодействие всех участников учебного процесса, при котором происходит взаимообмен информацией [15, с. 75]. Это обеспечивает непрерывное погружение обучающихся в процесс изучения любого иностранного языка (жестовый язык можно считать таковым применительно к слышащему человеку), постепенное снятие языковых и психологических барьеров и развитие необходимых навыков. Так, если один слушатель переводит текст, остальные в это время осуществляют последовательный обратный (или синхронный) перевод, тем самым показывая, что они способны вычленять и распознавать изученные жесты в потоке жестовой речи и адекватно перекодировать текстовую информацию на другой язык. Нельзя допускать ситуаций, когда один или двое слушателей работают, остальные в лучшем случае занимаются своими текстами или пассивно наблюдают за работой других.

Несмотря на адаптированность учебных видеоматериалов, самым сложным, на наш взгляд, упражнением на данном этапе является обратный перевод видеотекстов, в которых роли исполняют носители русского жестового языка. Тем не менее процесс обучения жестовому языку без использования таких материалов при всей подготовленности участников образовательного процесса не оказывает необходимого мотивирующего эффекта на слушателей. В связи с этим преподавателями курсов была подготовлена подборка видеоматериалов практически по каждой теме и разработан комплекс заданий для наиболее плодотворной работы с ними.

Следует отметить, что количество упражнений, выполняемых на занятиях, их содержание и форма работы могут варьироваться в зависимости от уровня успеваемости каждого слушателя или группы в целом. Преподаватель акцентирует внимание на обучающихся, которые испытывают наибольшие трудности, корректируя их, предлагая для выполнения более легкие задания во время занятий, но больший объем заданий для самостоятельной работы.

Таким образом, анализ опыта преподавания русского жестового языка сотрудникам полиции в рамках краткосрочных курсов повышения квалификации позволил выявить проблемы, сформировать принципы и выработать приемы обучения навыкам русского жестового языка по образовательной программе повышения квалификации профессионального обучения, позволяющие эффективно организовать учебный процесс. Достижение качественного результата в развитии навыков диалогической речи и навыков перевода помогает решить проблему не только языкового,

но и психологического барьера в процессе общения сотрудников полиции с глухими и слабослышащими людьми.

Список литературы

1. Буркова С. И. Способы выражения именной множественности в русском жестовом языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 174–184.
2. Буркова С. И., Юнусова Р. Э. Безэквивалентная лексика в русском жестовом языке // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015. С. 81–89.
3. Королькова О. О. Особенности синтаксиса русского жестового языка // В мире научных открытий. 2011. № 11.6. С. 1638–1648.
4. Королькова О. О. Вариативность исполнения жестов в русском жестовом языке (на материале видеословаря жестового языка) // В мире научных открытий. 2013. № 11.6(47). С. 187–193.
5. Востров И. М., Каменева В. П., Ромашикина В. Э. От языка улицы до жестового художественного языка // Художественное образование и наука. 2015. № 1. С. 50–55.
6. Гусейнова И. А. Визуально-жестовый язык: к вопросу о разработке электронного глоссария для русского жестового языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 5(691). С. 52–60.
7. Мануева Ю. С., Гриф М. Г. Семантический аспект перевода с русского языка на жестовый язык // Наука, технологии, инновации : сб. тр. : в 9 ч. Новосибирск, 2016. Ч. 1. С. 105–107.
8. Скорняков С. В., Варинова О. А. Проблема языковой подготовки лиц с нарушениями слуха как основное препятствие к получению высшего образования // Специальные образовательные условия и качество профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями здоровья : сб. тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2015. С. 252–254.
9. Базоев В. З. Билингвизм и образование глухих: современные тенденции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 4-2. С. 320–330.
10. Соловьева Т. А., Отдельнова Н. С., Яхнина Е. З. Новые возможности коммуникативного развития обучающихся с нарушением слуха при получении основного общего образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 4-2. С. 331–342.
11. Камнева В. П., Константинова А. А., Полонская О. Ю. Русский жестовый язык : учеб.-практ. пособие. Иркутск, 2016. 39 с.
12. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2015. 192 с.
13. Королькова О. О. Проблемы классификации жестов русского жестового языка // Научный диалог. 2016. № 8(56). С. 50–54.
14. Литина Е. А. Методика интенсивной иноязычной подготовки сотрудников органов внутренних дел в системе дополнительного профессионального образования // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 3. С. 191–195.
15. Оськина С. Д. Симуляция как метод интерактивного подхода к обучению английскому языку в неязыковом вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68). С. 75–78.

Поступила 05.07.2017

On the Experience of Training Law Enforcement Officers in Russian Sign Language within the System of the Additional Vocational Education

Lipina Yelena A.,

Candidate of Sciences (Philology), senior lecturer of the department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of the police officers of the Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Tyumen, Russia. e-mail: lena_tyumen@inbox.ru

Abstract. Due to lack of interpreters of Russian sign language and necessity to socialize deaf and hearing-impaired people and legally protect them the state program "Accessible environment" provides teaching basics of Russian sign language to police officers of certain ranks. When organizing and first implementing the training at short-term advanced training courses for law enforcement officers the instructors faced the problem of preparing didactic material necessary for development of the learners' skills of communication with deaf and hearing-impaired people. The focus is made on mastering signs – important units of sign language which denote concepts and are reproduced using hands and mimics and dactyl, that is dactyl signs designating separate letters of the national alphabet and reproduced using fingers. The teaching experience made it possible to develop some pedagogical principles of organization of learning conducive to comprehension of the learning material and achieving the goals of professional advanced educational programme of teaching Russian sign language to the officers.

Keywords: Russian sign language; sign language vocabulary; sign language; manual alphabet; forming and developing of lexical skills; classification of gestures of the Russian sign language; police; advanced training.

Citation: Lipina Ye. A. On the Experience of Training Law Enforcement Officers in Russian Sign Language within the System of the Additional Vocational Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 79–85.

References

1. Burkova S. I. The ways of expressing nominal plurality in the Russian sign language. *Siberian Philological Journal*. No. 2. 2015. P. 174–184. (In Russ.)
2. Burkova S. I., Yunusova R. E. Culture-specific vocabulary in Russian sign language. *Inter-cultural communication: linguistic aspects*. Collection of articles of the international scientific and practical conference. 2015. P. 81–89. (In Russ.)
3. Korolkova O. O. Special syntax of Russian sign language. *In the world of scientific discoveries*. No. 11.6. 2011. P. 1638–1648 (In Russ.).
4. Korolkova O. O. Variability of gestures performance in Russian sign language (based on video-dictionary of Russian sign language). *In the world of scientific discoveries*. No. 11.6(47). 2013. P. 187–193. (In Russ.)
5. Vostrov I. M., Kameneva V. P., Romashkina V. E. From the language of the street to the artistic sign language. *Art education and science*. No. 1. 2015. P. 50–55. (In Russ.)
6. Guseynova I. A. Sign language: elaborating an electronic glossary for the Russian sign language. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Series: Humanities*. No. 5(691). 2014. P. 52–60. (In Russ.)
7. Manueva Yu. S., Grif M. G. Semantic aspect of the translation from the Russian into sign language. *Science of innovation technology. Collected materials (in 9 parts). Part 1*. 2016. P. 105–107. (In Russ.)
8. Skorniyakov S. V., Varinova O. A. Problem of language training of persons with hearing impairment as the main obstacle to obtaining higher education. Special educational conditions and the quality of vocational training of persons with disabilities. Collection of works of scientific-practical conference with international participation. 2015. P. 252–254. (In Russ.)
9. Bazoev V. Z. Bilingualism and education of the deaf: current trends. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. No. 4-2. 2016. P. 320–330. (In Russ.)
10. Solov'eva T. A., Otdelnova N. S., Yakhnina E. Z. New possibilities of communicative development of students with hearing impairment in obtaining basic general education. *Vestnik of the Pushkin Leningrad State University*. No. 4-2. 2016. P. 331–342. (In Russ.)
11. Kamneva V. P., Konstantinova A. A., Polonskaya O. Yu. Russian Sign Language: educational-practical book. Irkutsk, 2016. 39 p. (In Russ.)
12. Zaytseva G. L. Gesture speech. Dactylogy: work book for higher schools. Moscow, 2015. 192 p. (In Russ.)
13. Korolkova O. O. Problems of classification of gestures of Russian sign language. *Scientific dialogue*. No. 8(56). 2016. P. 50–54. (In Russ.)
14. Lipina Ye. A. Technique of intensive foreign language training in the system of additional professional education for law enforcement officers. *Vestnik of the Tyumen advanced training institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. No. 3. 2014. P. 191–195. (In Russ.)
15. Oskina S. D. Simulation as the method of interactive approach to teaching the English language in non-linguistic higher school. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. No. 1(68). 2017. P. 75–78. (In Russ.)

Обучение чтению и профессиональной коммуникации на иностранном языке в адъюнктуре Барнаульского юридического института МВД России

Гнездилова Евгения Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Барнаульского юридического института МВД России
Барнаул, Россия. e-mail: korol_evgenia@mail.ru

Существуют проблемы обучения адъюнктов иностранному языку в период подготовки к кандидатскому экзамену. Чтение на иностранном языке — это средство удовлетворения коммуникативных и научных потребностей адъюнкта, навыки сформированности которого влияют на развитие профессиональной коммуникации. При отборе текстового материала учитывается профессионально ориентированный характер обучения, требующий использования текстов общеправового, научно-популярного, криминологического, исторического характера. Текст представляет собой тему и акт общения, содержит изучаемый лексико-грамматический материал и служит образцом речевой коммуникации носителей языка. Основным фактором эффективности работы над текстом являются коммуникативные задания, направленные на овладение всеми видами чтения оригинальной литературы и способствующие коммуникации. Они отражают реальные ситуации профессиональной деятельности адъюнкта и выступают средством управления его речевыми действиями. По причине недостаточного количества часов на практические занятия возникает потребность четкого структурирования и минимизации лексико-грамматического материала путем составления словаря-минимума и ограничения сферы профессионально ориентированного общения. Это достигается отбором типичных ситуаций с учетом необходимого минимума коммуникативных намерений.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация; чтение; иностранный язык; адъюнктура; устное иноязычное общение; профессионально ориентированный подход; кандидатский экзамен.

Для цитирования: *Гнездилова Е. В. Обучение чтению и профессиональной коммуникации на иностранном языке в адъюнктуре Барнаульского юридического института МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 86–89.*

Существует достаточно исследований, посвященных профессионально ориентированному обучению иностранному языку в высших учебных заведениях [1; 2; 3; 4]. Однако третий этап подготовки специалистов — обучения в адъюнктуре — редко рассматривается учеными, проводится мало комплексных исследований, посвященных ему. Обучение и подготовка адъюнкта к успешной сдаче кандидатского экзамена — непростая задача педагога. В настоящей статье предлагаются некоторые способы решения данного вопроса.

Психолого-педагогические исследования и собственный опыт преподавания иностранного языка в адъюнктуре Барнаульского юридического института МВД России (далее — БЮИ МВД России) убеждают в целесообразности взаимосвязанного обучения чтению и профессиональной коммуникации. Чтение играет исключительную роль в жизни и деятельности ученого, так как оно дает возможность получать информацию из различных источников: книг, журналов, патентов и т. д. Не менее важно и приобретение адъюнктами компетенции в области профессиональной коммуникации (самостоятельное участие в конференциях, совещаниях, обсуждение авторских свидетельств и т. д.), а чтение здесь выступает не только как самостоятельный вид речевой деятельности, но и как средство осуществления этой коммуникации.

Теоретико-методологическую основу обучения иностранным языкам составляют работы Е. И. Пассова [5], Г. А. Китайгородской [6], К. М. Левитана [7], В. И. Байденко и Дж. Ван Зантворта [8]. В диссертационных исследованиях подробно освещены вопросы формирования профессиональной культуры адъюнктов в лингвообразовательном процессе [9], проектирования содержания учебных курсов в процессе послевузовской подготовки

специалистов [10], обучения пониманию инокультурного дискурса современной прессы [11].

Изучение иностранного языка в адъюнктуре — это новый (по сравнению с вузом) этап, на котором используются уже сформированные в вузовский период знания и умения, необходимые для достижения следующих целей:

- читать оригинальную литературу на иностранном языке по юридическому профилю (журнальные статьи, монографии и т. п.);
- выполнять устный (письменный) перевод текстов профессионально направленного характера;
- оформлять извлеченную из иностранных источников информацию в виде реферата, резюме, аннотации;
- выступать с докладом или сообщением на научных конференциях и вести беседу по вопросам, связанным со специальностью и научной работой.

Чтение на иностранном языке в период подготовки к сдаче кандидатского экзамена, а также работы над диссертацией служит средством удовлетворения коммуникативных и познавательных потребностей человека [12]. Формирование профессиональной коммуникации на данном уровне подготовки предполагает сформированность компетенции в области устного иноязычного общения (самостоятельная подготовка доклада на конференцию, использование иноязычной литературы, повышение квалификации и т. д.). Чтение здесь выступает уже как средство осуществления устной коммуникации.

Вся система обучения иностранному языку строится вокруг понятия «текст». Являясь целостным и законченным речевым произведением, текст представляет тему и акт общения, содержит изучаемый лексико-грамматический материал и служит образцом речевой коммуникации носителей языка.

При отборе текстового материала для адъюнктов БЮИ МВД России мы учитываем профессионально направленный характер обучения, что требует использования текстов общеправового, научно-популярного, криминологического, исторического характера и т. д. На данном уровне владения языком предполагается приобретение умений осуществлять творческий поиск и обработку информации в ходе работы с оригинальной литературой. Наряду с научной литературой (статьями, монографиями, рефератами), рекомендуется использовать выдержки из Конституции РФ и стран изучаемого языка, Уголовного кодекса РФ и т. д. Безусловно, от адъюнктов требуется владение всеми видами чтения литературы разных функциональных жанров.

Для формирования профессиональной компетенции следует целенаправленно отбирать и использовать тексты, содержащие информацию о культуре страны изучаемого языка в соответствии со сферой интересов и с требованиями программы курса. Важным фактором здесь являются задания на базе отобранных текстов. Это может быть составление аннотации текста (статьи), объяснение заголовка или заключения, прочтение, переработка и интерпретация текста, подбор текстов по предложенной проблеме. Выполнение подобных заданий способствует развитию умения формулировать суждение, оценивать и переработать их, что обеспечивает глубину понимания читаемого, а следовательно, и профессиональную коммуникацию адъюнкта.

Таким образом, к моменту сдачи кандидатского экзамена у адъюнктов должны быть сформированы две группы умений, направленных:

- 1) на получение профессионально значимой информации;
- 2) на анализ и интерпретацию полученной информации [13, с. 130].

Следует помнить, что текст в учебной ситуации является не только источником информации, но и средством формирования продуктивного словаря, представляя новую лексику в контексте ее употребления. Поэтому задания к тексту должны помогать решать ряд задач. Прежде всего, они призваны готовить обучаемых к прочтению текстов, т. е. обращать внимание на новые лексико-грамматические структуры [14]. Необходимо также ориентировать адъюнктов: задавать им вопросы при чтении, помогать выделять смысловые части текста, провоцировать на высказывания по содержанию прочитанного, определять проблему, вовлекать в дискуссию и т. д. Такие задачи мы подразделили по функциям на:

- информативные (Сообщите... Проинформируйте...);
- побудительно-контактные (Поблагодарите... Посоветуйте...);
- познавательные (Обоснуйте точку зрения... Докажите...).

Задачи напрямую связаны с видами умений, обеспечивающих текстовую деятельность обучающихся, а значит, и их профессиональную коммуникацию [15], а также они выступают эффективным средством управления речевыми действиями адъюнкта. Под таким управлением понимается оказание воздействия на обучаемого в целях оптимизации в достижении планируемого результата.

Работая с иностранными источниками информации, важно уделять внимание формированию навыков критического чтения — способности объективно оценивать ситуацию. Например: «Прочтите газетную статью об уровне преступности в Крыму за 2016 год и сравните ее с официальными данными, отметьте несовпадающую информацию и составьте сообщение» или «Прочтите описание предполагаемого преступника со слов очевидца, выберите в описании подходящие по функциональному жанру слова и выражения, объясните свой отбор и составьте собственный портрет правонарушителя, используя правила криминологической характеристики личности преступника» и т. д.

В 2016 г. нами было проведено анкетирование адъюнктов на предмет выявления трудностей при выполнении задач различного типа. 80% опрошенных указали, что не имеют проблем с формулированием ответа на запрос информации. В случае затруднения они легко переадресовывают вопрос собеседнику или извиняются и уклоняются от ответа. 45% легко научились варьировать способы запроса информации, не испытывая в этом трудностей. Самый высокий рейтинг оказался у двух упражнений: 1. «Найдите того, кто мог бы ответить на вопрос, если у вас возникают затруднения» (обязательное повторение формулировки вопроса). 2. «Давай спросим...» — начинается с беседы двух адъюнктов, получивших задание по фотографии возможного преступника высказать предположение о совершенном им преступлении. Затем, они обращаются за помощью к любому из присутствующих, включая педагога, и выясняют, что действительно совершил этот человек (у преподавателя есть правильный ответ), выдвигают коллективно или индивидуально свою версию.

Однако 38% опрошенных адъюнктов заявили о неуверенности при необходимости выразить свои мысли в связи с интерпретацией информации теоретического характера, объяснив это тем, что они являются сотрудниками органов МВД, которые уже проработали определенное время следователями, дознавателями, участковыми и т. д., и их деятельность носила в большей степени практико-ориентированный характер, а теоретические аспекты были оторваны от их службы. Поэтому и возникла потребность обучения адъюнктов адаптации текста и его трансформации для дальнейшего использования в речи.

Многолетний опыт работы подтверждает и тот факт, что адъюнкты нуждаются в помощи в процессе отбора лексических единиц и формирования словаря-минимума, создающего основу для дальнейшего изучения и совершенствования языка. Для решения проблемы усвоения лексического и грамматического материала при ограниченном времени такой словарь должен быть эффективным, обеспечивающим наилучший результат в обучении; а также рациональным, т. е. содержать максимум полезной информации при исключении всего второстепенного [16].

К сожалению, жесткие рамки учебных часов заставляют ограничивать сферу профессионально ориентированного общения типичными ситуациями, минимумом коммуникативных намерений. К таковым относятся:

1) запрос информации, понимание ответа и просьба о разъяснении (уточнении);

2) информирование собеседников, понимание уточняющих вопросов и ответы на них;

3) оценка полученной информации.

Чтобы процесс обучения иностранному языку не был рутинным, преподаватели кафедры широко используют интерактивные формы обучения, такие как круглый стол, мозговой штурм, презентация, дискуссия, конкурсы практических работ с их обсуждением, просмотр и обсуждение тематических видеозаписей, деловые и ролевые игры [17; 18; 19; 20].

Деловые и ролевые игры — наиболее интересная форма проведения занятий, особенно в режиме видеоконференц-связи. Полезным также является просмотр узкопрофессиональных фильмов на иностранном языке, сопровождающийся заданиями, направленными на усвоение лексики, грамматики, развитие языковых умений, понимание содержания и т. д. Задания представлены как в аудиорежиме, так и в печатном или электронном варианте. В условиях видеоконференции они предлагаются устно.

Выполнение заданий в разных формах способствует активизации и закреплению учебного материала, а также развивает самостоятельность и творчество, что, в свою очередь, является продуктивным фактором формирования профессиональной коммуникации.

Таким образом, обучение иностранному языку в адъюнктуре БЮИ МВД России сопряжено в большей степени с чтением, навыки сформированности которого служат средством развития профессиональной коммуникации. Подбор текстов носит научно-популярный и профессионально ориентированный характер. Кроме того, посредством чтения приобретаются знания о культуре страны изучаемого языка, основанные на реальных коммуникативных потребностях и программных требованиях обучаемого. На эффективность работы над текстом влияют коммуникативные задания на овладение всеми видами чтения оригинальной литературы, отражающие реальные ситуации профессиональной деятельности адъюнкта. Интерактивные формы организации занятий пробуждают интерес, мотивацию, что также положительно сказывается на развитии профессиональной коммуникации.

На наш взгляд, данная работа открывает ряд перспектив, направленных на активизацию образовательной деятельности адъюнктов в процессе их подготовки к кандидатскому экзамену по иностранному языку. Прежде всего, это разработка и использование активных методов обучения, рекомендации по организации внеаудиторной самостоятельной деятельности, использование проблемного обучения, применение компьютерных технологий и т. д. Существует недостаточность учебно-методического обеспечения по иностранному языку для обучающихся в адъюнктуре, в том числе методических рекомендаций по применению новейших технологий, что должно побудить преподавателей иностранных языков к разработке и внедрению образовательных ресурсов и программ в систему заключительного этапа подготовки кадров — адъюнктуры.

Список литературы

1. Федорова Н. Ю. Технология разработки профессионально ориентированного учебного пособия по иностранному языку для студентов гуманитарных специальностей : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2014. 24 с.
2. Чернова Ю. К., Юхненко Л. В. Технология профессионально ориентированного обучения иностранному языку : монография. М., 2001. 111 с.
3. Вепрева Т. Б. Обучение профессионально ориентированной иноязычной лексике студентов неязыковых специальностей на основе интегрированного курса : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2012. 24 с.
4. Овчинникова О. М. Обучение иноязычному профессионально ориентированному говорению на основе креолизованного текста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2010. 23 с.
5. Пассов Е. И. Теория методики: цель и содержание иноязычного образования. Липецк, 2013. 452 с.
6. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранному языкам: теория и практика. М., 2009. 277 с.
7. Левитан К. М. Основы педагогической деонтологии : учеб. пособие для высш. шк. М., 1994. 190 с.
8. Байденко В. И., Зантворт Ван Дж. Новые методы и подходы к организации образовательного процесса: (Подход, ориентированный на цели): Офис проекта ДЕЛФИ, Москва, февр. 2001. М., 2011. 79 с.
9. Горицкая Г. В. Формирование профессиональной культуры адъюнктов высших военно-учебных заведений в лингвообразовательном процессе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 24 с.
10. Неклюдова Д. В. Проектирование содержания учебных курсов в процессе послевузовской подготовки специалистов в области инженерно-геологических изысканий : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 24 с.
11. Куркина А. Ю. Методика формирования межкультурной компетенции при обучении пониманию инокультурного дискурса современной прессы (немецкий язык) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 19 с.
12. Пушкина Г. Г. Подготовка к сдаче кандидатского экзамена по иностранному языку // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2012. № 4(8). С. 80–82.
13. Левина Е. В. О роли теоретического курса при обучении профессиональной коммуникации в специальном вузе // Формирование коммуникативной иноязычной компетенции : сб. науч. тр. М., 1999. Вып. 437. С. 127–134.
14. Королькова Е. В. Педагогические условия индивидуализации самостоятельной работы студентов (на материале иностранного языка) : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2004. 195 с.
15. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие. М., 2006. 300 с.
16. Зензеров В. Н., Курпешко Н. Н., Кретьова Л. Н. English for postgraduates : учеб.-метод. пособие. Новосибирск, 2016. 235 с.
17. Гаманко Р. А. Коммуникативная задача профессионального общения на иностранном языке студентов технического вуза // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 1. С. 18–19.
18. Мазнева Ю. А. Об интерактивных формах проведения занятий по английскому языку в Ростовском юридическом институте МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 45–50.
19. Blair R. Innovation approaches to language teaching. New York, 2010. 252 p.
20. Mitchell P. StoryLine Method in foreign language teaching: history and major principles // Language and culture. 2013. № 2(24). P. 101–109.

Поступила 31.08.2017

Learning Reading Skills and Professional Communication in Foreign Language at Post-Graduate Courses of the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Gnezdilova Evgenia V.,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the department of Foreign Languages, Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Barnaul, Russia. e-mail: korol_evgenia@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of training post-graduates in their preparation for the candidate of sciences examination (PhD exam) in foreign language. The author notes the importance of linking reading instruction and professional communication. Reading in foreign language is a means of satisfying communicative and academic needs. Reading skills influence the development of professional communication. When selecting text material professional orientation of training is considered, which requires the use of legal, scientific, criminological, historical texts. The text is a theme and an act of communication; it contains lexical and grammatical material and serves as a model of native speakers' verbal communication. The key to the effectiveness of working over the text are communicative tasks for mastering all kinds of reading authentic literature and communication skills. These communicative tasks reflect the real situations of post-graduates' professional activities and are the means of controlling their speech acts. The time spent on practical classes is insufficient; therefore it is necessary to have a clear structuring and minimization of lexical and grammatical material by compiling a "minimum dictionary" and limiting the sphere of professionally-oriented communication. This is accomplished through selection of typical situations, the minimum of necessary communicative intentions taken into account.

Keywords: professional communication; reading; foreign language; post-graduate courses; foreign language oral communication; profession-based approach; candidate of sciences examination (PhD exam).

Citation: Gnezdilova E. V. Learning Reading Skills and Professional Communication in Foreign Language at Post-Graduate Courses of the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in law enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 86–89.

References

1. Fedorova N. Yu. Technology of development of professionally-oriented textbooks in foreign language for students of humanitarian specialties. Extended abstract of candidate of sciences thesis. St. Petersburg, 2014. 24 p. (In Russ.)
2. Chernova Yu. K., Yukhnenko L. V. Technology of professionally-oriented foreign language teaching. Moscow, 2001. 111 p. (In Russ.)
3. Vepreva T. B. Teaching of professionally-oriented foreign language vocabulary to the students of non-language specialties on the basis of the integrated course. Extended abstract of candidate of sciences thesis. St. Petersburg, 2012. 24 p. (In Russ.)
4. Ovchinnikova O. M. Teaching foreign language professionally-oriented speaking on the basis of a creolized text. Extended abstract of candidate of sciences thesis. Yekaterinburg, 2010. 23 p. (In Russ.)
5. Passov E. I. Theory of methodology: purpose and content of foreign language education. Lipetsk, 2013. 452 p. (In Russ.)
6. Kitaigorodskaya G. A. Intensive foreign language teaching: theory and practice. Moscow, 2009. 277p. (In Russ.)
7. Levitan K. M. Basics of pedagogical deontology. Moscow, 1994. 190 p. (In Russ.)
8. Baydenko V. I., Jerry van Zantvoort. New methods and approaches to organization of educational process: (Approach the goals): the project Office, DELPHI, Moscow, Feb. 2001. Moscow, 2011. 79 p. («The results of the project TACIS «Development of educational links and initiatives in the field of higher and vocational education DELPHI / TACIS»: Talk 2. (In Russ.)
9. Goritskaya G. V. Formation of professional culture of scientific and pedagogical personnel of the higher military educational institutions in the linguistic and educational process. Extended abstract of candidate of sciences thesis. Moscow, 2011. 24 p. (In Russ.)
10. Neklyudova D. V. Designing the content of training courses in the process of postgraduate training of specialists in the field of engineering-geological surveys. Extended abstract of candidate of sciences thesis. Moscow, 2015. 24 p. (In Russ.)
11. Kurkina A. Yu. Methods of formation of inter-cultural competence in teaching understanding of other cultures of the discourse of modern media (German language). Extended abstract of candidate of sciences thesis. Moscow, 2015. 19 p. (In Russ.)
12. Pushkin G. G. Preparation for passing candidate of sciences examination in a foreign language. *Humanities. The Bulletin of the financial University*. No. 4(8). 2012. P. 80–82. (In Russ.)
13. Levina E. V. On the role of the theoretical course in the training of professional communication in a special higher school. *Foreign language communicative competence*. Issue 437. Moscow, 1999. P. 127–134. (In Russ.)
14. Korolkova E. V. Pedagogical conditions of individualization of students' independent work (in foreign language). Extended abstract of candidate of sciences thesis. Barnaul, 2004. 195 p. (In Russ.)
15. Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Introduction to the theory of inter-cultural communication. Moscow, 2006. 300 p. (In Russ.)
16. Senzerov V. N., Kurpeshko N. N., Kretova L. N. English for postgraduates. Novosibirsk, 2016. 235 p. (In Russ.)
17. Gamanko R. A. Communicative task of professional communication in a foreign language of students of technical University. *International journal of experimental education*. No. 1. 2010. P. 18–19. (In Russ.)
18. Mazneva Yu. A. On interactive forms of conducting classes in English in the Rostov Law Institute of the MIA of Russia. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70). 2017. P. 45–50. (In Russ.)
19. Blair R. Innovation approaches to language teaching. New York, 2010. 252 p.
20. Mitchell P. StoryLine Method in foreign language teaching: history and major principles. *Language and culture*. No. 2(24). 2013. P. 101–109.

Особенности формирования концептов, относящихся к профессиональной деятельности курсантов вуза МВД, в ситуации учебного билингвизма

Алферова Юлия Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Омской академии МВД России

Омск, Россия. e-mail: yuliya_alferova@mail.ru

Статья посвящена особенностям формирования концептов в языковом сознании учебного билингва — курсанта вуза МВД. Предлагается обращаться к методу психолингвистического описания языка в целях выявления содержания языковых знаков, структур и особенностей их взаимодействия в процессе формирования концептов, связанных с правоприменением, при изучении английского языка. Практическая направленность исследования, основанного на принципах психолингвистики, когнитивной лингвистики, заключается в том, что его результаты могут быть использованы при составлении тематических словарей как преподавателями, так и самими обучающимися, поскольку детальное описание взаимосвязи тех или иных концептов с указанием «промежуточных звеньев» помогает выстроить смысловое, семантическое, ассоциативное пространства, находящиеся за языковым знаком. Анализ одних и тех же концептов, реконструированных на основе данных ассоциативного эксперимента, научного дискурса, художественных текстов, позволяет сравнить компоненты концепта, актуальные для носителя языка и для учебного билингва. Концепты, представленные единицами английского и русского языков, сопоставлялись на предмет влияния сформированной концептосферы на родном языке на формирование концептов из этой же области на изучаемом иностранном языке.

Ключевые слова: языковое сознание; учебный билингвизм; курсанты вуза МВД; концепт; ассоциации; ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Алферова Ю. И. Особенности формирования концептов, относящихся к профессиональной деятельности курсантов вуза МВД, в ситуации учебного билингвизма // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 90–94.

Особенности формирования концептов в языковом сознании учебного билингва представляют интерес для преподавателя иностранного языка, цель которого — повысить эффективность освоения иноязычной картины мира, приблизить овладение языком не просто к хорошему уровню знания грамматических правил, словоупотребления и др., но и к умению думать на изучаемом иностранном языке. Для этого преподавателю важно создавать условия для расширения смыслового, семантического, ассоциативного пространств, находящихся за языковым знаком в сознании учебного билингва. Результаты подобных исследований могут использоваться при составлении тематических словарей как преподавателями, так и самими обучающимися, поскольку детальное описание взаимосвязи тех или иных концептов с указанием «промежуточных звеньев» помогает получить более полное представление о том, что может стоять за одним словом.

Настоящее исследование проводится на стыке нескольких наук: психолингвистики, когнитивной лингвистики, методики преподавания иностранных языков.

Теоретическими предпосылками исследования послужили работы, посвященные проблемам языкового сознания [1, с. 47–56; 2; 3, с. 4–5, 17; 4, с. 84 и др.], психолингвистическому подходу к слову [5, с. 123; 6, с. 26–29 и др.], проблеме соотношения компонентов определенного концепта в сознании билингва [7, с. 176; 8, с. 5–18 и др.].

При обучении иностранному языку преподаватель не может опираться только на традиционный лингвистический подход к языковым явлениям. Обычно требуется сочетать несколько подходов. В данном случае речь идет о семантико-когнитивном [9, с. 15] и традиционном лингвистическом подходах к языку. В целях обучения тому

языку, что уже зафиксировано в словарях, текстах, письменной и устной речи, применяется традиционное лингвистическое описание языковых явлений, которое предполагает обобщенное описание значений и употребление языковых единиц и структур. Изучение же семантики языковых знаков позволяет и формировать концептосферу индивида, и исследовать ее.

С помощью психолингвистического описания языка можно выявить содержание языковых знаков, структур и особенности их взаимодействия в процессе формирования концептов, связанных с правоприменением, при изучении английского языка.

Цель исследования — изучить и оценить особенности формирования концептосферы, связанной с правоприменительной деятельностью, у курсанта в ситуации учебного билингвизма для дальнейшего развития его иноязычных компетенций.

Объект исследования — языковое сознание учебного билингва (курсанта вуза МВД). Предмет исследования — когнитивные структуры, содержащие профессионально маркированные языковые компоненты концептов, относящиеся к правоприменительной деятельности, выявленные на сопоставительном материале, а также особенности их формирования в условиях учебного билингвизма.

Методы исследования: *анализ компонентов концепта* — при составлении смысловых полей исследуемых концептов, полученных на основе данных художественных текстов; *дефиниционный анализ* — при составлении смысловых полей исследуемых концептов, полученных на основе данных словарных статей и других материалов научного характера; *ассоциативный эксперимент* — для выявления актуальных компонентов изучаемых концептов в языко-

вом сознании билингва; *статистический анализ* — для обработки данных экспериментов; *метод письменной рефлексии* — мини-сочинения респондентов; *сопоставительный анализ* — для выявления специфики когнитивных структур, характерных для сознания формирующегося билингва, в ситуации с родным языком и с иностранным; для выявления специфики структур языкового сознания (будущего) профессионала правоприменения и обывателя в ситуации формирования концептов из области правоприменительной деятельности.

В качестве средства выявления актуальных компонентов концепта в языковом сознании билингва используется доказавший свою эффективность в психолингвистическом описании языковых явлений метод ассоциативного эксперимента [9, с. 33]. Данный метод применяется автором с 2002 г. по настоящее время и позволяет устанавливать постоянные компоненты концептов и фиксировать изменения. При проведении первых экспериментов респондентами являлись курсанты, слушатели, студенты Омской академии МВД России, учащиеся Сибирского казачьего юридического колледжа, студенты Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (возраст респондентов составил 17–35 лет). Респондентам было предложено записывать слова-ассоциаты на слово-стимул «преступление» (русский язык) и слова-ассоциаты на слово-стимул «crime» на английском языке. В дальнейшем в ассоциативные и семантические эксперименты включались слова-стимулы, которые вошли в ядро концептов «преступление» и «crime» по результатам первых экспериментов, а также по результатам анализа модели концепта, построенной на основе лексикографических источников и литературных произведений детективного жанра. В число слов-стимулов вошли: *преступление/crime, преступник/a criminal, подозреваемый/a suspect, совершение/commission, расследование/investigation, арест/arrest, наказание/punishment, алиби/alibi, оружие/weapon*. Именно данные лексемы оказались в числе наиболее частотных реакций в предварительных ассоциативных экспериментах или в числе языковых знаков наиболее значимых элементов концепта, модель которого была реконструирована на основе текстов научной литературы и произведений детективного жанра. Кроме того, их актуальность подтверждалась обратными ассоциативными экспериментами.

При проведении ассоциативных экспериментов регистрировались тип реакции, частота однотипных ассоциаций. Для выявления профессионально ориентированных признаков концептов участники экспериментов были условно разделены на две группы: русскоязычные респонденты будущие юристы-профессионалы и респонденты, чья будущая профессиональная деятельность не связана с расследованием преступлений или правоприменением. В экспериментах в период с 2002 г. по 2005 г. участвовало 506 респондентов, чей родной язык — русский. 186 участников эксперимента (формирующихся искусственных билингвов) давали английские ассоциации на английские корреляты слов-стимулов. В дальнейшем в целях сопоставления языкового сознания учебного билингва и носителя английского языка в экспериментах

были задействованы сотрудники полиции, чей родной язык — английский (20 респондентов). В целях выявления динамики концептов каждый год опрашивались новые респонденты, в основном будущие и действующие сотрудники полиции (их число увеличилось на 100 человек). Общее количество проанализированных реакций, данных на английском языке, свыше 6000, на русском — более 9000. Для анализа модели концепта, построенной на основе литературных произведений детективного жанра и научной литературы, автором также изучался новый материал (более 200 источников). В последних исследованиях (за 2017 г.), направленных на выявление актуальных признаков концептов *prevention, crime и punishment*, участвовали 76 респондентов, будущих сотрудников правоохранительных органов, изучающих английский язык как иностранный.

В настоящей работе приведены результаты анализа только тех концептов, связанных с правоприменительной деятельностью, где ранее была выявлена связь с концептом *police* (полиция). Систематизация, семантическое описание языковых средств, вербализующих концепт *police* (полиция), помогают выделить когнитивные признаки, используя которые можно моделировать концепт.

Чтобы оценить, насколько концепты из области правоприменительной деятельности, сформированные в сознании учебного билингва, соответствуют аналогичным концептам в сознании носителя языка, изучались актуальные компоненты исследуемых концептов на материале художественных произведений детективного жанра, научного дискурса, словарей на английском языке.

Модель концепта *police* по данным англоязычных текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *наименования департаментов; наименования самих специалистов; деятельность полиции (следственные действия; действия, направленные на розыск преступника, на опознание потерпевшего; осмотр места преступления в целях нахождения улик); деятельность полиции, направленная на поиск оружия; деятельность полиции по отношению к преступнику; оружие полиции, средства, используемые полицией для работы; характеристика правонарушителя; тип преступника; характеристика преступления; негативная характеристика полицейского; сравнение полицейского с обывателем; позитивная характеристика полицейского; оценка качества работы полиции; оценка профессиональных качеств полицейского; оценка деятельности полиции обществом; оценка дела; внешность детективов; обесцененность жизни*. Следует отметить разнообразие видов деятельности полиции.

Далее приведены данные прямого ассоциативного эксперимента, семантического эксперимента и анализ письменных работ курсантов. Наиболее стабильным компонентом концепта (ядром) оказались виды деятельности полиции (причем профессиональная ориентированность отражает детальное описание этого спектра): *combat crime, combat criminals, criminal investigation, investigate crimes, provide law and order etc*. Сюда же можно отнести и определение полиции как организации, осуществляю-

щей правоохранительную деятельность (*law enforcement organization*). Важно, что курсанты выделяют такие задачи полиции, как необходимость защиты полицией прав и свобод человека (*safety/ secure/ protection (protect) of human rights, liberties, freedoms; protect public*).

Актуализация признаков, свойств, присущих полиции, характерна для периферии концепта и представлена единично: (*responsibility etc.*). Ассоциирование полиции и с органами власти (исполнительной), и с полномочиями, обязанностями, и с силой отражено в следующих словосочетаниях: *power, highest authority in society*.

О влиянии изученного материала на занятиях по английскому языку на формирование такой важной составляющей концепта *police*, как «круглосуточная доступность», свидетельствует наличие следующей ассоциации: *people first apply to*. Связь с обществом находит отражение и в ассоциации *communication with society*.

Связь концепта *police* с концептом *crime* актуализируется через деятельность полиции, направленную на борьбу с преступностью (*investigation, prevention / to prevent, to solve/solution, detection/to detect, to make a record, to bring a criminal action, to combat, punishment*). Что касается представителей системы правосудия и правоохранительных органов, то следует отметить, что список ассоциаций не ограничился только общим названием «полиция». Если сравнивать в этом плане языковое сознание профессионала правоприменения и языковое сознание обывателя, то количественно ассоциации, относящиеся к стороне расследования и системе правосудия, для обеих категорий составляют 5%, но для респондентов первой группы список ассоциаций не ограничился только общим названием «полиция», он представлен гораздо шире: *an investigator, a policeman, a medical expert, a plain-clothes man, CID, an operative*”.

На русском языке субъект расследования, в том числе *полиция*, представляет ближайшую периферию в сознании обывателя, и составляет малую долю ассоциаций, данных курсантами. Но это не свидетельствует об отсутствии связи концептов «расследование» и «полиция» в языковом сознании учебного билингва. Взаимосвязь выявлена косвенная, а именно через деятельность полиции, причем разнообразие ассоциаций, данных курсантами, указывает на сформированность предметно-понятийного компонента концепта «расследование». Ближайшая периферия (26,5%) ассоциативного поля «расследование» в профессиональном языковом сознании представлена глаголами с узким профессиональным значением: *раскрывать (преступление), доказывать, наказывать (виновного), собрать доказательства, допрашивать, проводить дознание, изучать материалы (уголовного дела), обвинять, производить процессуальные действия, процессуально оформить дело, доказывать вину, вести следствие, устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, осматривать, фотографировать, фиксировать* и т. д. Глаголы с узким профессиональным значением представлены и в общеязыковых ассоциациях, но их доля составляет 8,9%. Сформированность предметно-понятийного компонента концепта на русском языке повлияла и на особенности формирова-

ния аналога того же концепта на английском языке. Здесь ассоциации этой категории составили ядро концепта: (*interviewing/questioning/interrogation/to interrogate/interview, to (a) search (for) (a suspect), detection/crime detection/detection of a criminal, to search/observe a crime scene/crime scene search/investigation/examination, to collect evidence, to make a record, to solve a crime (quickly), to bring a criminal action, to detect crime, to establish corpus delicti, to apprehend, to search for evidence*) — 32,3%. Субъект расследования отражен в 14,8% ассоциаций, характерных для языкового сознания профессионала правоприменения (*an investigator, a detective, a bobby-handler, CID, an operative, a police officer, cop, MIA, Investigation Department, an investigator's office, police, a sleuth, a plain-clothes man, a field-criminalist, an interrogator, a medical expert*). Для обывателя ассоциации, отражающие субъект расследования, в том числе *полицию*, составили ядро ассоциативного поля.

Анализ произведений детективного жанра на английском языке показал взаимосвязь таких концептов, как *witnesses* и *police*, реализованную через положительный опыт сотрудничества, что дает право говорить о работе программы защиты свидетелей в англоязычных странах.

Модель смыслового поля концепта *investigation* по текстам художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *неофициальность расследования; конкретизацию действий, выполняемых полицией*. Актуализация концепта *investigation* в текстах художественных произведений детективного жанра является фоном при актуализации концепта *police*.

Ассоциативное поле концепта *investigation* в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *деятельность правоохранительных органов; объяснение этого концепта через универсальные действия; субъект расследования (an investigator, a detective, a bobby-handler, CID, an operative, a police officer, cop, MIA, Investigation Department, an investigator's office, police, a sleuth, a plain-clothes man, a field-criminalist, an interrogator, a medical expert)*.

Следует отметить, что на занятиях по иностранному языку элементы свободного и направленного ассоциативных экспериментов находят отражение в заданиях на составление словосочетаний, предложений, кратких высказываний с включением слов-стимулов, номинирующих исследуемые концепты, а также написание мини-сочинений (как вид письменной рефлексии над определенным концептом).

На последних этапах исследования автор, исходя из повседневных наблюдений за функционированием языка в ситуации учебного билингвизма, изучал смысловое поле концепта *prevention* на основе сопоставления информации о методах предотвращения преступлений, представленной в научном дискурсе, с данными ассоциативных экспериментов, в которых словами-стимулами были *crime* и *punishment*, и содержанием мини-сочинений (в рамках письменной рефлексии над концептом *prevention*). Следует сказать, что разнообразие материалов, используемых на занятиях, их актуальность оказали влияние на ответы респондентов: например, указывается на большое коли-

чество участников, задействованных в решении проблемы предотвращения преступности (*residents, psychologists, parents, children, citizens*). Ответы респондентов, в которых отражена необходимость изменения условий (экономических, социальных), совпадают с актуализацией определенных компонентов концептов в научном дискурсе на английском языке: обучение, воспитание в школе, вовлечение в разные виды деятельности в свободное время, развитие возможностей для активного участия в общественной жизни, трудоустройства, занятости и т. д.). Например, после просмотра большого количества видеосюжетов о миссиях ООН в странах Африки, где затрагивается болезненная и постыдная для мирового сообщества проблема участия детей в военных действиях, ассоциации обучающихся были связаны с развитием возможностей для возвращения в «нормальную» жизнь, особым подходом к школьному обучению таких детей, включением определенных дисциплин в программу обучения в целях их реабилитации. Изучение концепта *prevention* (предотвращение) (во время просмотра видеосюжетов и аудирования специальных текстов) фокусировалось на мерах защиты объекта от посягательства (например, технические меры профилактики преступности — различные средства и приспособления, препятствующие проникновению в хранилища, жилища, служебные помещения для совершения краж). По результатам экспериментов и опросов на английском языке чаще наблюдались гипонимические отношения между лексическими единицами, «овнешняяющими» данный концепт: *locks on the windows, door chain, asking for a license (when some specialist comes to you to, for example, an electrician), keeping valuable items from other people's sight*. Респонденты конкретизируют методы предотвращения преступности в зависимости от типа преступления (против личности, против собственности, кража, нападение на улице и т. д.), что доказывает влияние сформированности концептов в языковом сознании учебного билингва как первичной языковой личности на особенности развития концепта в его сознании как вторичной языковой личности.

Можно утверждать, что в языковом сознании курсанта формируются профессионально маркированные когнитивные структуры. Основанием для этого служит наличие ассоциаций, репрезентированных термино-ориентированными языковыми знаками. В ассоциативных полях, реконструированных на основе данных эксперимента, актуализируются связи концептов с правоприменительной деятельностью, нормативно-правовыми актами, положениями уголовного кодекса. Высокий уровень стереотипности ассоциаций, указанных курсантами, говорит о наличии стабильных компонентов в профессиональном языковом сознании, обусловленных совместной деятельностью респондентов, содержанием изучаемых ими дисциплин. Принадлежность множества ассоциаций к ядру ассоциативного поля в профессиональном языковом сознании свидетельствует о большей стереотипности этого фрагмента сознания по сравнению с сознанием обывателя.

Поскольку знания неразрывно связаны с мыслительным процессом, являются неотъемлемой его частью, знания в области права, приобретаемые курсантами вуза

МВД, оказывают влияние на формирование концептов, связанных с их профессиональной деятельностью, определенным образом. В научном дискурсе и в англоязычных текстах актуализируются следующие компоненты концепта *crime*: противозаконность, наказуемость преступления, *деятельность правоохранительных органов*. По результатам ассоциативного эксперимента у учебного билингва (будущего сотрудника правоохранительных органов) ядро ассоциативного поля концепта *преступление* составляют ассоциаты, конкретизирующие типы преступлений, к ближайшей периферии относятся ассоциаты, отражающие *противоправность деяния; бездействие, предусматривающее уголовное наказание*. На английском языке к ядру ассоциативного поля концепта *crime* также относятся конкретные типы преступлений (*murder, rape, violence, robbery, theft, kidnapping, burglary, stealing, arson, to kill, terrorism, explosion, manslaughter* и т. д.) и противоправный характер деяния (*illegal, to act against the law, to break law*). Ближайшая же периферия представлена *деятельностью правоохранительных органов*. В то же время следует указать на особенность формирования концепта на иностранном языке в ситуации учебного билингвизма: практика словоупотребления повлияла на формирование ближайшей периферии концепта *crime* (*investigation, prevention, (crime) solution, detection/to detect, to make a record, to bring a criminal action, to combat, punishment, to prevent*). Связь концепта *police* с концептом *crime* актуализируется через деятельность полиции, направленную на борьбу с преступностью.

Ассоциативные эксперименты показывают, что и на английском, и на русском языке в ситуации учебного билингвизма в основном актуализируются предметно-понятийные признаки концепта, относящегося к области профессиональной правоприменительной деятельности респондентов. В то же время эти признаки более детально проявляются в конкретизации действий правоохранительных органов, агенса (по отношению к слову-стимулу, выражающему концепт), конкретизации преступления либо обобщении (на слова-стимулы, выражающие конкретные типы правонарушителя, дается ассоциация *criminal*). Это свидетельствует о сформированности изучаемых концептов в соответствии с тем, как они представлены в англоязычных текстах, словарях. Это также доказывает влияние инокультурной концептуализации действительности на сформированное и (или) формирующееся языковое сознание учебного билингва. Интересно отметить, что актуализируется и эмоционально-оценочный компонент: практически все респонденты, хотя бы единично, представляют ассоциации с эмоциональной окраской. Таким образом, можно говорить и о влиянии индивидуального знания на формирование концепта в языковом сознании учебного билингва.

Профессиональная деятельность сотрудников правоприменения накладывает отпечаток на их мировоззрение и находит отражение в системе концептов, объединяющих группы людей по профессиональному и социальному признакам. Данные выводы коррелируют с исследованиями в области правосознания. Так, М. К. Ардавов и Ж. М. Гетокова доказывают гипотезу

о том, что «при прочих равных условиях системное обучение юриспруденции способствует формированию у обучаемых правового стиля мышления» [10, с. 4].

Формирование концептосферы учебного билингва происходит благодаря и оптимальной организации учебной деятельности, выбору ее видов преподавателем на основе определенной совокупности заданий, концентрирующихся на умении выстраивать ассоциативные связи, работать с дефинициями. Например, из дефиниции выбираются отдельные слова, устанавливаются их значения и выстраивается ассоциативный ряд (как в случае с направленным ассоциативным экспериментом), который в дальнейшем можно использовать для составления фразового единства. Представление профессионально ориентированной лексики проводится с опорой на широкий контекст, с привлечением современных материалов (из средств массовой информации, актуальных в данный период), а не только словарей (лексикографическое описание языка).

Владение двумя языками в равной степени накладывает отпечаток на мышление человека и на формирование языковых связей. Результаты ассоциативных экспериментов показывают, что языковые связи в сознании билингва закрепляются в зависимости от языкового опыта, полученного на данном языке.

Список литературы

1. Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь, 2002. 194 с.
2. Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003. 320 с.
3. Mitchel A. Do Bilinguals Access a Shared or Separate Conceptual Store? Creating False Memories in a Mixed-Language Paradigm. Psychology Honors Projects. Paper 1. (2005). 50 p.
4. Jackendoff R. Language, Consciousness, Culture. Cambridge, 2007. 403 p.
5. Залевская А. А. Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005. 543 с.
6. Кубрякова Е. С. О формировании значения в рамках семиозиса // Когнитивные аспекты языковой интеграции. Рязань, 2000. С. 26–29.
7. Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов, 2002. 228 с.
8. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2001. С. 5–18.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с.
10. Ардавов М. К., Гетокова Ж. М. Правовое мышление как необходимая предпосылка службы в органах внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 1(15). С. 3–9.

Поступила 25.12.2017

Formation of law enforcement-related concepts in situation of artificial bilingualism

Alferova Yulia I.,

Candidate of Sciences (Philology), associate-professor at the department of foreign languages, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs Omsk, Russia. e-mail: yuliya_alferova@mail.ru

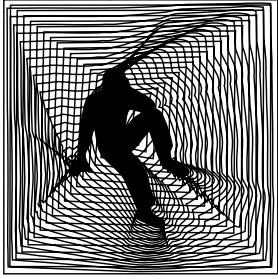
Abstract. The author focuses on peculiarities of concept-formation in situation with learner-bilinguals who study at the MIA educational institutions. The psycholinguistics approach used to describe linguistic phenomena is considered the most reasonable and effective. The specifics of law enforcement-related concepts in linguistic consciousness of a police cadet is revealed via reconstructions of these concepts on the basis of analyzing scientific texts, respondents' associations, detective stories. The results of the attempted research prove the influence of some components of the studied concepts on the formation of these concepts in linguistic consciousness of an artificial bilingual in learning environment. The author finds it necessary for the teacher to create the conditions for expanding the meaning, semantic and associative fields behind a word in the bilingual's consciousness.

Keywords: linguistic consciousness; artificial bilingualism; police cadets; concept; associations; associative experiment.

Citation: Alferova Yu. I. Formation of law enforcement-related concepts in situation of artificial bilingualism. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72) 2018. P. 90–94.

References

1. Zalevskaya A. A., Medvedeva I. L. Psycholinguistics Problems in Learning Bilingualism. Tver, 2002. 194 p. (In Russ.)
2. Gorelov I. N. Selected Works on Psycholinguistics. Moscow, 2003. 320 p. (In Russ.)
3. Mitchel Aaron, Do Bilinguals Access a Shared or Separate Conceptual Store? Creating False Memories in a Mixed-Language Paradigm. Psychology Honors Projects. Paper 1. (2005). 50 p.
4. Jackendoff R. Language, Consciousness, Culture. Cambridge, 2007. Mitchel. 403 p.
5. Zalevskaya A. A. Word. Text. Selected Works. Moscow, 2005. 543 p. (In Russ.)
6. Kubryakova Ye. S. On Formation of the Meaning within Semiosis. Cognitive Aspects of Language Integration. Ryazan, 2000. P. 26–29. (In Russ.)
7. Fessenko T. A. Specifics of National Cultural Space in the Mirror of Translation. Tambov, 2002. 228 p. (In Russ.)
8. Zalevskaya A. A. Concept as Possession of a Person. *Psycholinguistics Studies concerning Word and Text*. Tver, 2001. P. 5–18. (In Russ.)
9. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive Linguistics. Moscow, 2007. 314 p. (In Russ.)
10. Ardavov M. K., Getokova Zh. M. Legal Thinking as a Relevant Condition for Law Enforcement Service. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(15). 2001. P. 3–9. (In Russ.)

ПСИХОДИАГНОСТИКА И ПОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Personality psychodiagnostics and cognition

УДК 159.9.072.533 © С. В. Горностаев, 2018

Особенности служебного положения и деятельности как факторы служебной лояльности

Горностаев Станислав Викторович,

кандидат психологических наук, доцент, докторант Академии ФСИН России
Рязань, Россия. e-mail: stanislavrz@yandex.ru

Наряду с универсальными факторами возникновения и функционирования лояльности различным группам, существуют также и специфические факторы, влияющие на развитие лояльностей группам, функционирующим в отдельных сферах. В качестве специфических в профессионально-служебной сфере рассматриваются положение сотрудника в служебной иерархии и степень его участия в непосредственной работе с гражданами и их ситуациями. Эмпирическое исследование сотрудников пенитенциарной системы России, проведенное с использованием авторского варианта методики цветowych метафор, продемонстрировало связь данных факторов с особенностями служебной лояльности. У обследованных служащих, непосредственно работающих с гражданами, чаще встречаются сформированные лояльности в профессионально-служебной сфере. Группы лояльности удовлетворяют у служащих, непосредственно работающих с гражданами, более широкий круг потребностей, чем у служащих, организующих и контролирующих работу. Группы лояльности чаще ассоциируются у них с идеалами государственной службы, что объясняется эмоциональностью деятельности и возможностью наблюдать ее общественно значимые результаты. Исследование выявило отличия в структуре служебной лояльности, мотивации отдельных лояльностей и их связи с идеалами государственной службы у служащих, занимающих различные уровни в служебной иерархии. В частности, установлено, что у служащих, относящихся к категории рядовых сотрудников, все группы лояльности в служебной сфере ассоциируются с идеалами государственной службы — законностью, справедливостью и общим благом. Большинство потенциальных групп служебной лояльности также ассоциируется с идеалами государственной службы у руководителей среднего звена.

Ключевые слова: группы; лояльность; служебная лояльность; служебный статус; ценности государственной службы; мотивы лояльности; диагностика лояльности.

Для цитирования: Горностаев С. В. Особенности служебного положения и деятельности как факторы служебной лояльности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 95–101.

Лояльность как причастность личности к группе на взаимосвязанных уровнях самоопределения, групповых эмоций, а также мотивации, направленности и процессов групповой активности — социально-психологический феномен, возникающий и развивающийся в конкретных социальных условиях.

В отличие от общей психологической теории лояльности [1], имеющей прежде всего теоретико-методологическое, гносеологическое значение, частные концепции лояльности выступают связующим звеном между теоретическими положениями и конкретной областью практики, дают возможности и инструменты для применения теоретических положений в целях достижения практических результатов в конкретной сфере человеческой активности.

В разработанной автором частной концепции служебной лояльности применяются общие положения интегральной психологической теории лояльности в контексте профессионально-служебной деятельности. Она демонстрирует, как психологические факты, закономерности и механизмы, описанные в психологической те-

ории лояльности, воплощаются в условиях государственной службы, в том числе и правоохранительной, в то же время концепция определяет и специфические факторы лояльностей, формирующихся в служебной сфере.

К числу таких факторов на основе проведенного теоретического анализа [2–19] были отнесены:

1) степень непосредственного взаимодействия с гражданами и их проблемами в ходе решения служебных задач. На основании этого критерия, популярного особенно в зарубежной литературе, для последующего сравнения были выделены две категории: а) служащие, чаще всего обозначаемые западными учеными как «street-level» или «front-line government workers», сталкивающиеся с частными и конкретными ситуациями, делами, людьми; б) служащие, работающие с той или иной проблематикой или направлением в целом, организующие, направляющие и контролирующие деятельность служащих категории «а». Так как эмпирическое исследование проводилось на базе уголовно-исполнительной системы (далее — УИС), с данными категориями были сопоставлены соответственно со-

трудники ее учреждений (категория «а») и территориальных органов (категория «б»);

2) уровень или статус сотрудников в служебной иерархии государственного учреждения или органа. На основании изучения организационно-штатной структуры УИС были выделены и проанализированы особенности лояльностей у сотрудников, отнесенных к пяти статусным категориям: первых руководителей учреждений и территориальных органов УИС; их заместителей; начальников и заместителей начальников отделов и служб; начальников подразделений осужденных; служащих, не являющихся руководителями (специалистов различных уровней).

Была проанализирована связь этих двух факторов с особенностями служебной лояльности, диагностированными при помощи авторского варианта Методики цветowych метафор (далее — МЦМ) [20; 21].

В первую очередь были сопоставлены данные о ведущих лояльностях и факторах их формирования в учреждениях и территориальных органах УИС.

Чаще всего у сотрудников территориальных органов ФСИН России сформированы лояльности таким группам, как «Друзья по службе» и «Сообщество профессионалов» (49 и 47% соответственно). Почти в 45% случаев эти понятия обозначались сотрудниками территориальных органов одним и тем же цветом, т. е. они воспринимают их близкими по содержанию. Чуть реже встречаются сформированные лояльности группам «Мое подразделение» и «Сотрудники УИС», еще реже — «Коллектив в целом» и «Сотрудники правоохранительных органов». Сравнительно малой лояльностью пользуется группа «Карьерная команда», еще меньшей — «Клиенты по службе».

Сотрудники, проходящие службу в учреждениях уголовно-исполнительной системы, наибольшую лояльность (59%) проявляют к группе «Друзья по службе», а также группам «Сообщество профессионалов» и «Мое подразделение» (по 51%).

В ходе анализа сопряженности с использованием теста хи-квадрат Пирсона было установлено, что лидирующие группы служебной лояльности ассоциируются у сотрудников учреждений УИС с большим количеством мотивов, чем у сотрудников территориальных органов УИС. У сотрудников учреждений с ними оказались статистически связаны ($p \leq 0,01$) практически все возможные мотивы лояльности — как к комфортности от пребывания в группе, так и к возможности самореализации в социуме в ее составе, в то же время в выборке сотрудников территориальных органов УИС ряд возможных мотивов лояльности (гордость, новизна, покой, выгода и др.) не показал статистической значимости связи ($p \leq 0,01$) с группами лояльности.

То, что у служащих учреждений группы лояльности удовлетворяют более широкий круг потребностей, можно объяснить большей степенью эмоциональности и интенсивности деятельности. Этим же объясняется описанный выше факт, что сформированные лояльности в служебной сфере встречаются у сотрудников

учреждений чаще, чем у сотрудников территориальных органов УИС. На данный результат мог оказать воздействие и фактор расположения территориальных органов УИС в административных и одновременно культурных центрах регионов, создающих благоприятные условия для удовлетворения личностью потребностей в различных группах вне службы. Однако установить степень влияния того или иного фактора не представилось возможным.

Наибольшей практической ценностью обладают результаты анализа связи в сознании служащих различных групп, существующих в профессионально-служебной среде, с идеалами государственной службы. В ходе анализа статистической значимости связи потенциальных групп лояльности сотрудников территориальных органов и учреждений УИС с идеалами государственной службы (законность, справедливость и общее благо) было выявлено, что у сотрудников учреждений каждая из потенциальных групп служебной лояльности статистически значимо ($p \leq 0,05$) связана с этими идеалами, в то время как у сотрудников территориальных органов ряд групп лояльности не показал статистически значимой ($p \leq 0,05$) связи с идеалом государственной службы «общее благо» (группа «Коллектив в целом» — $p = 0,164$; группа «Сотрудники правоохранительных органов» — $p = 0,068$; группа «Клиенты по службе» — $p = 0,612$; группа «Сообщество профессионалов» — $p = 0,045$). Данный факт может быть объяснен меньшими возможностями сотрудников территориальных органов получить обратную связь о социальных эффектах профессионально-служебных действий, предпринимаемых ими в соответствии с установками той или иной группы лояльности.

Исходя из приведенных выше результатов, полученных на материале исследования сотрудников уголовно-исполнительной системы, можно констатировать, что служебные лояльности в большей мере ориентируют на должное служебное поведение служащих, непосредственно работающих с гражданами и их проблемами. Возможно, данные результаты могут быть экстраполированы и будут применимы и к категориям государственных служащих.

В отношении влияния на особенности служебной лояльности второго рассмотренного фактора — положения (уровня) сотрудника в служебной иерархии были получены следующие данные.

У сотрудников категории «Начальник территориального органа/учреждения» в служебной сфере доминируют лояльности группам «Мое подразделение» и «Друзья по службе». Они сформированы почти у 74% обследованных и встречаются даже чаще, чем доминирующая у большинства других категорий сотрудников лояльность группе «Друзья вне службы». Такой результат может быть связан с объективно высокой служебной занятостью сотрудников указанной категории и высоким уровнем личной ответственности за деятельность вверенного подразделения, предопределяющих их психологическую вовлеченность в деятельность данных групп.

Меньше выражены лояльности группам «Коллектив в целом», «Сообщество профессионалов» и «Сотрудники УИС». Сформированные лояльности группам «Карьерная команда», «Сотрудники правоохранительных органов» и «Госслужащие» наблюдаются реже, чем вышеперечисленные, однако в сравнении с представителями других групп их значения относительно велики. Преимущественно за счет этого выраженность лояльностей группам, функционирующим в профессионально-служебной сфере, у представителей квотной группы «Начальники учреждений/территориальных органов УИС» выше, чем в среднем по выборке исследования.

По результатам установления статистической значимости связей между потенциальными группами служебной лояльности и идеалами государственной службы «законность», «справедливость» и «общее благо» с помощью теста хи-квадрат Пирсона наиболее благоприятными для первых лиц учреждений и органов УИС со служебной точки зрения оказались группы «Сообщество профессионалов», «Друзья по службе» и «Коллектив в целом», статистически связанные с каждым из идеалов госслужбы на уровне $p \leq 0,05$. Группа «Карьерная команда» не ассоциировалась на статистически значимом уровне ни с одним из идеалов госслужбы. Таким образом, большинство сотрудников анализируемой категории обладает лояльностями, благоприятными для служебной деятельности, однако следует изучить их ведущие мотивы и факторы формирования.

Группа «Сообщество профессионалов» теснее всего ассоциируется ($p \leq 0,01$) у первых лиц с заботой, сотрудничеством, согласием, пониманием, единством, удовольствием, идеалом, самореализацией, общением, доверием, традициями, увлечением, деньгами, ближним кругом и будущим, а также связана ($p \leq 0,05$) с включенностью, разумом, духовностью, эмоциями, интересным занятием и понятием «Я на самом деле».

Группа «Друзья по службе» оказалась связана ($p \leq 0,01$) с заботой, сотрудничеством, идеалом, пониманием, покоем, удовольствием, общением, новизной, деньгами, ближним кругом, интересным занятием, настоящим и служебным Я-образом, а также на уровне $p \leq 0,05$ — с интересом, согласием, самоутверждением, традициями и понятием «Я на самом деле».

Выяснилось, что группа «Коллектив в целом» сопряжена ($p \leq 0,01$) с сотрудничеством, интересом, самостоятельностью, согласием, пониманием, активностью, самореализацией, новизной, здоровьем, традициями, ближним кругом, настоящим и служебным Я-образом, а также на уровне $p \leq 0,05$ — с духовностью, идеалом, общением, гордостью и представлением о своей сущности.

Кроме того, при анализе абсолютного совпадения понятий в отношении групп служебной лояльности, являющихся одновременно наиболее благоприятными и популярными в указанной группе, было установлено, что с понятием «друзья по службе» часто совпадают ценности «общение» (в 58% наблюдений), «самоутверждение» и стратегия поведения «сотрудничество» (50%), групповое чувство «единство» и эмоция «интерес»

(47%), а также ценности «самореализация» и «покой» (42%). Несопряженной, но коррелирующей (r Спирмена) для понятия «друзья по службе» выступает поведенческая стратегия «приспособление» ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$). С понятием «коллектив в целом» у испытуемых сравнительно часто напрямую ассоциируются ценность «забота» (в 50% наблюдений) и эмоция «радость» (40%).

Ведущие группы служебной лояльности первых лиц продемонстрировали высокие статистические связи между собой, что свидетельствует о близости или даже единстве их репрезентации в сознании исследуемой категории.

У сотрудников категории «Заместитель начальника территориального органа/учреждения» в служебной сфере являются ведущими лояльности группам «Друзья по службе», «Сообщество профессионалов» и «Коллектив в целом». Лояльность группе «Друзья по службе» актуализирована почти у 54% обследованных указанной категории, группе «Коллектив в целом» — у 50%, «Сообщество профессионалов» — 48%.

По результатам установления статистической значимости связей между потенциальными группами служебной лояльности и идеалами государственной службы «законность», «справедливость» и «общее благо» с помощью теста хи-квадрат Пирсона наиболее тесно ассоциирующимися с ними у заместителей первых лиц учреждений и органов УИС оказались группы «Сотрудники УИС» ($p \leq 0,01$), а также «Сотрудники правоохранительных органов» и «Коллектив в целом» ($p \leq 0,05$). Как можно отметить, среди них нет относящихся к малым контактными группам. Это объясняется тем, что заместители первых лиц, как правило, курируют несколько различных направлений деятельности, которые они должны организовывать на основе каких-либо личных управленческих принципов и алгоритмов, что делает эффективным для деятельности использование наиболее широких и общих принципов и правил, существующих в культурах больших формальных групп.

Наиболее благоприятная с точки зрения влияния на служебную деятельность группа лояльности «Сотрудники УИС» оказалась теснее всего связана ($p \leq 0,01$) у заместителей руководителей учреждений и органов УИС с заботой, сотрудничеством, самостоятельностью, идеалом, согласием, единством, удовольствием, покоем, разумом, здоровьем, чувством как дома, традициями, интересным занятием, безопасностью, уважением. Обращает на себя внимание, что на этом высоком уровне с группой у сотрудников анализируемой категории одновременно связаны прошлое, настоящее и будущее, реальный и идеальный Я-образы. Это свидетельствует о том, что лояльность данной группе позволяет не только внутренне согласовать идеалы государственной службы, но и в высокой степени способствовать гармонизации и целостности личности сотрудника, его психическому благополучию.

У сотрудников категории «Руководитель (заместитель руководителя) среднего звена (руководитель структурного подразделения — управления, отдела, службы,

отделения, смены и т. д.)» в служебной сфере доминируют лояльности группам «Сообщество профессионалов», «Друзья по службе» и «Мое подразделение». Лояльность группе «Сообщество профессионалов» выражена почти у 59% обследованных указанной категории, «Друзья по службе» — у 56%, «Мое подразделение» — у 54%. Другие лояльности проявляются не столь ярко, группе «Клиенты по службе» — значительно меньше.

По результатам установления статистической значимости связей между потенциальными группами служебной лояльности и идеалами государственной службы с помощью теста хи-квадрат Пирсона установлено наличие статистически значимых связей всех групп с законностью и справедливостью. Отсюда следует, что лояльность данной категории служащих любой из рассматриваемых групп благоприятна с этой точки зрения для служебной деятельности, однако наиболее предпочтительны как объекты лояльности группы «Мое подразделение», «Коллектив в целом», «Госслужащие», «Друзья по службе» и «Сообщество профессионалов», значимо связанные ($p \leq 0,01$) также и с идеалом общего блага. Тот факт, что у руководителей среднего звена многие из разнообразных по характеру служебных лояльностей связаны с должными служебными установками, обусловлен многогранностью статуса руководителя среднего звена, который является, с одной стороны, ведущим специалистом и исполнителем в определенном направлении деятельности, с другой — его лидером и организатором, занимается неспецифической административной практикой, отвечая за данное направление и вверенное подразделение, выступает для подчиненных доступным наглядным эталоном профессионально-служебной деятельности.

У сотрудников категории «Руководитель подразделения осужденных (начальник отряда, мастер и т. д.)» в профессионально-служебной сфере чаще всего наблюдаются сформированные лояльности группе «Сообщество профессионалов» — 56% наблюдений. Чуть реже встречаются актуализированные лояльности группе «Сотрудники УИС» (49%), группам «Друзья по службе» и «Карьерная команда» (47%).

Результат, несколько отличающийся от других статусных групп, может быть объяснен следующим образом. С понятием «сообщество профессионалов» у испытуемых анализируемой группы сравнительно тесно ассоциируется ценность «самостоятельность» (44% наблюдений), стратегия «сотрудничество» значимо коррелирует с понятием «сообщество профессионалов» ($r = 0,51$; $p \leq 0,01$). Ценность «самостоятельность», сопряженная с доминирующей лояльностью, вызывается двойственностью статуса представителей исследуемой группы: с одной стороны, сотрудник выступает руководителем для осужденных и нуждается в их уважении и признании, а с другой — занимает одну из низших ступеней в иерархии сотрудников. Через предпочтение позитивно окрашенной неофициальной структуры сотрудник утверждает свою процессуальную независимость и право на усмотрение, приближая себя к предпочитаемо-

му статусу «начальник». Нетипичная для других групп сопряженность стимулов «карьерная команда» и «безопасность» также может быть интерпретирована как попытка укрепить свое неопределенное положение, повысить свой статус в глазах подчиненных-осужденных.

Единственной ассоциирующейся (статистическая значимость связи $p \leq 0,05$) у представителей анализируемой категории сотрудников с вышеперечисленными идеалами государственной службы является группа «Мое подразделение», а группа «Клиенты по службе» статистически не связана ни с законностью, ни со справедливостью, ни с общим благом. Отсутствие служебных лояльностей, эффективно формирующих благоприятные для службы ценности у сотрудников исследуемой категории, объясняется тем, что служащие во многом вынуждены интегрироваться с сообществом осужденных для решения своих служебных задач, что размывает служебные установки. В отношении данной категории также особенно важно изучить мотивы и факторы формирования лояльности, наиболее благоприятной с точки зрения формирования служебных установок группе.

Группа «Мое подразделение» статистически значимо связана при $p \leq 0,01$ с сотрудничеством, выгодой, согласием, единством, причастностью, чувством как дома, здоровьем, служебным Я-образом, ассоциируется с хорошими людьми, при $p \leq 0,05$ — с духовностью, идеалом, традициями, самостоятельностью, самореализацией, творчеством, самоутверждением, увлечением, безопасностью. Обобщая данные факторы, можно заключить, что лояльность этой группе у анализируемой категории сотрудников преимущественно предопределяется практической групповой активностью, обеспечивающей возможности для самореализации и воплощения позитивных личных ценностей.

У сотрудников категории «Не руководитель (специалист, инспектор и т. д.)» в профессионально-служебной сфере заметно доминирует лояльность группе «Друзья по службе» (59%). Распространенными также являются лояльности группам «Сообщество профессионалов» и «Коллектив в целом» (49 и 48% соответственно). Сформированные лояльности другим группам наблюдаются несколько меньше, а группе «Клиенты по службе» — реже всего.

Все потенциальные группы служебной лояльности в психической репрезентации рядовых сотрудников статистически связаны с идеалами государственной службы, поэтому любая из лояльностей в профессионально-служебной сфере может рассматриваться как фактор ориентации служащего на ценности госслужбы, что может свидетельствовать и о конструктивизме [22] интеграции служащих, относящихся к рассматриваемому уровню, в группы, функционирующие в профессионально-служебной среде.

Таким образом, эмпирически было подтверждено теоретическое предположение, что на особенности служебной лояльности значимо влияют служебный статус сотрудников и степень их непосредственного взаимо-

действия с гражданами и их проблемами в ходе решения служебных задач.

Основным отличием, возникающим под влиянием положения в служебной иерархии, выступает уровень сформированности служебных лояльностей, который у первых лиц учреждений и органов выше, чем в среднем по выборке. Данная ситуация обусловлена тем, что первые лица имеют более широкие возможности для получения удовлетворенности в доступных в профессионально-служебной сфере потенциальных группах лояльности, чем рядовые сотрудники и младшие руководители. При этом у рядовых сотрудников, в отличие от других категорий, лояльность, сформированная любой группой в профессионально-служебной сфере, связана с ценностями государственной службы, в то время как у других статусных категорий с ценностями государственной службы сопряжены лишь отдельные группы служебной лояльности.

Основным отличием, возникающим под влиянием непосредственного участия служащих в работе с гражданами и их проблемами, является круг потребностей, удовлетворяемых служебной лояльностью и, в свою очередь, поддерживающих ее. У служащих, вступающих в непосредственный контакт с гражданами и решающих их проблемы, служебные лояльности сравнительно более полимотивированы и служат удовлетворению большего количества потребностей за счет получения обратной связи от лиц, не относящихся к группе лояльности. Отсутствие обратной связи у лиц, не работающих с гражданами непосредственно, препятствует формированию в группах лояльности ценности общего блага как регулятора группового поведения.

В целом служебные лояльности чаще выступают как фактор должного служебного поведения у служащих, непосредственно взаимодействующих с гражданами, и у служащих с четким вектором направленности решаемых профессионально-служебных задач и без противоречивых внешних ожиданий.

Потенциальные группы лояльности меньше ассоциируются с идеалами государственной службы у служащих, наиболее часто сталкивающихся в своей деятельности с противоречиями реальной служебной практики. В УИС к этим категориям можно отнести руководителей учреждений, а также подразделений осужденных. Первые должны соблюдать порой противоположные интересы всех подчиненных служб, исполнять противоречащие друг другу и не отвечающие условиям деятельности нормативные документы и указания, искать баланс между декларируемыми целями и реальными управляющими воздействиями. Вторые вынуждены балансировать на грани интересов группы формальной принадлежности (сотрудники) и группы, в которую они фактически больше включены (осужденные). Для подобных категорий служащих, работающих в условиях наблюдаемых противоречий между идеалами и практикой государственного управления, определение и обеспечение оптимальных служебных лояльностей является важной научно-практической задачей.

Приведенные результаты могут быть основой для расширения сферы исследований и уточнения полученных данных с учетом выявленных как частных факторов, значимых в отношении всех категорий государственных служащих, так и специфических факторов, касающихся отдельных их категорий, а также их дифференциации для научно обоснованного психологического сопровождения деятельности.

Список литературы

1. Горностаев С. В. Основы психологической теории лояльности. Рязань, 2017. 224 с.
2. Maynard-Moody S., Musheno M. Cops, Teachers, Counselors. Stories from the Front Lines of Public Service. Michigan : University of Michigan, 2003. 221 p.
3. Brown M. K. Working the street: police discretion and the dilemmas of reform. New York : Russell Sage Foundation, 1981. xvi, 349 p.
4. Alden S. Discretion on the frontline: The street level bureaucrat in English statutory homelessness services // Social Policy and Society. 2015. vol. 14. № 1. P. 63–77.
5. Oberfield Z. Becoming Bureaucrats: Socialization at the Front Lines of Government Service. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014. 236 p.
6. McElligott G. Front-Line Workers and Public Policy // Beyond Service: State Workers, Public Policy, and the Prospects for Democratic Administration, University of Toronto Press, 2001, p. 188–214.
7. Evans T. Professionals and Discretion in Street-Level Bureaucracy // Understanding Street-Level Bureaucracy, / Ed. by P. Hupe et al., 1st ed. Bristol, Chicago, 2015, pp. 279–294.
8. Christensen T., Laegreid P. Complexity and Hybrid Public Administration –Theoretical and Empirical Challenges // Public Organization Review. 2011. vol. 11. No. 4. pp. 407–423.
9. Denhardt R. B., Denhardt J. V. The New Public Service: Serving Rather Than Steering // Public Administration Review. 2000. vol. 60. No. 6. pp. 549–559.
10. Matheson A. et al. Study on the Political Involvement in Senior Staffing and on the Delineation of Responsibilities Between Ministers and Senior Civil Servants // OECD Working Papers on Public Governance, 2007/6, OECD Publishing. doi:10.1787/136274825752.
11. Evans P., Rauch J. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of “Weberian” State Structures on Economic Growth. American Sociological Review, 1999. vol. 64. No. 5. pp. 748–765.
12. Dunn D. D. Politics and Administration at the Top — Lessons from Down Under. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997. 194 p.
13. Miller G. J. Managerial dilemmas: The political economy of hierarchy. New York : Cambridge University Press, 1992. 272 p.
14. Light P. (1995). Thickening Government: Federal Hierarchy and the Diffusion of Accountability. Washington, DC : Brookings. 234 p.
15. Mosher F. C. 1968. Democracy and the Public Service. New York : Oxford University Press. XII, 219 p.
16. Polidano C., Manning N. Redrawing the Lines: Service Commissions and the Delegation of Personnel Management. Managing the Public Service — Strategies for Improvement Series. London : Commonwealth Secretariat, 1996. 102 p.
17. Подколзина Е. А., Бальсевич А. А. Экономический анализ структур управления транзакциями в государственном секторе на примере Минэкономразвития РФ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 2. С. 144–163.
18. Цвык В. А. Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии // Вестник Тюменского госу-

дарственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2009. № 4. С. 44–52.

19. Лобанова Т. Н. Мотивы должностных перемещений между уровнями управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 4. С. 133–144.

20. Соломин И. Л., Чернышкова М. П., Суворина Н. Ю. Использование методики цветowych метафор (МЦМ) И. Л. Соломина в практике психологов УИС : метод. пособие. СПб., 2012. 69 с.

21. Горностаев С. В. Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 67–72.

22. Пестриков Д. В. О понятии «конструктивное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4(36). С. 74–78.

Поступила 26.09.2017

Peculiarities of Official Status and Activity as Factors of Official Loyalty

Gornostaev Stanislav V.,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor, doctoral student of the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service Ryazan, Russia. e-mail: stanislavrz@yandex.ru

Abstract. Along with universal factors of arising and functioning of loyalty, there are also specific factors that influence the development of loyalties to the groups operating in particular spheres. The following specific factors of the formation of loyalties in the professional-official sphere are to be considered: the position of an officer in the service hierarchy and the degree of his participation in direct work with citizens and their situations. An empirical study of employees of the penitentiary system of Russia conducted using the author's method of colour metaphors proved the connection of these factors with the peculiarities of official loyalty. The surveyed employees who work directly with citizens more often have established loyalties in the professional-official sphere. Loyalty groups satisfy a wider range of needs of field officers than those of management staff. Loyalty groups are also more often associated among field officers with the ideals of the public service. It's explained by the emotive aspect in their official activity and the opportunity to observe its socially significant results. The research also revealed some differences in the structure of official loyalty, motivation of individual loyalties and their connections with the ideals of the public service among the officers of different levels in the service hierarchy. In particular, it has been established that among employees belonging to the category of executive staff all loyalty groups in the service sphere are associated with the ideals of the public service - legality, justice and common welfare. The majority of potential groups of service loyalty are also associated with the ideals of public service for line managerial officers.

Keywords: groups; loyalty; official loyalty; official status; the values of public service; the motives of loyalty; the diagnosis of loyalty.

Citation: Gornostaev S. V. Peculiarities of Official Status and Activity as Factors of Official Loyalty. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 95–101.

References

1. Gornostaev S. V. The basics of the psychological theory of loyalty. Ryazan, 2017. 224 p. (In Russ.)
2. Maynard-Moody S., Musheno M. Cops, Teachers, Counselors. Stories from the Front Lines of Public Service. Michigan, 2003. 221 p.
3. Brown M.K. Working the street: police discretion and the dilemmas of reform. New York, 1981. xvi, 349 p.
4. Alden S. Discretion on the frontline: The street level bureaucrat in English statutory homelessness services. *Social Policy and Society*. vol.14. No. 1. 2015. P. 63–77.
5. Oberfield Z. Becoming Bureaucrats: Socialization at the Front Lines of Government Service. Philadelphia, 2014. 236 p.
6. McElligott G. Front-Line Workers and Public Policy. *Beyond Service: State Workers, Public Policy, and the Prospects for Democratic Administration*. University of Toronto Press, 2001. P. 188–214.
7. Evans T. Professionals and Discretion in Street-Level Bureaucracy. *Understanding Street-Level Bureaucracy*. Bristol, Chicago, 2015. P. 279–294.
8. Christensen T., Laegreid P. Complexity and Hybrid Public Administration — Theoretical and Empirical Challenges. *Public Organization Review*. vol. 11. No. 4. 2011. P. 407–423.
9. Denhardt R. B., Denhardt J. V. The New Public Service: Serving Rather Than Steering. *Public Administration Review*. vol. 60. No. 6. 2000. P. 549–559.
10. Matheson A. et al. Study on the Political Involvement in Senior Staffing and on the Delineation of Responsibilities Between Ministers and Senior Civil Servants. OECD Working Papers on Public Governance, 2007/6, OECD Publishing. doi:10.1787/136274825752
11. Evans P., Rauch J. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of “Weberian” State Structures on Economic Growth. *American Sociological Review*. vol. 64. No. 5. 1999. P. 748–765.
12. Dunn D. D. Politics and Administration at the Top - Lessons from Down Under. Pittsburgh, 1997. 194 p.
13. Miller G. J. Managerial dilemmas: The political economy of hierarchy. New York, 1992. 272 p.
14. Light P. Thickening Government: Federal Hierarchy and the Diffusion of Accountability. Washington, 1995. 234 p.
15. Mosher F. C. Democracy and the Public Service. New York, 1968. 219 p.
16. Polidano C., Manning N. Redrawing the Lines: Service Commissions and the Delegation of Personnel Management. *Managing the Public Service — Strategies for Improvement Series*. London, 1996. 102 p.
17. Podkolzina E. A., Balsevich A. A. Economic analysis of governing transactions structures in public sector: case of ministry for economic development of the Russian Federation. *Public administration issues*. No. 2. 2009. P. 144–163. (In Russ.)

18. Tzvyk V. A. Socio-professional status of the individual and the prestige of the profession. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. No. 4. 2009. P. 44–52. (In Russ.)
19. Lobanova T. N. Motives of job transfers between management levels. *Public administration issues*. No. 4. 2013. P. 133–144. (In Russ.)
20. Solomin I. L., Chernyshkova M. P., Suvorina N. Yu. Employment of Solomin I. L. colour metaphors method by in the practice of penitentiary psychologists. St. Petersburg, 2012. 69 p. (In Russ.)
21. Gornostaev S. V. Colour Metaphors Method as the Means of Diagnosing Officers' Loyalty. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70). 2017. P. 67–72. (In Russ.)
22. Pestrikov D. V. On the notion of 'constructive behaviour of employees of the penal system'. *Bulletin of the institute: crime, punishment, correction*. No. 4(36). 2016. P. 74–78. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи, от 4 до 12 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень, ученое звание, должность);

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 150 слов);

— ключевые слова (key words) (6-8 речевых единиц) из текста статьи.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — 20–25 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, большой объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5–2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваеву А. Ф.»). тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе в НЭБ (Научной электронной библиотеке).

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>.

Публикации в журнале бесплатные.

Подписные индексы:

41979; 41980 — по объединенному каталогу «Пресса России»;

11310 — по каталогу «Почта России».

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!

INFORMATION FOR AUTHORS AND SUBSCRIBERS

Dear colleagues!

Regulations On Submitting The Manuscript By The Author

1. General rules. The submitted materials shall comprise the results of original and completed research. Descriptions of pilot researches, reports missing scientific outcomes, duplication of earlier published works as an article are not admissible. The submitted materials shall not contain inappropriate borrowings.

The author of the manuscript is responsible for observing the copyright law and other legislative norms, accuracy and information value of the data conveyed. Publication of the materials in the peer-reviewed journals is the means of scientific communication and contributes largely to the corresponding field of science. The editorial office supports the mentioned communications and observes publishing ethical requirements.

2. The authors provide the editorial office with:

— the article arranged according to the requirements (the title — from 4 to 12 words). The title shall be of much information value, concise, conform to scientific style of the text, contain the main keywords describing the subject-matter of the research and its content. The title shall be comprehensible for readers and search systems;

— universal decimal classification (UDC) index in accordance with the subject-matter of the article;

— data about the author (family name, middle name, first name in full form, science degree, academic rank, position);

— full name of the organization, describing the form of ownership, each author's membership in a department, address with a zip-code. It is advisable to use the uniform name of the organization usually given in the organization's bylaw. When giving address in English it is necessary to observe English grammar rules and give the information as follows (according to rules of punctuation): apartment number, street, city, zip-code, county;

— the abstract. It should be informative, original, meaningful, structured according to the logics of the material, concise (100–150 words);

— keywords (6–8 lexical units) from the text of the article.

To be put on the English version of the journal site and in the Russian Science Citation Index system the translation of metadata is carried out by the editorial board.

3. Requirements to the submitted materials:

— the articles are admitted in the doc, docx, rtf file format, Times New Roman font — 14 pt, with 1,5 line spacing;

— the volume of the manuscript — 20–25 thousand characters, including pictures and tables, a larger volume is admissible in certain cases only, upon the editorial office resolution. The text is thoroughly proof-read and signed by the authors. Graphs, schemes, diagrams etc. must be fulfilled in vector programmes (not in Word) and saved in EPS or AI formats;

— contractions and symbols, measure units must conform to the standards adopted (in the International System of Units and GOST 7.0.12-2011);

— in References the authors are mentioned as cited. All the references in the article are given in ciphers in square brackets, e.g. [5, p. 6]. It is admissible to refer to different resources from the Reference list, their running numbers being separated by a semicolon, e.g. [10, p. 9; 12, p. 50] (GOST R 7.0.5–2008). When the reference is repeated, it takes the number of its first mentioning;

— resources with no author, normative documents (rulings, laws, instructions, etc), explanations, notes which will not be indexed in citation databases are given in footnotes at the bottom of the page and are not included in the reference list;

— self-citation is admissible if not exceeding 20% of the whole number of resources from the references list.

The journal is peer-reviewed. All articles are peer-reviewed despite the authors' academic ranks or science degrees. Peer-reviewing is carried out by the experts in the fields of the materials under review, the experts have got publications in the mentioned field during the last three years.

Manuscripts are admitted by e-mail on-line. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. The authors can send the materials to the address: the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, journal "Psychopedagogy in law enforcement" (subject: "to Karavaev A. F."), 7, pr. Komarova, Omsk, 644092, phone: +7 (913) 971-80-28.

The electronic versions of the journal are available at the website <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> and the websites of the scientific electronic libraries: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. The issues are placed in the Russian Science Citation Index system, electronic archives of the journal are available at elibrary.ru

As for detailed requirements to the arrangement of the article you can consult section "Information for authors" at the website <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>.

The publications are free of charge.

Subscription codes:

41979; 41980 — United catalogue "Russian Printed Media";

11310 — "Russian Post".

Welcome to cooperate!